

ВЕСТНИК

государственного
университета
«Дубна»

#3 2017

Серия
«Науки
о человеке
и обществе»

Электронный
научный
журнал

Тема номера:

**СОЦИАЛЬНАЯ
НЕСТАБИЛЬНОСТЬ
И ТРАНСФОРМАЦИИ
ИДЕНТИЧНОСТИ**

Редколлегия

Багдасарьян Н.Г., доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии и гуманитарных наук – **главный редактор**;

Боклагов Е.Н., кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и гуманитарных наук – **заместитель главного редактора**;

Ющенкова Д.В., кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, зам. зав. кафедрой психологии по научной работе - **редактор**.

Воинова А.А., аспирант кафедры социологии и гуманитарных наук ФСГН – **ответственный секретарь**;

Члены Редколлегии:

Назаретян А.П., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и гуманитарных наук;

Шимон И.Я., доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и гуманитарных наук;

Шатуновский И.Б., доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики, научный руководитель кафедры лингвистики;

Мещеряков Б.Г., доктор психологических наук, профессор кафедры психологии, научный руководитель кафедры психологии;

Хозиев В.Б., доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой клинической психологии;

Михайлова Н.В., доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой теории права;

Венгер А.Л., доктор психологических наук, профессор кафедры психологии.

В оформлении обложки использован фрагмент «Император» инсталляции Бориса Орлова «Ретроспекция» (XL галерея, Москва, 2004г.). Терракота, металл, эмаль.

Содержание

<i>Колонка главного редактора</i>	4
<i>Багдасарьян Н.Г. Научный журнал в социальном пространстве: формат и смысл</i>	4
<i>Тема номера: «Социальная нестабильность и трансформации идентичности»</i>	8
<i>Магарил С.А. Россия: неустойчивость государства как следствие монополизации ресурсов</i>	8
<i>Козлова М.А., Воронина Н.Д. Социальная сплоченность поселений родовых поместий: ресурс или барьер развития?</i>	17
<i>Лебедова Р.Д. Кризисы власти и кризисы идентичности</i>	28
<i>Строковская Т.Е. Национальный вопрос в Болгарии между воссоединением и независимостью (1885-1908)</i>	34
<i>Разговор о сущем</i>	42
<i>Канке В.А. НОМО ETHICIS</i>	42
<i>Памяти мастера</i>	51
<i>Валиуллин Х.Х. Экономическая бездна глазами астрофизика (памяти А. Чечельницкого)</i>	51
<i>Горизонты прикладной психологии</i>	61
<i>Маланов С.В. Влияние последовательности слов и предложений на эффективность воспроизведения семантического содержания текста</i>	61
<i>Шабанова В.О. Эргономичность веб-сайта: подходы и исследования</i>	72

Колонка главного редактора

Вступительная статья академика РАЕН, доктора философских наук, профессора, заведующего кафедрой социологии и гуманитарных наук Университета «Дубна».

Научный журнал в социальном пространстве: формат и смысл

3-4 октября 2017 г. в Институте философии РАН состоялась конференция, посвященная 70-летию журнала «Вопросы философии».

Юбилей журнала «Вопросы философии» – это праздник не только для тех, кто издавал и издает его, не только для авторов, публиковавшихся на его страницах, но и для всех читателей журнала. А среди них – не только профессиональные философы, к его текстам обращаются те, кого интересуют и волнуют острые и глубокие вопросы общественной жизни. Так было всегда – даже в самые сложные для мировоззренческих дискуссий времена.

Юбилей такого журнала – повод поговорить о современном состоянии журнального дела вообще. Учитывая, тем более, что научных журналов – и в электронном, и в традиционном, бумажном виде становится все больше.

Пожалуй, самая острая дискуссия возникла вокруг международных требований, о которых в своих выступлениях говорили представители Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ). Эти требования касаются и состава редакционных коллегий, и оформления статей и списков используемой литературы, и порядка рецензирования текстов, что в принципе не является для нас новым. Однако некоторые моменты вызвали у участников конференции и удивление, и недоумение. Так, например, редакция журнала обязана заниматься поиском дубликатов статей, и в случае обнаружения публикации в другом издании, такую статью ретрагировать, то есть, изымать ее из журнала, даже если журнал бумажный – на нее нельзя будет сделать ссылку. Редакции журнала следует также выявлять самоплагиат, и в этом случае статью не публиковать.

Все это, на наш взгляд, не дело журнала. Такого рода явления, как представляется, должны контролироваться самими авторами, и именно они несут за это ответственность, и, соответственно, репутационные риски.

Пожалуй, самое горячее обсуждение вызвал тезис о том, что международными базами – Scopus, Web of Science и другими, не приветствуются статьи, и, соответственно, журналы междисциплинарного статуса.

Выступавшие на конференции задавались вопросами: в чем смысл этих требований? будут ли они «работать» на рост научного знания? А, самое главное, если речь идет о текстах социально-гуманитарных – будет ли такая политика способствовать проникновению интеллектуально и этически важных для жизни общества идей в само это общество?

В этом фокусе посмотрим на социально-гуманитарные журналы, которые существуют в негуманитарных университетах. Попробуем ответить на главный вопрос: для какой цели они издаются? Каково их место в интеллектуальном пространстве инженерных и естественнонаучных специальностей? И чтобы на этот вопрос ответить, надо понять, какое место социально-гуманитарное знание занимает в подготовке специалистов негуманитарного профиля.

На рубеже 1980-х-90-х гг. ветер перестройки принес новое понимание роли социально-гуманитарных дисциплин в инженерном и естественнонаучном образовании. Первая в стране кафедра, в названии которой звучали социология и гуманитарное образование (через 3 года она стала называться «социологии и культурологии») появилась в МГТУ им. Н.Э. Баумана в 1987 г. Мне довелось эту кафедру создавать и руководить ею 19 лет. Как стало понятно со временем, новое направление оказало революционизирующее влияние не только на учебный процесс, но и на всю атмосферу Бауманского университета,

можно сказать, оплота технократии. Появилась аспирантура по социологии и философии, диссертационный совет, из небытия выводились имена (было проведено 7 Энгельмейеровских чтений) и пр. Созданный в МГТУ им. Н.Э. Баумана (не без сопротивления определенной части недоумевавших по этому поводу коллег) гуманитарный журнал стал органичной составляющей инновационного процесса (в советское время о подобном издании в техническом вузе и речи быть не могло). Понятно, что такой журнал в негуманитарном университете не может быть монопрофильным, а, тем более, узкопрофильным. Понятно также, что и сами статьи, как правило, содержательно «выходят» на проблемы техносферы, инженерного образования и инженерной деятельности, и что среди авторов есть не только философы и социологи, но и широко, философски мыслящие «технари». Собственно, в этом и заключена миссия подобного издания.

Аналогичны задачи и нашего молодого «Вестника государственного университета «Дубна». Серия «Науки о человеке и обществе», который публикует материалы социально-гуманитарной тематики, особо приветствуя их междисциплинарный характер – научные статьи, аналитические обзоры и рецензии, интервью, авторские методические разработки, биографические очерки и архивные материалы. Издание призвано стать площадкой для обмена опытом, полемики и популяризации научного знания, обсуждения и критического анализа современного состояния наук о человеке, обществе и культуре.

При этом мы считаем крайне важным, чтобы с материалами журнала знакомилась широкая публика, но в первую очередь, коллеги с кафедр, ведущих специализированную подготовку. Научное знание не должно оставаться герметичной «вещью в себе». А в особенности, знание социально-гуманитарное. Его смысл в том и заключается, чтобы оказывать воздействие на жизнь общества, открывать для него новые горизонты, предупреждать об опасностях и рисках. В связи с этим не могу согласиться с тезисом, прозвучавшим в одном из выступлений на конференции. Было высказано сожаление, что многие авторы слабо владеют специальным научным языком – социологическим, философским и пр. Мое возражение – не по поводу профессиональной компетентности пишущих (разумеется, она должна быть безупречной), а по поводу принципиальной цели журнальной деятельности и круга читателей. Для кого мы пишем? Если для узкого круга коллег, интересующихся определенной проблематикой, то тогда все правильно: должен быть специализированный журнал для этого круга понимающих язык специального знания, выходящий небольшим тиражом и с периодичностью не чаще 2-х раз в год. Например, как такой прекрасный журнал как «Этическая мысль», издающийся под эгидой ИФ РАН, главным редактором которого является академик РАН А.А. Гусейнов. Он как раз в своем выступлении и говорил о том, что не понимает, почему надо загонять все научные журналы в единый формат по международным требованиям.

Иное дело – гуманитарный журнал в техническом вузе, а не в Академии наук. Он по определению:

а) не может быть узкопрофильным – этого не позволяет сама картина представленности социально-гуманитарного знания в структуре университета;

б) не должен быть узкопрофильным, поскольку этого требует необходимость коллаборации обществоведов и «технарей», формирования согласованных (и при этом междисциплинарных) подходов к решению острых проблем современности. Напомню, что еще в 20-е годы прошлого столетия В. Вернадский подчеркивал, что дифференциация современной науки осуществляется не по отраслям, а по проблемам;

в) только в случае востребованности представителями других, негуманитарных направлений образовательной деятельности журнал будет способствовать решению чрезвычайно важной задачи – интеллектуальной институализации социально-гуманитарного знания в негуманитарном вузе, а в широком и перспективном плане – сдерживанию цивилизационного техногенного давления. Учитывая, что журнал «живет» в

пространстве университета, возникает (подчеркнем, в случае интереса к его материалам широкой вузовской публики) шанс проникновения социальных идей в специализированное образование.

А это сегодня архиважная задача. Мировые тренды в структуре университетского образования свидетельствуют о том, что усиливается его прагматизация и специализация, и развиваются эти тренды за счет резкого сокращения – вплоть до удаления из учебных планов – философии и других социально-гуманитарных дисциплин. Даже там, где существует давняя и глубокая традиция их бытования. Так происходит в ряде университетов Великобритании, Италии, США, Франции, Германии, в Скандинавских странах и пр. И в России – та же беда: во многих негуманитарных вузах уже не читают культурологию, социологию, резко сокращена история и философия.

А теперь давайте посмотрим, чем озабочена передовая, заметим, не только социально-философская мысль всего мира? Это – вызовы трудно решаемых глобальных проблем истощения ресурсов и неравномерности прироста населения, призрак постчеловеческого будущего и постчеловеческие ценности, цифровая реальность, геномика, ядерный терроризм и многое другое, что требует принципиально иных, чем до сих пор были распространены, подходов. Надо искать общие основания для решения этих проблем, для внесения социально-гуманитарного, этического измерения в естественнонаучные и технические направления науки. И такие основания формируются только в диалоге междисциплинарности.

Нам говорят: давайте сужать проблематику журнала, и тогда есть шанс войти в Scopus. Но такие ограничения, повторюсь, обесмысливают нашу деятельность. Как выходить из этих дилемм, пока неясно.

Кроме того, издание журнала становится самостоятельной профессией, требующей специальных профессиональных компетенций, которыми я, например, во всей полноте не обладаю, несмотря на немалое число собственных публикаций – статей, книг, учебников и пр. Зато обладают другие. Ежедневно на мою почту приходят предложения опубликовать «результаты своего научного труда», «заявить о своих научных достижениях» от никому неведомых журналов с никому неведомыми главными редакторами и составами редколлегии. Разумеется, за плату, размер которой варьируется, иногда весьма значительно. Это означает, что к настоящему времени сформировалось доходное поле на рынке научных услуг, которым владеют профессионалы, не обязательно сами занимающиеся наукой. Судя по тому, что многие журналы выходят ежемесячно, с перечнем направлений, насчитывающих более десятка единиц, это является основной деятельностью их организаторов. В то время как для занятых научной и педагогической деятельностью в ситуации роста учебной нагрузки и ужесточения квалификационных требований журнал – интересная, очень хлопотная, отнимающая драгоценное время, но совершенно безвозмездная деятельность. Бюджетной строки в университетах для финансирования нет, а ректорская надбавка и отдаленно не компенсирует временных затрат. Кроме того, необходимость тщательной работы с авторами и их текстами (а это – репутация журнала) сокращает собственную публикационную активность. Получается, что те, кто взял на себя организационную журнальную ношу, жертвуют еще и «Хиршем».

Для чего мы все же этим занимаемся? На награждении премией ТЭФИ одна из ведущих сказала: «знаете, это так сложно в три часа ночи встать, чтобы в четыре красивой быть в эфире. Кто это может делать? Только те, кто любят это дело и любят себя в телевизоре». Ну а мы не очень «любим себя в телевизоре», у нас другая профессия. Мы не себя любим в этих журналах, и в этой деятельности. А делаем это ради чего-то другого – ради красивой и глубокой мысли, которая с нашей помощью увидела свет, ради научной смены и тех молодых людей, которым мы способны помочь оформить свои идеи, ради обогащения коммуникации в научном сообществе. Это ведь не задачи даже, а самая

настоящая миссия. Очень хотелось бы, чтоб из всех нововведений, которые нынче сопровождают издательскую журнальную деятельность, не ушел бы смысл.

Теперь я думаю: стоит ли продолжать заниматься журналом, который должен очень измениться, чтобы соответствовать международным требованиям?

Вот выводы, которые сделаны мною по итогам обсуждений журнальной политики.

1. Современное состояние социального пространства науки с объективной необходимостью требует, чтобы качество журналов определялось не формализованными универсальными критериями, а тем, насколько материалы, увидавшие свет на страницах этих журналов, были интересны читателям и востребованы ими.

2. Чрезмерное регулирование формата научных журналов способно привести к обеднению их проблематики и тематики публикующихся в них статей.

3. Нововведения, подчиняющие издательско-журнальную деятельность неким международным стандартам (а заметим, что зарубежные журналы вовсе не выглядят на одно лицо), могут быть чреваты утратой национальной специфики и национальной традиции.

4. Требование узкой специализации идет вразрез с трендами научного развития, которые обусловлены междисциплинарной и трансдисциплинарной методологией. Следование такому принципу отсекает от социально-гуманитарной науки, отражающейся на страницах журналов, прорывные, нестандартные, нетривиальные идеи, ценность которых – не только в развитии самого гуманитарного знания, но и в общецивилизационном влиянии.

Н.Г. Багдасарьян

Foreword from the Editor-in-Chief.

Тема номера: «Социальная нестабильность и трансформации идентичности»

УДК 323.2

С. А. Магарил

Россия: неустойчивость государства как следствие монополизации ресурсов¹

Аннотация:

Исследуя социокультурные, экономические и политические механизмы, периодически порождающие катастрофы отечественной государственности, а также способы блокирования, демонтажа и преобразования этих механизмов с целью повышения ее жизнеспособности.

Ключевые слова: государственность, внешние и внутренние угрозы государственности, устойчивость государства, государственная власть, социально-властные отношения, показатели социального качества российского общества.

Об авторе: Магарил Сергей Александрович, кандидат экономических наук, Российский гуманитарный государственный университет, доцент факультета государственного и муниципального управления; эл. почта: magaril@yandex.ru

Чтобы никоим образом губернаторы, воеводы и протчие начальники в рудокопные дела не вступали и не мешалися.

Петр I

Государство пухло — народ хирел.

Ключевский

Из истории известно - российское государство распадалось четыре раза: в XI в. на удельные княжества распалась Киевская Русь; 600 лет спустя, в конце XVI – начале XVII в. в ходе Великой Смуты рассыпалось Московское царство; через 300 лет, в начале XX в. ушла в небытие Российская империя; по прошествии всего 74 лет, в конце XX в. распался Советский Союз. В соответствии с принципом Лейбница², повторяемость этих катастроф вынуждает рассматривать их в качестве объективной компоненты российской исторической динамики. И всегда распад государства сопровождали огромные человеческие жертвы. Отсюда - опасения рисков грядущего при дальнейшем движении России по исторически

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-03-00404.

² Принцип Лейбница гласит: «Если что-либо произошло в действительности, следовательно, именно для этого и только для этого оказались достаточные основания».

традиционной колее. Обращает внимание, сокращение жизненного цикла и периодический крах государства происходят на фоне последовательного, в течение столетий, роста территориального, природно-ресурсного, экономического, демографического и военного потенциала — всего, что необходимо для восходящего развития и благополучия общества. При 3% мирового населения Россия обладает 30% мировых ресурсов. К тому же к концу XX в. советское государство располагало мощным образовательным потенциалом, научно-техническими кадрами, а также организационными, информационными и идеологическими ресурсами, консолидированными в руках правящего режима. Однако советское государство все это не спасло.

Следует подчеркнуть: речь идет не о предсказании неизбежности очередного распада государства. Задача автора принципиально иная: привлечь внимание к социокультурным, экономическим и политическим механизмам, периодически порождающим катастрофы отечественной государственности, а также способам блокирования, демонтажа и преобразования этих механизмов с целью повышения жизнеспособности возникшего буржуазно-демократического строя.

Причины распада российской государственности. Российской империей управляли представители привилегированных групп; Советским Союзом – выходцы из внеэлитных слоев. Однако, исторический результат тождественен - распад государства. Это свидетельствует о сходном социокультурном качестве правящих групп обоих общественно-исторических проектов. Неустойчивую историческую динамику определяет комплекс причин: обширное географическое пространство, открытое для вторжения из вне; неблагоприятные для земледелия природно-климатические условия; поздний выход России на историческую арену по сравнению с европейскими народами; отсталость в сфере образования³; неизбывное пренебрежение правящими элитами принципом социальной справедливости; низкое качество стратегического государственного управления⁴.

Но есть еще один фактор, негативное влияние которого на российскую историческую динамику в должной мере пока не осмыслено. Речь идет о процессе - монополизации национальных ресурсов группами господства и ограничении доступа к этим ресурсам массовых слоев населения. Для описания этого социально-исторического явления целесообразно использовать концепцию, предложенную Нобелевским лауреатом Д. Нортон и его коллегами Д. Уоллисом и Б. Вейнгастром [22].

Свободный и ограниченный доступ к ресурсам общества. Все общества ученые делят на «порядок ограниченного доступа» (ПОД) к национальным ресурсам и «порядок открытого, свободного доступа» (ПСД) к ним. Общественное развитие - последовательное расширение эволюционным или революционным способом доступа массовых слоев к многообразным ресурсам общества: экономическим, политическим, организационным, образовательным, информационным, культурным... При этом для успешного перехода от ПОД к ПСД необходимы общие убеждения, цели, идеалы, т.е. социокультурное единство общества.

В условиях ранней военно-племенной демократии возникают социальные группы, обладающие значительным силовым потенциалом. Характерный пример, норманны - викинги - варяги, силой оружия покорявшие территории других этносов, обращая коренное население в рабов или данников и занимая позиции властной элиты. В дальнейшем, по мере исторической практики, государство вызревало вокруг этих социальных сетей, сохраняющих монополию групп господства на управление обществом, его важнейшие ресурсы, привилегии на доходные занятия [26, с. 13].

Важнейшие этапы в развитии европейского общества связаны с постепенным расширением доступа неэлитных слоев к многообразным ресурсам. Известно: экономика

³ Первый университет в России учрежден на 700 лет позже первого европейского университета.

⁴ О этом на Сочинском экономическом форуме (октябрь 2016) вновь заявил Д.А. Медведев.

Римской империи опиралась на труд рабов. М. Вебер как особо важный факт отмечал: «раб живущей в казарме, лишен и собственности, и семьи». Столетия спустя, «в поместьях Каролингской эпохи - пишет классик - мы находим раба в качестве сельскохозяйственного рабочего; и здесь он бесправен, и помещик имеет неограниченное право распоряжаться его рабочей силой... Но мы встречаем одно коренное изменение... Серва эпохи Каролингов мы находим в крестьянском дворе, на предоставленной ему господином земле в качестве крепостного крестьянина. Ему возвращена семья, а вместе с семьей у него появилась и собственность». По мнению Вебера, это составило «целый поворот в жизни низших слоев общества» [2, с. 454]. Замена раба крепостным крестьянином обеспечила воспроизводство рабочей силы, а потому дальнейшее развитие аграрной экономики Европы, зашедшей в тупик после утраты Римом способности вести завоевательные войны и прекращения притока рабов.

В дальнейшем буржуазные революции в европейских странах разрушили монополию феодалов на владение собственностью, открыв доступ к ней внеэлитным слоям населения. Стремясь увеличить свой доход, ремесленники совершенствовали орудия труда, что интенсифицировало трудовой процесс, а по мере роста потока усовершенствований, позволило перейти к механизации производства и машинным технологиям. Это стимулировало развитие науки, а массовое использование ее достижений обеспечило научно-технический прогресс общества.

Указ Петра I. Успех петровской модернизации обеспечен широким потоком инноваций. Однако и среди них выделяется Указ императора от 1719 г. «О предоставлении «Всеим и каждому» прав разыскивать руды и минералы и строить рудники и металлургические заводы» [6, с. 280-283]. Указ - яркий пример расширения доступа простолюдинов к ресурсам государства. Вопреки сословным ограничениям, наделение всех и каждого, включая крепостных, столь обширными правами имело по тому времени исключительное значение. Отсталость в развитии металлургии была прямой угрозой национальной безопасности. Русской армии и флоту нужны были пушки - шла война со Швецией (1700-1721). В западно-европейской дипломатии того времени циркулировало мнение: России уготована участь стать колонией Швеции - сильнейшей в военном отношении державы той эпохи.

Указ был обращен ко всему «народу нашего Российского государства» без всяких социальных различий. Не заблуждаясь относительно деловых качеств туземной бюрократии, Петр I повелел, «чтобы никоим образом губернаторы, воеводы и протчие поставленные начальники в рудокopные дела не вступали и не мешались... Против же тех, которые... в сыскание устройства и расширения тех заводов запрещать и мешать будут, объявляется наш жестокий гнев, неотложное телесное наказание, и смертная казнь, и лишение всех имений, яко непокорливому и презирателю нашей воли и врагу общенародной пользы...». Реформатор указал и на главнейшие причины, по которым поиск металлов и минералов «до нынешнего времени... пренебрежен»: «...частью, что наши подданные рудокopным делам, и как оную в пользу государственную и всенародную произвести не разумели; частью же ... трудов к оному приложить отважится не хотели, опасаясь, дабы некогда те рудокopные заводы, где с них добрая прибыль будет, от них заводчиков отняты бы не были». Опасения заводчиков были не напрасны. Такова была традиционная практика - наиболее прибыльные отрасли ремесла и торговли московские власти бесцеремонно объявляли казенной монополией.

Стремясь ободрить инициативу подданных, Петр повелел: «промышленники рудокopных дел, по данным им привилегиям или жалованным грамотам, сим обнадежены быть, что у них и у наследников их оные заводы отняты не будут». Тем самым, законодатель предоставил возникающей индустриальной частной собственности государственные гарантии. Вместе с тем, стремясь создать наиболее благоприятные условия для развития промышленности, Петр указал: ежели «помещики и владельцы тех земель, где руды изобрящутся... не имеет охоты сам строить и с другими в товарищество вступать не похочет или от недостатка своего не возмoжет, то принужден будет терпеть, что другие в его землях

руды и минералы искать и копать, и переделывать будут». В качестве компенсации император повелел выплачивать землевладельцу тридцать вторую долю прибыли от организованного на его земле производства.

Реформатор повелевает также горнозаводчикам отчислять «десятую долю от прибыли» на нужды Берг-коллегии. Фактически, это налог на развитие промышленности, поскольку коллегии вменялись: лабораторные исследования руд и минералов, «добрые советы и способы показать, коим образом с тою рудою и минералами наилучшее поступать, и в... неубыточное состояние произвести», а также выдача «по доброте руд смотря, займы денег на строение». Указ отчетливо свидетельствует: император стремился обеспечить развитию металлургии «благоприятный инвестиционный климат».

Обращает на себя внимание двойственное обоснование налога: «якоже во иных государствах обыкновенно есть», но вместе с тем: «токмо нам одним яко монарху принадлежащие рудокопные заводы и оных употребления». Таким образом, император ссылается на общепринятое в цивилизованном мире государственное право, и одновременно заявляет свои права... как типичный древнерусский вотчинник. Тем самым в деяниях Петра, как пишет Ключевский, проступает «безотчетная склонность воспроизводить в нововведениях отзвуки минувшего» [12, с. 198]. Создавая металлургию для укрепления национальной обороны, Петр I действует в соответствии с новейшими социально-экономическими теориями XXI в., расширяя доступ массовых слоев России к ресурсам государства. Однако политика Петра - скорее исключение в отечественной истории.

В указе императора прочитываются и социокультурные механизмы, тормозившие национальное развитие. Прежде всего, отсутствие технических знаний. Причина – 700-летнее, по сравнению с Европой, опоздание России с созданием университетского образования. Но, если первые 250 лет - следствие монгольского Ига, то последующие 450 лет - следствие охранительной позиции Русской православной церкви, отвергавшей европейскую рациональную науку, и государей, находившихся под ее влиянием. Церковь не без оснований полагала: распространение европейского рационального знания подорвет основы православной веры. Юношество поучали: «Спросят тебя, знаешь ли философию, отвечай, еллинских борзостей не ведаю, риторских астрономов не читаю, с мудрыми философами не бываю», «ибо богомерзостен перед Богом всяк, любя геометрию, се душевные грехи – учиться астрономии и еллинским книгам» [16, с. 296]. Недаром М.В. Ломоносов, уже в правление Елизаветы Петровны, настаивал: «Духовенству к учению... не привязываться, а особливо не ругать наук в проповедях».

Последствия режима ограниченного доступа. Отечественная история свидетельствует: властная монополия (самодержавный абсолютизм) закономерно порождает экономическую монополию групп господства, что неизбежно влечет нарушение принципа социальной справедливости, а потому и масштабные социальные конфликты.

Распад Киевской Руси. Характеризуя резкое имущественное расслоение той эпохи, Ключевский приводит пример одномоментного самообложения населения Великого Новгорода на оплату наемников (1018 г.). Высший класс был обложен более чем в 100 раз тяжелее, сравнительно с простыми горожанами. «Создавая столь значительное имущественное расслоение, - пишет Ключевский, «такой порядок не имел опоры в низших классах населения, которым он давал себя чувствовать только своими невыгодными последствиями» [14, с. 191-284]. Имущественная поляризация в сочетании с давлением кочевников, обусловила отлив основной массы русского населения на северо-запад европейской равнины и запустение Киевской Руси.

Распад Московского царства в Смутное время, в ходе 14-летней гражданской войны (1598-1613). Повод к смуте - отсутствие законного преемника на царский трон. Однако глубинные причины трагедии Ключевский видит во взаимной вражде, «в резком социальном разъединении», в том, что «всякий значительный город стал ареной борьбы между низом и

верхом общества». Этому весьма благоприятствовало «Московское законодательство: направленное к определению и распределению государственных обязанностей», оно «не формулировало и не обеспечивало ничьих прав, ни личных, ни сословных» [15, с. 17-58]. Затянувшееся на 250 лет крепостное право - период острого ущемления основной массы населения в доступе ко всему многообразию ресурсов: от социально-экономических до элементарно образовательных.

Распад Российской Империи. Империя прекратила свое существование в результате революции и гражданской войны. Массовые слои приняли самое активное участие в разрушении самодержавной государственности. Предпосылки краха империи сложились исторически. Как пишет Ключевский: «Из реформ Петра вышли два враждебных друг другу направления. Два склада мысли (*общественного сознания - С.М.*), которые были обречены на борьбу друг с другом» [3]. Остановимся лишь на двух факторах, исподволь толкавших империю к катастрофе: ограничения в доступе массовых слоев к гражданским правам и преднамеренном лишении населения доступа к образованию.

Элиты империи, исходя из корыстных интересов, исторически неоправданно затянули отмену крепостного права. Неслучайно Ключевский охарактеризовал реформы 1860 г. как «непростительно запоздалые». Земельная реформа носила половинчатый характер и не удовлетворила надежды крестьян, что позднее привело к массовым выступлениям.

В начале XX в. по европейской России широко разлился так называемый «аграрный террор». Крестьянские волнения охватили многие губернии. Крестьяне громили и поджигали помещичьи имения, захватывали хлебные амбары, происходили вооруженные столкновения с полицией и войсками. «В деревне развернулась настоящая гражданская война. За 1907-1909 гг. сожжено 71% и 29% хозяйств кулаков. В период с 1910 г. по 1913 г. сожжено 32% помещичьих усадеб и 67% кулацких хуторов» [8, с. 28-29]. Столь массовые беспорядки не могли обойтись без жертв.

Саратовский губернатор П.А. Столыпин в отчете Николаю II признал: «Все крестьянские беспорядки, агитация среди крестьян и самовольные захваты, возможны только на почве земельного неустройства и крайнего обеднения сельского люда. Грубое насилие наблюдается там, где крестьянин не может выбиться из нищеты. Там он обозлен и верит всякой пропаганде, а отчасти полагает, что насилием заставит власть имущих обратить внимание на свою обездоленность» [28]. Столь же ожесточенным был и «городской террор». Общее число государственных чиновников, убитых и покалеченных террористами, по данным А. Гейфман, с 1901 г. по 1916 г. - порядка 17000; из них только в 1905-1907 гг. 2180 убитых и 2530 раненых [4, с. 31-32].

Не заблуждались правители и относительно массового невежества для сохранения московских порядков. У Г. Котошихина, в его описании царствования Алексея Михайловича читаем: «Для науки... в иные государства детей своих не посылают, страшась того: узнав тамошних государств веры и обычаи и вольность благую, начали б свою веру отменять и приставать к другим (*обычаям - С.М.*) и о возвращении к домам своим никакого бы попечения не имели и не мыслили... А который бы человек... сам или сына или брата своего послал в иные государства без ведомости, не бив челом государю, а такому бы человеку за такое дело поставлено было бы в измену» [19, с. 53].

В книге Ключевского «Сказания иностранцев о Московском государстве» [17] среди двенадцати разделов, описывающих различные стороны жизни московской Руси XV – XVII веков, образование не упоминается - нет свидетельств. Зато есть свидетельства прямо противоположного свойства. Посол Англии в Москве Дж. Флетчер (XVI в.) в одном из писем в Лондон пишет: «Цари ... не дозволяют подданным выезжать из отечества, боясь просвещения, к коему россияне весьма способны, имея много ума природного» [10, с. 146]. Тот же Дж. Флетчер отмечает: священники «всеми средствами стараются воспрепятствовать

распространению просвещения» [29]. Екатерина II распространение знаний среди населения считала вредным. В «секретном письме» графу Салтыкову она откровенна: «Черни не должно давать образования, поскольку будет знать столько же, сколько вы да я, то не станет нам повиноваться в такой мере, как повинуются теперь» [18, с. 55]. Н.М. Карамзин в записке для императора Александра I пишет о политике имперской бюрократии, как о «давней традиции держать умы в невежестве, чтобы властвовать тем спокойнее» [9].

Выразительна роль Министерства народного просвещения. В 1830 г. среди помещиков появилась мода заводить для крепостных школы в своих имениях. Однако последовал Рескрипт 1837 г., который предписывал: «Чтобы в училищах, кои существуют или могут быть заведены помещиками для обучения крепостных их людей... сохраняемы были те же пределы, какие поставлены для училищ низших. Уездные предводители дворянства обязаны иметь за сим самый точный надзор, донося под их ответственность по инстанциям о всяком отступлении, какое будет замечено». В итоге, «грамотным ко времени освобождения крестьян было менее 10% населения» [25, с. 18].

По мнению Ключевского: «Русское духовенство в своих 700-летних заботах о спасении русских душ не завело школы дешевой, доступной для деревенского народа» [13, с. 143]. Он же в 1911 г. отметит в своих личных записях: «Средства западно-европейской культуры, попадая в руки тонких слоев общества, обращались на их охрану... усиливая социальное неравенство, превращались в орудие разносторонней эксплуатации *культурно безоружных народных масс*, понижая уровень их общественного сознания и усиливая сословное озлобление, чем подготовляли их к бунту, а не к свободе. Главная доля вины – на бессмысленном управлении» [11, с. 267].

Распад Советского Союза. Крах коммунистического режима и последовавший за ним распад советского государства во многом стали следствием социально-экономической стагнации; бедности основной массы советского населения; острейшей нехватки жилья; хронического, растянувшегося на многие десятилетия дефицита предметов первой необходимости, в том числе продовольствия. Так во второй половине 1980-х гг. в Москву по выходным дням, пригородными электричками, за продуктами питания отправлялись жители окрестных областных центров: Тула, Рязань, Тверь, Калуга... Не случайно Е. Примаков констатирует: развал СССР во многом предопределило его тяжелейшее экономическое положение [24, с. 80].

В то же время для чиновников коммунистического режима действовали созданные еще при Сталине системы спецобслуживания, недоступные для рядовых граждан. Значимый фактор и национальная память. Коммунистический режим, совершивший массовые преступления против собственного народа, не в праве рассчитывать на его защиту. В СССР правящий режим воспроизвел исторически традиционное отчуждение населения от власти. И потому в ходе кризиса 1991-1993 гг. народ не встал на защиту социалистического строя и целостности советского государства. Вторая сверхдержава распалась в условиях мирного времени, в отсутствии критически-значимых внешних угроз, защищенная мощнейшим ракетно-ядерным арсеналом и обладая всей полнотой государственного суверенитета.

Социально-властные отношения постсоветской России. В конце XX в. предпринята попытка радикальной трансформации России. Однако, по мнению чл.-корр. Н.И. Лапина, основным ее институциональным содержанием вновь стала вседозволенность авторитарных слоев, включая быстро размножившиеся бандитские группы. С начала XXI в. правящий режим осуществляет консервирующую стабилизацию, сохраняя инерцию социальных практик российско-азиатского этатизма [20].

Академик Ю.Н. Афанасьев убежден: Россия не развивается по восходящей траектории, так как подавляющее большинство населения России лишено свободного доступа к ресурсам - недрам, земле, основным фондам, финансам - и тем видам деятельности, которые формируются в ходе освоения этих ресурсов. Нет укорененных, направляющих

социальную практику институтов, гарантированных прав личности, собственности, даже морали и нравственности. Население России никогда не имело свободного доступа к ресурсам и основным видам деятельности по их освоению, не видно даже исторического движения в этом направлении [1, с. 232].

Выводы ученых вынуждают признать: в России начала XXI в. вновь возникли социально-властные отношения подобные тем, что уже не однажды обрушили российскую государственность. Именно это порождает опасения острейших системных рисков при дальнейшем движении социума по традиционной исторической колее.

Заключение. Многовековыми усилиями народа российское государство расширялось, наращивая многообразные ресурсы, необходимые для эффективного развития. Россия отразила все вражеские нашествия — наиболее опасную форму внешней угрозы. Тем не менее, государство периодически распадается под тяжестью внутренних проблем и угроз. При этом продолжительность существования каждой следующей версии государственности кратно сокращается по сравнению с предыдущим циклом.

В сложных, масштабных процессах большой длительности результат всегда обусловлен сложным взаимовлиянием многих причин. Одна из наиболее значимых причин периодического крушения государства - созданный еще в раннем средневековье правящим классом России режим ограниченного доступа к национальным ресурсам массовых слоев населения, что неизбежно тормозит национальное развитие. Политическая, а потому и экономическая монополия групп господства воссоздается при каждой смене формации: Древняя Русь - Московское царство - Российская империя - Советский Союз - буржуазно - демократическая Россия.

Ситуация иррациональная: при изобилии национальных ресурсов миллионы россиян поколениями живут в бедности, а то и в откровенной нищете. В ходе постсоветских рыночных реформ режим ограниченного, привилегированного доступа не только воссоздан, но и ужесточен. Феномен «власти-собственности» остался неизменным. «Акционерно-ваучерная кампания привела к торжеству номенклатурной приватизации: реальными собственниками стали в первую очередь представители старой партийно-хозяйственной элиты... Улучшить свою жизнь смогли в основном постсоветские элитные группы, у большинства же россиян уровень жизни существенно снизился» [23].

При этом основная масса продуктивных активов фактически монополично закреплена за правящим классом России. К 2015 г. основная масса экономически активных работников - 94,3% по-прежнему остается наемными и зависимыми от работодателей [27]. А число бедных по состоянию на начало 2016 г. оценивается в 23 млн.чел., без малого три Швеции. Режим ограниченного доступа распространяется не только на собственность, но и виды деятельности. Академик М.К.Горшков отмечает: «практическое отсутствие у большинства молодых людей шансов - куда бы они ни шли работать - на изменение их жизни и профессиональных траекторий» [5].

Группы господства, как и столетия назад, цинично пренебрегают фундаментальным принципом устойчивости государства – принципом социальной справедливости. Не случайно за годы постсоветских реформ, в процессе деградации отечественной экономики, Россия вышла на второе место (после США) по числу долларовых миллиардеров. И судя по массовому бегству представителей правящего класса за рубеж на ПМЖ, эта публика отчетливо осознает степень опасности и явно опасается остаться наедине с ограбленным ею народом. Принципиально изменить ситуацию способно лишь реальное представительство интересов массовых слоев населения в политико-правовом / партийно-парламентском процессе на основе качественного роста массовой политической культуры. Отечественная история вновь и вновь подтверждает правоту М.М. Сперанского «Самые благие намерения политических перемен сопровождаемы неудачами, когда образование гражданское не предуготовило к ним разум». Прошедших с тех пор двухсот лет нам не хватило для

общенационального благополучия.

И тому есть глубочайшие корни, уходящие в отечественную историческую и социокультурную динамику. К. Мангейм полагал: утверждать, что индивид мыслит... неверно. Он лишь участвует в процессе мышления, возникшем задолго до него. Человек обнаруживает себя в унаследованной ситуации и в обладании моделями мышления, сформированными до него чередой предшествующих поколений [21, с. 35-36]. По сути, классик писал о процессе формирования национального сознания, растягивающегося на столетия. Каков же отечественный исторический контекст: 250 лет Ига; затем до 350 лет крепостного права; затем, после полувекового перерыва - 74 года тоталитарной диктатуры. Опоздание на 700 лет российского университета — этой школы национального самообразования - по сравнению с европейским, упомянуто ранее. И, наконец, после 1000 лет проповеди гуманистических идеалов Христа Русской православной церковью, чудовищный по своей жестокости XX век национального самоистребления...

Наблюдаемые отечественные тенденции начала XXI в. свидетельствуют: общество во многом движется по традиционной колее. И дальнейшее движение вновь порождает огромные системные риски. Не случайно многоопытный Е.М. Примаков в своей последней книге пишет: для нынешней России главные угрозы не внешние, а внутренние, и прежде всего, - коррупция, разъедающая государство, лишаящая его доверия большинства населения [24, с. 182-184].

У социогуманитариев России безбрежное поле деятельности. Нам предстоит вырастить высоко-интеллектуальную, национально-ответственную элиту, способную обеспечить благополучие России в XXI веке. Об этом еще в 1907 г. писал один из авторов «Вех» А.С. Изгоев. И предрекал, «если не удастся создать в России государственную интеллигенцию сознательными усилиями, она в ней народится как результат целого ряда катастроф, если только за это время не погибнет и расчленился само государство. Пока мы живы, наша задача предупреждать эти катастрофы и готовить людей, способных к творческой работе» [7, с. 10-11]. Эта задача все также актуальна и в начале XXI века.

Библиографический список:

1. Афанасьев Ю.Н. Закат России? // Современная Россия. Дискуссия. М.: ИНИОН РАН, 2014..
2. Вебер М. Социальные причины падения античной культуры // Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994.
3. Владимиров Д. Юрий Пиповаров: власть должна прислушиваться к русской мысли [Электронный ресурс] // Еженедельник «Аргументы и Факты». 2010. № 21. URL: <http://www.aif.ru/society/history/18294> (дата обращения: 14.07.2016).
4. Гейфман А. Революционный террор в России 1894-1917. М., 1997.
5. Горшков М.К. Социальные факторы модернизации российского общества с позиций социологической науки // Социологические исследования. 2010. № 2. С.36.
6. Данилевский В.В. Русская техническая литература первой четверти XVIII века. АН СССР, 1954.
7. Изгоев А.С. Интеллигенция и «Вехи» // Русское общество и революция. М.: 1910.
8. Ильин В.В. Россия в сообществе мировых цивилизаций. М.: Книжный дом «Университет», 2009.
9. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/k/karamzin_n_m/text_0120.shtml (дата обращения: 16.01.2014).
10. Карамзин Н.М. История государства российского. М., 1983. Т.3.
11. Ключевский В.О. Афоризмы за 1911 г. // Из русской мысли о России; автор-составитель. И.Т. Янин. Калининград: «Янтарный сказ», 2002. С. 267.
12. Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1989. Ч. IV.

13. Ключевский В.О. Курс русской истории. М.; Петроград, 1925. Ч. IV.
14. Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1956. Т.1.
15. Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1956. Т.3.
16. Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1958. Т.3.
17. Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М.: Прометей, 1991.
18. Константинов Н.А., Струминский В.Я. Очерки по истории начального образования в России. М., 1953.
19. Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906.
20. Лапин Н.И. Гуманистический выбор населения России и центры внимания российской социологии // Социологические исследования. 2016. № 5. С. 26.
21. Мангейм К. Идеология и утопия // Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994.
22. Норт Д., Уоллис Д., Вейнгафт Б. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Издательство Института Гайдара, 2010.
23. Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Постсоветское институциональное развитие: в поисках выхода из колеи власти-собственности // Мир России. 2015. № 2. С. 50-54.
24. Примаков Е. Мысли вслух. М.: Центрполиграф, 2016.
25. Пушкарев Б.С. Две России XX века. 1917 – 1993. М.; Посев, 2008.
26. Сергеев В.М. Исторические истоки русской политической культуры // Политические исследования. 2012. № 4. С. 8-22.
27. Смирнов С.Н. Контекст социальных трансформаций в постсоветские годы: экономическая, институциональная и демографическая динамика // Мир России. 2016. № 1. С. 16.
28. Столыпин П.А. Всеподданнейший отчет саратовского губернатора 1903-1904 гг. М., 1993.
29. Флетчер Д. О государстве русском // Проезжая по Московии. М.: Международные отношения, 1991.

Magaril, S. A. **Russia: instability of the state as a result of monopolization of resources**

Investigating the socio-cultural, economic and political mechanisms that periodically generate catastrophes of the national statehood, as well as ways to block, dismantle and transform these mechanisms in order to improve its viability.

Key words: external and internal threats to the state system, stability of the state, state power, social relations of power, social quality indices of the Russian society.

УДК 316.3

М. А. Козлова, Н. Д. Воронина

**Социальная сплоченность поселений родовых поместий:
ресурс или барьер развития?⁵**

Аннотация:

В статье феномен поселений родовых поместий (ПРП) проблематизируется в контексте социальной сплоченности. «Экологическая» перспектива анализа социальной сплоченности позволяет оценить потенциал поселений родовых поместий к интеграции в российское общество и реализации социально значимой миссии развития сельских поселений и возрождения аграрного сектора. Теоретическую рамку работы составила Теория моральных мотивов, в соответствии с которой операционализировано многообразие форм социальной сплоченности. Эмпирическую базу составили результаты опроса жителей поселений родовых поместий ($N=100$). Результаты анализа полученных данных позволили заключить, что при высокой внутригрупповой сплоченности жителей поселений родовых поместий, приоритет ценностей Сохранения, признание права группы контролировать частную жизнь ее членов, стремление к гомогенизации сообщества по критериям, характеризующим мировоззрение его членов и безусловный приоритет интересов группы по сравнению с надгрупповыми ценностями и целями, свидетельствуют об ограниченности потенциала поселений родовых поместий к интеграции в российское общество и эскапистском характере мотивации их создания и существования.

Ключевые слова: социальная сплоченность, поселения родовых поместий, интеграция, группоориентированная мораль.

Об авторах: Козлова Мария Андреевна, кандидат исторических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», доцент кафедры общей социологии; эл. почта: makozlova@yandex.ru;

Воронина Наталья Дмитриевна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», преподаватель кафедры методов сбора и анализа социологической информации; эл. почта: nvoronina@hse.ru.

Сплоченность в социологическом дискурсе выступает синонимом социальности как таковой и составляет традиционный предмет эмпирического исследования, интерес к которому не ослабевает, поскольку приоритеты социальной сплоченности отвечают потребностям людей в аспектах как персонального развития, так и ощущения групповой идентичности, объединяют и примиряют между собой ориентиры индивидуальной свободы и социальной солидарности, экономической эффективности и справедливого распределения ресурсов, плюрализма ценностей и универсализма правил, регламентирующих действия

⁵ При поддержке Российского научного фонда № 14-18-03784 «Многообразие видов социокультурной сплоченности в условиях российских реформ: концептуализация и квалиметрия» (руководитель – д.соц.н., проф. Н.Е. Покровский).

социальных акторов. Однако в современных поликультурных обществах актуализируются и набирают силу типы интеграции, соответствующие партикуляристским формам социального устройства: гендерная, расовая, религиозная, этническая солидарности [21], выступая в качестве защитной реакции на многообразие. Имея определенный адаптивный эффект, ориентация на примордиальные – или воспринимаемые таковыми – общности в условиях современного поликультурного общества, оказывается, скорее, барьером на пути сплочения, порождая рост ингруппового фаворитизма и аутгрупповой дискриминации [6]. Конструктивный характер групповая сплоченность приобретает только при соответствии групповых норм универсальным надгрупповым правилам, разделяемым всеми социальными субъектами [2], ориентация на универсалистские ценности и следование надгрупповым нормам укореняет группу в поле социальности.

При том, что ориентация на «абстрактные правила», вероятно, единственный возможный путь ненасильственного сплочения в условиях современных обществ, основанные на приверженности надгрупповым правилам формы сплоченности, как свидетельствуют полученные в наших исследованиях данные, встречаются в российском обществе редко [6], а перспективы и ресурсы для их распространения остаются неясными.

Экопоселения, будучи относительно новым феноменом и в национальном, и в глобальном масштабе, стали предметом устойчивого интереса российских социологов. Обращая взгляд на экопоселения, исследователи ищут в них признаки распространения мировых тенденций дезурбанизации, дауншифтинга [5], проэкологического поведения и/или формирования локальных моделей социальной организации/ очагов зарождения институтов гражданского общества [10; 11] и экономического развития/ возрождения сельских территорий⁶. Эта амбивалентность оценок сущности феномена и перспектив его развития, вероятно, и поддерживает исследовательский интерес к нему. Данная работа ориентирована на поиск ответа на вопрос «Экопоселения – это «точка роста», форма локальной самоорганизации, потенциально способствующая возрождению сельскохозяйственных территорий, или форма эскапизма, не имеющая социально значимых эффектов?». К социальной проблеме, обозначенной этим противоречием, мы обратимся в заключительной части статьи, выводя ее решение из исследования социальной сплоченности жителей экопоселений. Прежде всего дадим краткую характеристику феномена экопоселений и определим исследовательский фокус его рассмотрения.

Экопоселения как социальный феномен

Термин «экопоселения» определяется в западной традиции как «идейные (“intentional community”)» или традиционные общины, использующие практики местного участия для того, чтобы целостно интегрировать экологические, экономические, социальные и культурные аспекты устойчивого развития в целях восстановления социальной и природной среды» [22]. Иными словами, экопоселения – это локальные сообщества единомышленников, на основе свободного самоопределения выбравших альтернативный тип поселения как место и контекст реализации альтернативного образа жизни. Под это определение подпадают разные типы поселений, среди которых отчетливо дифференцируются «классические» экологические поселения (территории устойчивого развития), поселения родовых поместий, социальные, профильные, социально-инженерные проекты, религиозные поселения, однако тема «экологичности» в той или иной степени значима для всех типов. Дж. Доусон, бывший президент Глобальной сети экопоселений (GEN), описал пять базовых принципов экопоселений [14]:

⁶ «Родовые поместья могут стать основой развития самоуправления и малых форм предпринимательства», утверждают некоторые исследователи [3, 6].

1. Экопоселения возникают как инициатива снизу и не финансируются правительством.

2. Жители экопоселений придерживаются ценностей общинной жизни и пытаются реализовать их на практике.

3. Жители экопоселений не сильно зависят от правительственных, корпоративных и иных централизованных источников воды, пищи, жилья, энергии и др. основных ресурсов, а напротив, стремятся обеспечить себя этими ресурсами самостоятельно.

4. У жителей экопоселений присутствует сильное чувство общих ценностей (единомыслие), иногда формулируемое в духовных терминах.

5. Экопоселения часто выступают в качестве исследовательских и демонстрационных площадок, предлагая образовательный опыт другим.

Перечисленные ранее типы поселений, как правило, соответствуют первому и четвертому из указанных критериев, что, видимо и стало основой для объединения под названием «экопоселение» столь различных по целям и стратегиям развития локальных сообществ, однако соответствие остальным трем критериям фиксируется далеко не во всех случаях. Сосредоточим внимание на поселениях родовых поместий, поскольку жители родовых поместий – сторонники движения «Звонящие кедровые сосны России»/ анастасийцы/ последователи учения Владимира Мегре - в нашей стране составляют большинство «беженцев» из города, по оценке специалистов компании «Циркон» [4].

Кратко обозначим суть этого специфического российского феномена.

Идея родового поместья была изложена в художественной форме в серии книг «Звонящие кедровые сосны России» писателя В.Н. Мегре⁷. Отличительные черты декларируемой идеологии родового поместья:

- продолжение рода;
- благоприятная среда обитания для семьи;
- бережное отношение к окружающей среде, природе;
- неделимость — поместье передается по наследству одному из детей или внуков, каждая молодая семья создает свое родовое поместье;
- органическое земледелие;
- многоукладность хозяйственной деятельности.

Таким образом, очевидно, что в создании родовых поместий проэкологическая идеология, хотя и присутствует, но не играет значимой роли. Кстати, и анастасийцы, и представители экологических движений дистанцируются друг от друга, поскольку экологические проекты ориентированы, прежде всего, на решение конкретных социально значимых задач, а основатели и жители родовых поместий – на создание «пространства любви». Таким образом, если поселения проэкологической ориентации характеризуются отечественными и западными исследователями как устремленный в будущее феномен новой эпохи, призванный воплотить все лучшее от доиндустриального и индустриального обществ, как площадки, апробирующие новые формы хозяйствования, то движение последователей В. Мегре направлено на возрождение «традиционной» культуры в той форме, в какой она понимается поселенцами, и потенциальная возможность поселений родовых поместий «стать основой развития самоуправления и малых форм предпринимательства» [3, 6], как представляют их миссию некоторые авторы, не кажется бесспорной. Именно на разрешение вопроса о возможности поселений родовых поместий реализовать эту миссию и направлено данное исследование.

В фокусе нашего внимания - социальная сплоченность жителей родовых поместий. Теоретическую рамку работы составило положение о том, что все многообразие форм сплоченности в современных обществах может быть сведено к двум типам: социальной

⁷ См. также 8, 9.

солидарности, с одной стороны, и социальной саморегуляции, с другой [1; 2]. Первый предполагает единство с определенными («своими») людьми и общую идентичность с членами своей группы как таковыми; второй – приверженность определенным правилам, имеющим нормативный характер. В социологической науке эта идея укоренена в работах Э. Дюркгейма, в современной социально-психологической интерпретации она получила развитие в теории моральных мотивов [15].

Теория моральных мотивов утверждает, что сплочение группы может обеспечиваться посредством двух систем моральных ориентаций, по-разному и с различным эффектом работающих на сплочение группы – моралью социального порядка, базирующейся на конструировании сущности (подчеркиванием значимости членства), и моралью социальной справедливости, основанной на значимости взаимодействия [19]. Однако две группоориентированные этики обеспокоены различными социальными вопросами: мораль социальной справедливости – накоплением и сохранением общественных благ, включая решение вопросов, связанных с экономическими ресурсами и возможностями, а мораль социального порядка – регуляцией образа жизни, предполагающей контроль над более «личными» сферами [16]. Закономерно и то, что две группоориентированные моральные системы связаны с разными акцентами на межгрупповых границах. Если мораль социальной справедливости основной упор делает на внутригрупповых различиях, то межгрупповые границы, соответственно, оказываются более проницаемыми, а лояльности и преданности не уделяется повышенного внимания. Мораль социального порядка подчеркивает важность верности, служит защите членов группы. Малопроницаемая межгрупповая граница, таким образом, призвана минимизировать внешние угрозы и опасности [13; 17; 18]. Таким образом, мораль социального порядка более эффективно выполняет функции адаптации и защиты, поскольку предполагает гомогенизацию группы, с одной стороны, и выстраивание определенных и непроницаемых межгрупповых границ – с другой. Ориентация на мораль социальной справедливости, напротив, менее эффективна в совладании с ситуацией неопределенности, но позволяет группе более успешно интегрироваться в сообщество более высокого порядка.

Рассматривая сплоченность в «экологическом» контексте, как единство внутригрупповой солидарности и надгрупповой интегрированности, мы задаемся вопросом о специфике реализации механизмов социального сплочения как стратегий сохранения и развития в сообществах поселенцев родовых поместий. Мы полагаем именно соотношение ингрупповой сплоченности и интегрированности сообщества в социальную систему более высокого уровня основанием для суждения о перспективах поселений родовых поместий.

Организация исследования

Выборка

Опрос проводился в поселениях родовых поместий (ПРП) Московской и Тульской областей в июле 2016 года.

Поселение А.

Существует 11 лет. Семей – 80 (зимует 6 семей, 24 человека). Форма землепользования – собственность.

Поселение Б.

Существует 8 лет. Семей – 70 (зимует 12), человек – 200 (зимует 30). Форма землепользования – аренда и собственность.

Поселение В.

Существует 7 лет. Семей – 35 (зимует 11), человек – 120 (зимует 30). Форма землепользования – аренда земли у юридического лица – Потребительского общества, членами и владельцами которого являются сами участники.

Всего опрошено 100 человек. Соотношение мужчин и женщин 1:1. Наиболее многочисленной является возрастная группа 27-40 лет – ее доля составила 41,8% ответивших, многочисленна и возрастная группа 41-50 лет (33,7%). Старшие возрастные группы (51-60 и 61+ лет) составляют 12,2% и 4,4% соответственно. Младшая возрастная группа составляет 8,2% ответивших. Среди опрошенных жителей ПРП состоящих в браке 81%, разведенных и вдовых – 7% и 2% соответственно, не состоящих в браке – 2%, а живущих в гражданском браке – 8%.

Для ответа на вопрос о потенциале поселений родовых поместий в завершении анализа обратимся к данным исследования социальной сплоченности жителей сел, опрос которых проводился в тот же временной период по той же методике (N=100).

Метод

На основании описанных положений теории моральных мотивов нами была предложена операционализация моральных основ социальной сплоченности и разработан опросник, результаты апробации и применения которого изложены в ряде наших публикаций.

В числе основных показателей, позволяющих судить не только о степени сплоченности группы, но и о качественном своеобразии сплочения рассмотрим далее радиус сплоченности; оценку интенсивности социальных связей в группе Своих; ценностно-ориентационное единство; социальную поддержку и сотрудничество в ин- и аутгрупповом контекстах: качество, интенсивность, реципрокность; соотношение доверия: генерализованного/доверия Своим; определенность групповых границ; открытость и гомогенность группы; степень группового влияния на индивида; соответствие ценностей и норм группы универсальным/надгрупповым ценностям и нормам.

Результаты и их обсуждение

Полученные данные представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Основные показатели сплоченности (в процентах от числа опрошенных)

Показатель сплоченности	ПРП
<i>Общая оценка респондентами интенсивности социальных связей в группе</i>	
Высокая	72
Низкая	4
<i>Субъективная оценка частоты неформальных контактов</i>	
Высокая	99
Низкая	1
<i>Качество, интенсивность и реципрокность социальной поддержки и сотрудничества</i>	
<i>Готовность оказать поддержку члену группы (в различных формах)</i>	
Сочувствие	100
Совет	100
Материальная помощь (незначительной суммой)	96
Материальная помощь (значительной суммой)	62
Помощь делом	98
<i>Ожидание различных форм поддержки от членов группы</i>	
Сочувствие	100
Совет	100
Материальная помощь (незначительной суммой)	96
Материальная помощь (значительной суммой)	58

Помощь делом	99	
<i>Ценностные ориентации⁸ (приведены централизованные средние значения приоритетности ценностей, объединенных в укрупненные блоки)</i>		
Сохранение	,2244	
Открытость изменениям	-,9306	
Самоутверждение	-,0885	
Самопреодоление	,7102	
<i>Самоидентификация с группой</i>		
Определенность	90	
Позитивная валентность	99	
<i>Субъективная оценка открытости и гетерогенности группы</i>		
Человека иного социального положения	98	
Представителя нетрадиционной сексуальной ориентации	7	
Носителя иных политических взглядах	80	
Иного вероисповедания	80	
Мигранта из другого города	100	
Мигранта из другой страны	93	
Имеющего зависимость	2	
Отбывавшего наказание в местах лишения свободы	6	
Человек с ограниченными возможностями здоровья	78	
<i>Гомогенность группы, определенность групповых границ</i>		
Субъективная оценка группы как гомогенной	6	
Оценка гомогенности группы по социальным критериям	Уровень образования	70
	Уровень доходов	11
	Политические предпочтения	84
	Религиозность	64
	Вероисповедание	51
<i>Оценка масштабов допустимого группового контроля</i>		
Допустимость контроля над частными сферами жизни	82	
Допустимость группового давления с целью соблюдения индивидом групповых правил	98	
Оценка готовности членов группы не нарушать правила	92	
<i>Оценка респондентами готовности группы объединяться для решения общественных проблем</i>		
Солидарность во мнениях и совместные действия	48	
Солидарность во мнениях, отсутствие совместных действий	42	
Отсутствие солидарности во мнениях	10	
Отсутствие интереса к общественным проблемам	0	
<i>Установки на поддержку интересов ингруппы/ более широкой общности при конфликте их интересов</i>		
Поддержка ингруппы	9	
Поддержка более крупной общности	1	
Отстаивание личных интересов	9	
Ориентация на «справедливость»	51	
Ориентация на закон	30	
<i>Доверие</i>		

⁸ Использован теоретико-методологический подход и формулировки Портретного опросника ценностей Ш. Шварца [20].

Генерализованное доверие (на уровне средний и выше)	47
Индивидуальное доверие (на уровне средний и выше)	100
Интегральный показатель сплоченности (1 – низкая сплоченность, 9 – высокая сплоченность)	5,58

Как свидетельствуют представленные в таблице 1 данные, жители ПРП оценивают уровень сплоченности сообщества как достаточно высокий, социальные контакты внутри сообщества отличаются высокой интенсивностью, высока готовность помогать другим поселенцам, так же, как и уверенность в получении помощи.

Таким образом, используемые индикаторы – основанные на оценках и самоотчетах респондентов о сложившихся практиках – свидетельствуют о высокой сплоченности жителей поселений родовых поместий, множественности и взаимности ожиданий и транзакций в их среде.

Таким образом, представленные данные свидетельствуют о приоритете для жителей поселений родовых поместий ценностей Самопреодоления и Сохранения, в основе которых, согласно концепции Ш. Шварца, лежит забота о природе и стремление к гармонизации внутреннего мира и социального и природного окружения, а также приоритет стабильности [20].

Границы сообщества открыты для всех, за исключением тех, кто имеет зависимости (алкоголь или наркотики) и нетрадиционную сексуальную ориентацию, поскольку ключевая идея движения – укоренение рода: «Это место (родовое поместье), где его (человека) зачали в любви, где он родился, где его воспитали <...> Это место, где родятся его дети и будут помнить о нём, так как во всём вокруг будут видеть нестираемую добрую память, ведь многие деревья живут сотни лет» [7], а значит, поселенцы рады видеть в качестве соседей людей в фертильном возрасте, способных и готовых оставить потомство [12].

Жители ПРП чаще оценивают свою группу как гомогенную с точки зрения этнической принадлежности, уровня религиозности и образования. По уровню доходов наоборот, поселения оцениваются как гетерогенные.

Большинство опрошенных жителей ПРП признают наличие правил, регламентирующих взаимодействие в группе, подавляющее большинство (98%!) в той или иной степени согласны с тем, что жители поселения имеют право настаивать на исполнении правил, принятых в нем. В целом похожая ситуация наблюдается, когда речь заходит о допустимости для других членов поселения вмешиваться в частную жизнь индивида: почти 85% так или иначе согласны с тем, что вмешательство в частную жизнь допустимо, и только около 6% считают это абсолютно недопустимым.

Таким образом, создается противоречивая ситуация: с одной стороны, опрошенные жители поселений родовых поместий видят группу как гетерогенную и декларируют принятие многообразия в своей среде, с другой – допускают и приветствуют групповой контроль над частной жизнью членов группы, что неизбежно приводит к гомогенизации группы по таким характеристикам, которые отражают смысловые ориентации и мировоззрение индивидов, что свидетельствует, скорее, о сплочении группы на основе морали социального порядка [15].

Уровень генерализованного доверия у жителей поселений значительно ниже ($z = -2,223$; $p < 0.05$) чем уровень доверия «своим». В случае противоречия интересов индивидов и сообщества макроуровня жители ПРП выбирают, преимущественно, «своих», что же касается мотивирующих аспектов – лидируют представления о справедливости.

Самыми распространенными среди жителей поселений родовых поместий формами активности являются участие в субботниках и мероприятиях по благоустройству и участие в сельских (поселенческих) сходах. В этих видах активности задействовано более 80% поселенцев, на втором месте по распространенности – обращения в государственные органы

по личным вопросам (32%), а также организация коллектива для решения своей или чужой проблемы (20%). Наименее распространенными являются все остальные виды активности – их доли очень малы и статистически не различаются между собой.

Результаты, полученные в ходе анкетирования жителей ПРП, были сопоставлены с данными жителей «традиционных» сел. При том, что жители сел и поселений родовых поместий демонстрируют равно высокий уровень сплоченности, обращение к отдельным показателям позволяет обнаружить существенные различия в его наполнении (таблица 2)⁹.

Таблица 2.

Различия уровня выраженности отдельных показателей сплоченности у жителей сел и поселений родовых поместий

Показатель сплоченности		Поселения родовых поместий	Село
<i>Субъективная оценка частоты неформальных контактов</i>			
Высокая		99	68
Низкая		1	32
Субъективная оценка группы как гомогенной		6	72
Оценка гомогенности группы по социальным критериям	Уровень образования	70	27
	Уровень доходов	11	32
	Политические предпочтения	84	43
	Религиозность	64	95
	Вероисповедание	51	91
Допустимость контроля над частными сферами жизни		82	34
Допустимость группового давления с целью соблюдения индивидом групповых правил		98	91
<i>Оценка респондентами готовности группы объединяться для решения общественных проблем</i>			
Солидарность во мнениях и совместные действия		48	75
Солидарность во мнениях, отсутствие совместных действий		42	17
Отсутствие солидарности во мнениях		10	4
Отсутствие интереса к общественным проблемам		0	4
<i>Установки на поддержку интересов ингруппы/ более широкой общности при конфликте их интересов</i>			
Поддержка ингруппы		9	12
Поддержка более крупной общности		1	5
Отстаивание личных интересов		9	34
Ориентация на «справедливость»		51	39
Ориентация на закон		30	10
Ингрупповое доверие (на уровне средний и выше)		100	96

Жители сел в меньшей мере вовлечены в неформальные контакты с непосредственным окружением и обнаруживают меньшую степень доверия односельчанам, по сравнению с жителями поселений родовых поместий, однако в большей мере склонны к объединению для решения общественно значимых проблем и демонстрируют большую готовность к взаимодействию с обществом в целом, в том числе к выходу на публичный уровень

⁹ Уровень значимости всех описываемых ниже различий - $p < 0.001$

При этом гомогенность группы жители села оценивают выше, чем жители ПРП, однако если для селян гомогенность охватывает показатели, характеризующие уровень жизни – уровень доходов, образование – показатели, детерминированные объективными условиями, то жители поселений родовых поместий видят большее сходство между членами сообщества по показателям, характеризующим мировоззрение и стиль жизни – этнокультурную идентичность и религиозность, что неудивительно, если учесть, что именно жители ПРП в отличие от жителей сел утверждают право группы контролировать и регулировать частную жизнь ее членов.

Выводы

Опрошенные жители поселений родовых поместий идентифицируют сообщество, к которому себя относят, как сплоченное, в полной мере признавая и эмоционально принимая факт своей групповой принадлежности. На уровне повседневных практик подобные представления о сплоченности сообщества реализуются как развитые реципрокные сети взаимопомощи: как эмоциональной поддержки, так и трансфертов, имеющих материальную основу (преимущественно, помощь делом и продуктами). Основу такого рода конфигурации внутригрупповой сплоченности составляют ценностные ориентации жителей эко-поселений: приоритет *Безопасности*, *Благожелательности* и *Универсализма* в иерархии ценностных ориентаций свидетельствует о выраженной мотивации преданности группе и заботы о благополучии её членов, стремлении быть надёжным и заслуживающим доверия членом группы в сочетании с мотивацией защиты группы и поиска стабильности, а также гармонизации социального и природного окружения и заботы о природе. Таким образом, мы видим, что две из трех ведущих ценностей – *Благожелательность* и *Универсализм* – соответствуют декларируемым целям формирования поселений родовых поместий. Ценность *Безопасности*, вероятно, инспирирует стратегии выживания сложившегося сообщества.

Обращаясь к тем аспектам сплоченности, которые характеризуют качественное своеобразие формы и механизма сплочения, отметим, что поселенцы отвергают возможность включения в сообщество людей с зависимостями, гомосексуалов и отбывавших наказание в местах лишения свободы, и это исключение обосновывается признанием права группы на контроль за сферой частной жизни входящих в группу индивидов. Возвращаясь к содержанию ценности *Безопасности*, занимающей лидирующие позиции в иерархии жителей поселений родовых поместий, заметим, что стремление гомогенизировать непосредственное социальное окружение поддерживается именно мотивацией личной и общественной безопасности и стабильности и, таким образом, отсылает нас к сущности спланированного механизма на основе морали социального порядка.

Анализ ответов поселенцев на вопросы, касающиеся принятого в группе отношения к проблемам общностей более высокого порядка и интегрированности группы в эти надгрупповые сообщества, показал, что, хотя респонденты проявляют заинтересованность в отношении общественных проблем, их интересы сосредоточены преимущественно на внутригрупповых процессах и событиях. Доверие поселенцев «своим» превышает уровень генерализованного доверия, уровень социального участия высок в отношении группы и незначителен в отношении надгрупповых общностей.

Таким образом, мы фиксируем типичный для сообществ, воспринимающих актуальную ситуацию как угрожающую, приоритет ценностей безопасности и стабильности: сообщество сплачивается для противостояния реальному или воображаемому врагу – гомогенность группы растет, что достигается посредством усиления внутригруппового контроля, в том числе и над частной жизнью входящих в группу индивидов, и возрастающей непроницаемости групповых границ. Закрывшись, группа минимизирует свои контакты с

«внешним миром»), а внутригрупповые правила и нормы могут вступать в противоречие с надгрупповыми. Сообщество жителей поселений родовых поместий стремится к тотальному контролю над установками, верованиями и поведением индивидов, что позволяет охарактеризовать этот тип сплочения как основанный на морали социального порядка, вертикальноориентированный тип. Такой тип сплочения ориентирован на производство целостности «примордиального» типа (общность «крови и почвы»), непосредственность и эмоциональную окрашенность отношений. В современных условиях в «чистом виде» такого рода целостность способна существовать и воспроизводиться лишь в семейных отношениях, однако общность может конструироваться как примордиальная в широком круге социальных контекстов, давая, казалось бы, прочную основу сплочения. Риторика «прочности» такой основы включает указания на «многовековой опыт», укорененность в традициях предков, так или иначе – проверку временем, а также апелляцию к интимному, сокровенному, «сокрываемому» от глаз и непосвященных умов чужаков, что мы и наблюдаем как в провозглашаемых идеологических принципах, так и в поведении жителей поселений родовых поместий.

Такая ситуация в целом типична для сообществ, в основе сплочения которых лежит мораль социального порядка: этот тип сплочения успешно выполняет адаптивные функции, позволяя входящим в группу индивидам чувствовать себя защищенными и окруженными социальной поддержкой со стороны других членов группы, но выступает преградой на пути интеграции группы в сообщество более высокого уровня. Таким образом, выявленная в исследовании ориентация поселений родовых поместий на самоизоляцию, формирование оппозиционной сплоченности, неготовность к интеграции в общество, позволяет утверждать эскапистский характер мотивации их создания и существования, что в целом делает сомнительным представление этой формы самоорганизации как эффективного механизма возрождения аграрного сектора и сельских территорий.

Библиографический список:

1. Гофман А.Б. От «малого» общества к «большому»: Классические теории социального роста и их современное значение // Классическое и современное. Этюды по истории и теории социологии. М.: Наука, 2003. С. 597-610.
2. Гофман А.Б. Традиция, солидарность и социологическая теория. Избранные тексты. М.: Новый хронограф, 2015.
3. Дмитриев Ю.А., Карпов А.Е. Социально-экономическое развитие сельских территорий посредством формирования и развития поселений родовых поместий // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 13. С. 2-8.
4. Задорин И.В., Колесникова Е.Ю., Мальцева Д.В., Халкина Е.В., Хомякова А.П., Шубина Л.В. Экопоселения как форма внутренней эмиграции: мотивация и перспективы распространения. Итоговый комплексный аналитический отчет по результатам исследования [Электронный ресурс]. Циркон. 2012. – Режим доступа: http://www.zircon.ru/upload/iblock/841/Jekoposelenija_otchet_ZIRCON_2012.pdf (дата обращения: 20.10.2017).
5. Задорин И.В., Мальцева Д.В., Хомякова А.П., Шубина Л.В. Альтернативные сельские поселения в России: стихийная внутренняя эмиграция или осознанный трансфер в будущее // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. № 2. С. 64-77.
6. Покровский Н.Е., Козлова М.А. Практики сплоченности в современной России: социокультурный анализ. М.: Университетская книга, 2016.
7. Родовое поместье [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://svoya-izba.ru/2013/02/25/rodovoe-pomeste/> (дата обращения: 20.10.2017).
8. Федеральный закон «О Родовых поместьях» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.biopole.ru/node/9071> (дата обращения: 29.04.2017).
9. Фонд «Анастасия» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.anastasia.ru/> (дата обращения: 20.10.2017).

10. Щукина М.Ю. Инициативы территориального общественного самоуправления в российских экопоселениях // Власть. 2014. № 8. С. 62-65.
11. Щукина М.Ю. Социальная активность как фактор самоорганизации российских экопоселений // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2014. № 5 (37). С. 98-103.
12. Экопоселения. Родовые поселения. Родовые поместья [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://poselenia.ru/> (дата обращения: 20.10.2017).
13. Cohen T.R., Montoya R.M., Insko C.A. Group morality and intergroup relations: Cross-cultural and experimental evidence // Personality and Social Psychology Bulletin. 2006. Vol. 32. P. 1559-1572.
14. Dawson J. Ecovillages: New Frontiers for Sustainability. Cornwall: MPG Books, 2006.
15. Janoff-Bulman R., Carnes N.C. Surveying the Moral Landscape: Moral Motives and Group-Based Moralities // Personality and Social Psychology Review. 2013. Vol. 17. № 3. P. 219-236.
16. Janoff-Bulman R., Sheikh S., Baldacci K.G. Mapping moral motives: Approach avoidance, and political orientation // Journal of Experimental Social Psychology. 2008. Vol. 44. P. 1091-1099.
17. Leidner B., Castano E., Zaiser E., Giner-Sorolla R. Ingroup glorification, moral disengagement, and justice in the context of collective violence // Personality and Social Psychology Bulletin. 2010. Vol. 36. P. 1115-1129.
18. Roccas S., Klar Y., Liviatan I. The paradox of group-based guilt: Modes of national identification, conflict vehemence, and reactions to the in-group's moral violations // Journal of Personality and Social Psychology. 2006. Vol. 91. P. 698-711.
19. Rutchick A.M., Hamilton D.L., Sack J.D. Antecedents of entitativity in categorically and dynamically construed groups // European Journal of Social Psychology. 2008. Vol. 38. P. 905-921.
20. Schwartz S.H., Cieciuch J., Vecchione M., Davidov E., Fischer R., Beierlein C., Konty M. Refining the theory of basic individual values // Journal of Personality and Social Psychology. 2012. Vol. 103. № 4. P. 663-688.
21. Tiryakian E. Modernity and the second return of mechanical solidarity / In M. Cherkaoui, P. Hamilton (eds.), Raymond Boudon: A life in sociology. Oxford: Bardwell press, 2009. P. 1-22.
22. What is an Ecovillage? [Электронный ресурс] // Global Ecovillage Network (Глобальная сеть экопоселений), раздел Ecovillages. – URL: <http://gen.ecovillage.org/index.php/ecovillages/whatisanecovillage.html> (дата обращения: 20.10.2017).

Kozlova M.A., Voronina N.D. Social cohesion settlements of kin's domains: a resource or barrier to development?

In the article the phenomenon of settlements of kin's domains is problematized in the context of the social cohesion. "Ecological" perspective of analysis of social cohesion allows us to evaluate the potential of the settlements of kin's domains to be integrated into Russian society and the implementation of a socially important mission of the development of rural regions. Theoretical framework is the Theory of moral motives, according to which a variety of forms of social cohesion was operationalized. The empirical database compiled the results of a survey of residents of settlements of kin's domains (N = 100). The results of the analysis allowed to conclude that the high intra-group cohesion, combined with the recognition of group rights to control the privacy of its members, the desire to homogenize the community and an unconditional priority of group's interests compared to values and objectives of the society, reveal the limited potential of settlements of kin's domains to the integration in the Russian society and the escapist nature of the motivations of their creation and existence.

Keywords: social cohesion, settlement of kin's domains, integration, group-based morality

УДК 316.3

Р. Д. Лебедова

Кризисы власти и кризисы идентичности

Аннотация:

В статье описана взаимосвязь кризиса власти и кризиса идентичности в период общественной трансформации. Объект, на примере которого проводится анализ, - роман Благи Димитровой «Лицо». Исследованы причины и последствия кризиса личностной идентичности, обусловленного противоречием между идеалом и реальной действительностью. Идеал – нравственная опора и источник веры в духовные силы человека, но когда прошлое довлеет над настоящим кризис идентичности неизбежен.

Ключевые слова: идеал, реальность, власть, идеология, драматизм, литературный канон, кризис идентичности, тоталитаризм.

Об авторе: Лебедова Румяна Димитрова, доцент, доктор, Русенский университет «Ангел Кънчев» – Филиал Силистра.

В современной болгарской литературе интерес к проблемам кризиса личностной и социальной идентичности, связан с темой общественно-политической трансформации и с изменением отношения к скомпрометированным идеологическим нормам, узаконенным социалистической властью, которые проверяют на прочность человека и общество.

В период 1944-1990 гг. в Болгарии социалистические каноны имели статус официального искусства, которое развивалось под присмотром строгого взора Партии. Тотальные требования социалистического реализма, как формально утвержденного метода, связывали его парадигмами, имевшими идеологический и пропагандистский характер. Они определяли тематические доминанты, накладывали идейные императивы, утверждали сюжетные модели и комплексы персонажей. Следование им было гарантией синхронизации с господствующими социальными и культурными тенденциями и обеспечения защиты с политическим оттенком. Предварительно созданные схемы зачастую моделировались историческим контекстом. Их устойчивость, легитимность и популяризация осуществлялись посредством образовательной политики и издательской деятельности государства, через академическое литературоведение, периодические издания, писательские союзы и проведение литературных дискуссий.

Роман «Лицо» Благи Димитровой нарушает эстетику социалистического реализма, его идеологическую манеру, в которой через требования, предъявляемые тоталитарной властью к искусству, унифицируются художественные тексты. Этот роман ставит проблемы основных принципов народности, партийности, героизации, исторического оптимизма и фиксирует, как патетично заявленное стремление к утверждению гуманистических ценностей остается в сфере пропаганды. Роман «Лицо» Благи Димитровой является знаковым для 80-х гг. XX века – периода, в котором стало ясно видно, что основы социалистического реализма треснули. Он оказался включен в некое предварительно иерархизированное пространство идеологом, расшатался утвержденный им «классово-партийный подход», размылась отчетливая граница между понятиями «положительный» и

«отрицательный» герой, оказались переосмыслены некоторые ценностные ориентиры, указанные прежде литературным каноном как непоколебимые, и использовавшиеся для контроля над нормативно регламентированной эстетикой. Но не цензура.

Идеологии контролируют определенные представления и транслируют энергию большинства, распределяемую по классовому принципу, но в переходной ситуации меняется и сеть идеологем, которая структурирует мышление, определяет идентификационные механизмы и ценностные параметры. Идеологемы втискивают в прокрустово ложе и деформируют нравственный смысл стремления к переменам. Это порождает кризис власти, выражением которого становится поколебленная вера в идеалы.

Это явление уже само по себе – разрушение авторитета власти и создает бреши в матрице сюжетных схем. Это изменение ценностной интерпретации социалистического образа жизни просматривается в романе, текст которого изображает социалистическое общество, как образ с сумеречными характеристиками. Оно представлено в виде хорошо отлаженного механизма с претензией на могущество, направляемого «центральным руководством» посредством рычагов железной дисциплины, манипуляций и насилия. Устоявшаяся поведенческая модель объединяет через директивы, энтузиазм, накопленный опыт мудрых вождей и партийных функционеров, которые подчиняют жизнь указам и поручениям, ведут битвы, прокладывают пути к светлому будущему и гарантируют благоденствие в новом мире. Они – связующие гайки в этой новосозданной мегамашине, которая неотвратимо устремлена вперед, давя на пути все сантименты и сомнения. И человеческие судьбы.

Тематический центр романа «Лицо» изображает, как господствующие императивы общества приводят к человеческой драме и кризису личностной идентичности. Кризисы идентичности порождают чувство растерянности, безысходности и вины и часто затрагивают четкие контуры моральных принципов, очерченные социальными и духовными тенденциями прошлого – опоры личности. Экзистенциальный выбор героев и способ, каким они отстаивают свои убеждения и достоинство – проекция точки зрения автора на проблему «время-власть-идентичность». Она показывает, как характерные для социалистического реализма темы интерпретируются в другом ракурсе и в этом смысле – изменяют свою семантическую нагрузку. Роман – контрапункт по отношению к литературным моделям, преднамеренно фиксированным господствующим «партийно-классовым принципом» и имеет антиканоничный характер. Он опровергает образцовую классификацию, по которой люди делятся на абсолютно хороших – принадлежащих к «новому миру», «новой вере» и тотально неблагонадежных (даже врагов) – тех, кто сомневается в чистоте и здравости идеологических императивов или проявляет сопротивление по отношению к скомпрометированным идеологическим моделям поведения. Эти особенности дают основание отнести роман к альтернативному канону, т.к. он не просто не вписывается, а «радикально отвергает или косвенно игнорирует» принципы соцреализма. Этот факт обусловил испытания, которые пришлось преодолеть автору и тексту на пути к своей читательской аудитории.

Книги, как и люди имеют свою судьбу и свою историю. «Лицо» (1981) один из романов, о котором можно написать свой роман по причине его тернистого пути, как литературной, так и социальной. Во многих отношениях судьба книги – зеркало времени, своеобразное «лицо» определенного исторического отрезка, который для Благы Димитровой является частью пути духовного созревания, выражением внутренней потребности нести «свою вину и ответственность» как гражданина и творца. В интервью Атанасу Свиленову она подчеркивала, что частично смысл жизни человека заключен в мужестве преодолеть порог от одного состояния к другому – «от утопии – к реальности». Реальность поставила на проверку в личном плане ее мужество пережить в противоборстве с системой собственную метаморфозу. Реальность поставила ее перед испытанием достоинства, моральных

критериев выбора, поиска и поддержания основных стимулов для жизни. В эссе «непредсказуемый мир» писательница признается, что для нее мощнейшим стимулом жизни является «личная ответственность за завтрашний день». Создание романа «Лицо» – отражение этого выбора. Его борьба за право на жизнь – также. Блага Димитрова работала над романом почти десять лет, хотя и с перерывами по ряду объективных причин. Для нее он превратился в судьбоносное произведение в «опус вите». «Лицо» – роман-документ, основанный на реальной истории, в которой переплелись судьбы ее друзей и близких, а также личные переживания. Этим обусловлен скрытый смысл повествования и психологизм изображения.

Мотив идентичности – ключевой в романах Благы Димитровой «Путешествие к самой себе» (1965), «Отклонение» (1967), «Лавина» (1971), «Лицо» (1981), названные литературными критиками философско-психологическими романами, в которых углубленная аналитичность мысли кристаллизована в афористичном высказывании в обобщения, представляющие социально-политический и моральный срез эпохи и процесс самоопределения в нем. Психологическая проникновенность самоанализа, личная точка зрения при оценке нравственных и социальных проблем, умозрительное начало, умение создавать панорамную картину действительности, – все это существенные особенности ее творческого почерка. Именно они, однако, и превратились в объект острых нападков со стороны социалистической критики, особенно в связи с обсуждением романа «Лицо», в котором с точки зрения социалистического реализма нарушены канонические принципы изображения жизни. По этой причине роман в годы социализма был запрещен.

В период 1944-1990 г. социалистический реализм имел статус официального искусства. Он был выражением легитимизированной и институционализированной воли Партии, Вождя, Идеологии. Его непреложные принципы зорко и беспрекословно охранались цензурой. Социалистический реализм предлагался как доминанта реалистичного изображения жизни в литературных произведениях и пропагандировал идейный пафос посредством демонстрации догматических представлений о «новом времени» и «новом человеке», воплощавших безусловную веру в «светлое будущее». Каноническое социалистическое общество представлено в образе могучего механизма, управляемого «центральным руководством» посредством рычагов энтузиазма, инициатив, внедрений опыта (чаще всего советского) мудрыми вождями и партийными функционерами, которые подчинили свою жизнь «декретам» и «приказам». Победа измеряется завоеванным авторитетом, плодом приобретенного «ценного опыта» или идеологической благонадежности, доказанной безусловной лояльностью к «Директивам», пропагандируемым посредством лозунгов, призывов, манифестов, доведенных до истеричных высот. Безропотная жизнь в условиях манипуляции и унификации гарантирует хорошее положение в социальной иерархии, следование партийным приказам в искусстве и замыкание в идеологемах – творческий успех.

Центральный образ в романе «Лицо» – Бора, идеалистка с революционным прошлым, которая болезненно и целостно переживает личный кризис идентичности, обусловленный поменявшимися взглядами на эпоху 50-х гг. XX в. и ее сущность, оказавшуюся отличной от ожидаемого нового общества «братства, равенства и справедливости».

Поскольку мир несовершенен, то и человек не может добиться достижения полной и абсолютной реализации, процесс трансформации неизбежен. Хотя и болезненный он является спасительным. Человек всегда наделен большим потенциалом, чем тот, что он сам в себе предполагает. Уязвимый перед эпохой и ее превратностями, поглощенный старанием узнать мир и постигнуть истину о своем месте в нем, он формирует новые идентификационные горизонты своего социального и духовного бытия. Метаморфозы самоопределения создают различные модуляции пережитого – сомнение в прежних авторитетах и опорах, также колебания в отношении принятия новых – «блуждающий

поиск», в процессе которого единственным спасением становятся «собственные корни, самосознание» [1, с. 119].

Почувствовав себя изгнанником в мире, где вещи уже лишены первичного смысла, и потеряв веру в идеалы, которые очерчивали горизонт его смысла жизни, человек переживает кризис идентичности. Экзистенциальные конфликты нарушают привычную целостность и ценностную значимость и порождают потребность как в новых опорах и координатах, так и в духовном и социальном перерождении.

Для Бory трансформация обусловлена фактом, что современный образ реальности оказывается отличным от того, на котором строятся ее экзистенциальные представления. Фундаментальные рамки ее существования, нарисованная картина мира, в которую она верила оказывается расколотой. Этическое несоответствие идеала и реальности приводит к разрыву с окружающей ее действительностью, порождающему пограничную ситуацию, преодолев которую она становится свободной от иллюзий «нового мира». Процесс духовного преображения представлен как преодоление гипноза идеализации, доходящего до ослепления.

Кризис идентичности обусловлен изменением точки зрения. Другой угол зрения чертит другой образ эпохи. Другой образ самого себя. Другую шкалу ценностей жизни. В определенном смысле это «реализованное стремление к различию», пробуждение спящей энергии и самообновление, переживаемое с болями от оттаивания.

По канонам социалистического реализма изображение нового человека, новой морали, нового мира всецело подчинено идеологическим клише. Инакомыслящие подвергаются санкциям и маргинализируются. Такой подход создает двуполярную модель, в которой доминирует графический рисунок и мешает достижению жизненной полнокровности образов.

В начале романа образ Бory выстроен в духе социалистической эстетики – с акцентом на аскетичность – подавление живости выражается через походку, одежду, обстановку ее дома, манеру общения и поведение. Идеологическая схема поведенческой модели предопределяет обезличенный и стерильный образ женщины, лишенной женственности, строгой, далекой от соблазнов жизни. Кажется, все у нее запрограммировано, втиснуто в прокрустово ложе идеологической унификации. Она из тех людей, преданных высшим и недостижимым идеалам, высшая ценность новой эпохи, чья вера, кажется, неподвластна повреждению. Самоотверженная и бескомпромиссная в исполнении своей миссии, она, однако, сознает, что теряет устойчивость, что «марксизм – смысл ее жизни – превращается в вероучение», что схематизм и догматика отталкивают молодежь, т.к. стали уже не идеалом, а обязательным школярским предметом, которым пользуются для «осуществления и оправдания унификации, подавления мышления...». И это прозрение обесценивает ее усилия. Расшатывается ее уверенность в решениях и действиях, она отдаляется от студентов, до которых так и не смогла достучаться, болезненно осознает, как воспринимаются идейные постулаты – равнодушно, как банальности, а порой с откровенной и неприкрытой иронией, обусловленной процессом изменений. Осознание противоречий болезненно, но и наполнено целительной энергией. Это попытка сохранения восприимчивости и адекватности в мире таком, какой он есть, попытка спастись от окостенения.

Процесс расшатывания идентичности усиливается и тем фактом, что Бора проживает полноценную жизнь не в реальности, а в снах, мыслях и воспоминаниях. Они являются неким вневременным фоном ее обычной человеческой жизни. Ее социальная активность не компенсируется пустотой личной жизни, степень удовлетворенности достигнутым не соответствует ожиданиям, вложенной энергии и благим намерениям.

Каноническая незыблемость идеологем, сформировавших основу ее личностной идентичности, оказалась разрушительной. Ее идейные представления и принципы, лишённые гибкости и способности адаптироваться к изменениям, предопределили

деструкцию и сделали ее неизбежной и фатальной. Кризис, который она переживает – прорыв в монотонном ритме ее доведенного до абсурда самоотвержении, отклонение от запрограммированного типа поведения, обещание раскола в идеологической однобокости ее мышления и поведения.

Судьба Боря иллюстрирует судьбу тех «идеалистов-неудачников, которые оказываются препятствием на пути построения новой конфигурации власти» [2, с. 37]. Реальность бросает на них тень сомнения и приводит к омрачению идеала. Идеалисты маргинализируются. Под лозунгами новой эпохи и нового человека укрепляются позиции людей, которые встроены в неподвижную структуру, создают прослойку привилегированной «партийной бюрократии». Заветная «народная власть» оказывается «эпохой догматики», которая как «родимое пятно на лбу», время, когда реальные интересы скрываются за проповедью идеала и действий во имя коммунистических принципов. Она теряет уверенность в прежнем убеждении, что новое общество опирается на «критику, самоуправление, саморазвитие, самосовершенствование» и осознает, что в этом «новом» мире господствует «обратная перспектива дна» – только там человек свободен от страха.

Потерянное социальное признание – знак достигнутой психосоциальной идентичности на индивидуальном уровне, лишь последствие духовного кризиса. Самоощущение «принадлежности к самой жертвенной части этого эгоистичного человечества» больше не спасительно, а превращает ее в анахронизм, т.к. все романтическое, происходившее в сфере героическо-революционном, является органичной частью только реальности снов и воспоминаний. Это драматический контрапункт настоящего, в котором пафос возвеличивания и политических деклараций – просто идеологическое клише, за которым скрываются или догматическая слепота, или хамелионское приспособленчество, или раболепное принятие чиновничьей модели, которое обеспечивает благоденствие. Возникшие сомнения в значимости и моральной пользе социальной роли радетеля за чистоту идеалов и блюстители нравственных устоев «нового» человека, а так же и в гуманности и справедливости стратегии их достижения, порождает драму личности.

Самоосознание и самоутверждение путем отказа от иллюзий и признания вины - это единственная возможная свобода для человека, чья этическая ответственность обуславливает и выбор – *выздоровление от гипноза успеха, выздоровление от непрестанной бдительности, выздоровление от перестраховок, от подъема по иерархической лестнице...* потеря привилегий, но сохранение своей мерки – отличной от бюрократической модели. Остаться с незапятнанным лицом, осознав свою идентичность и как «сущность» и как «самость» (Рикёр).

Кризис личностной и социальной идентичности – проекция утраченной устойчивости идеологической системы, поддерживающей картину мира, которая имеет ясную перспективу будущего и ценностные ориентиры, основанные на заботе о духовной свободе человека. Тоталитаризм присваивает власти право регулировать людские судьбы и требует однообразия выбора в социокультурных взаимодействиях. Что является полным отсутствием свободы. Ее достигают только те, кто своими ценностями и поведением ставит себя вне этого прокрустового ложа, ценой маргинализации и отказа от достигнутого социального статуса, как формы бунта против альтернативы – социальной мимикрии.

Бреши тоталитарной системы проявляются не в отходе от партии многолетних ее членов, а в неудачах по массовому привлечению новых сил в молодежной среде, согласно исследованию Анны Аренд. В романе «Лицо» нарушенное однообразие в типичном образе «нового человека» проявилось именно в этой тенденции. Если принять тезис Милана Кундеры («Искусство романа»), что человек стремится жить в мире, где добро и зло ясно различимы, так как имеет врожденное и неукротимое желание судить, более чем понять, - желание на котором зиждятся религии и идеологии – то расшатанная критичность, преодоленные максимализм и стремление Боря понять тенденцию отчуждения от идеологии

коммунизма являются выражением преодоления догматизма. Этот процесс представлен как прозрение к реальности – эмоциональное и идеологическое раскрепощение, духовное созревание в результате пройденного пути, который упирается в стену, и опыта «перевернутого времени».

Философско-психологическое осмысление проблемы идентичности осуществлено с точки зрения идеалиста, преодолевшего внутренние противоречия, сомнения и открытия, прошедшего трудный путь самопознания. Драматизм переживаний обусловлен тем, что экзистенциальное время человека не вписывается и не укладывается в идеологически утвержденную «модель мира», которая откровенно дискредитирована. Ее фрагментированный, лишенный монолитности образ оказывается копией с идеала, версией, которая не тождественна оригиналу. Подмена – результат имитации, спонтанной или намеренной, с идентичным результатом: она представляет идеал как абстрацию, разоблачает иллюзию коллективной сплоченности и навязывает недоверие как оценочную позицию, что с болезненной категоричностью компрометирует претензию тоталитарной власти на улучшение человека и общества.

Библиографический список:

1. Аренд, Х. Тоталитаризмът. С., 1993.
2. Ериксън, Е. Идентичност. Младост и криза. Наука и изкуство, С., 1996.
3. Знеполски, Ив. Българският комунизъм. Социокултурни черти и властова траектория. С., 2008.
4. Рикъор, П. Самият себе си като някой друг. Плевен, 2004.
5. Ясперс, К. Духовната ситуация на времето. С., 1996.

Lebedova R.D. Crises of authority and crises of identity

It outlines the interdependence of the crisis of power in a period of social transformation and the crisis of identity. The text discusses the novel "Litso", written by Blaga Dimitrova. It studies the causes and consequences of the crisis of the personal identity, determined by the contradiction between the ideal and the reality during totalitarianism era. The ideal represents the moral support and source of faith in the spiritual power of man, but when the past dominates excessively the present, the identity crisis is inevitable.

Keywords: Literary canon, power, ideology, dramatism, ideal, reality, identity crisis, totalitarianism

УДК 930.85

Т. Е. Строчковская

**Национальный вопрос в Болгарии между воссоединением и независимостью
(1885-1908)**

Аннотация:

В статье исследуются взаимоотношения национального большинства с другими этносами на территории восстановившей государственность Болгарской державы с 1885 г. по 1908 г. Статья включает анализ методов реализации национального взаимодействия на примере болгар Одринской Фракии и Македонии и греков Болгарского княжества после 1885 г., когда осуществилось воссоединение Княжества Болгария и провинции Восточная Румелия, и большая часть этнических болгар оказалась в составе одного государства.

Ключевые слова: этнос, Болгария, национальное взаимодействие, национальный вопрос.

Об авторе: Строчковская Татьяна Евгеньевна, кандидат исторических наук, доцент, эл.почта: t.e.strokovskaya@gmail.com.

Задача предлагаемой статьи состоит в том, чтобы показать, как строились взаимоотношения национального большинства с другими этносами на территории восстановившей государственность Болгарской державы с 1885 г. по 1908 г.

Проблема эта имеет две стороны: положение болгар за пределами Княжества Болгария и положение неболгар внутри Княжества. Обе они представляют несомненный исследовательский интерес, имеют важное значение в контексте обретения опыта национального строительства в указанный период и сохраняют социокультурную актуальность в последующие годы вплоть до настоящего времени.

После Берлинского конгресса 1878 г. Болгария оказалась разделенной и часть ее населения, проживающая на территории Одринской Фракии и Македонии, вошла в Османскую Империю. Кроме того, Северная Добруджа, где во время русско-турецкой войны этнические болгары имели относительное большинство (из 12364 христианских семей было 9324 болгарских, то есть приблизительно 3/4), была передана Румынии, в качестве компенсации за Южную Бессарабию и награды за участие в войне с Турцией на стороне России. Самым тяжелым условием мира, сделавшим невозможным для болгарских патриотов признать его условия и смириться с ним, стало отторжение южных областей от Княжества Болгария и сохранение их в составе Османской империи в форме автономной провинции Восточная Румелия. Это создало различия в правовом, этническом и конфессиональном положении частей единого народа, оказавшегося в разных государственных образованиях.

Вторая сторона проблемы – положение неболгарского, преимущественно греческого, населения в Княжестве Болгария. Своеобразие межэтнических взаимоотношений на Балканском полуострове состоит в том, что в круг его проблем, помимо обычных правовых вопросов, входят и вопросы вероисповедания, которые в силу исторических причин настолько тесно переплетаются с национальной идентификацией, что почти невозможно рассматривать их отдельно.

Предлагаемый обзор включает анализ методов реализации национального взаимодействия на примере болгар Одринской Фракии и Македонии и греков Болгарского княжества после 1885 г., когда осуществилось воссоединение Княжества Болгария и провинции Восточная Румелия, и большая часть этнических болгар оказалась в составе одного государства. 1908 г. принес Болгарии независимость, что способствовало укреплению ее внешнеполитических позиций и изменению политики по отношению к территориям, населенным болгарскими, но находящимися за пределами Болгарского государства. Именно в силу названных обстоятельств, хронологические рамки статьи ограничены периодом между 1885 г. и 1908 г., когда внутреннее и внешнее положение Болгарии на Балканском полуострове было относительно стабильным.

Болгары в Македонии и Одринской Фракии

В начале XX века в Македонии население распределялось следующим образом: общее число жителей достигало 2258224 чел., из них болгары – 1181336 чел., т.е. 52,31%, турки - 499204 чел., или 22,11%, греки – 228702 чел. (10,13%), албанцы – 128711 чел. (5,7%), влахи – 80767 чел. (3,58%), другие национальности, в том числе евреи, цыгане, черкесы и др. составляли 138879 чел. или 6,17%.

В это же время в Одринской Фракии проживало 968785 чел, из которых болгар было 410407 чел. или 42,37%, турок – 336879 чел. (34,77%), греков – 180622 чел. (18,64%), других национальностей в том числе цыгане, евреи, армяне 40827 чел. (4,22%) [4, с. 407].

По данным болгарского историка и этнографа Василя Кынчева, опубликованным в 1900 г., в Македонии проживало: болгар - 1 181 336, турок - 499 204, греков - 228 702, албанцев - 128 711, румын - 60 767, евреев - 67 840, цыган - 54 557, русских - 4000 и т.д. Порта, как известно, идентифицировала своих подданных в соответствии с их вероисповеданием. Однако с пробуждением национального самосознания эта система начала себя изживать. Одной из основных форм национально-освободительного движения стала борьба за собственную церковь [6].

По данным болгарского духовного управления – Экзархии - к 1900 г. в Македонии большинство болгар (810700) были христианами-экзархистами. Они составляли ядро, которое питало деятельность болгарских школ и церковных приходов. В то же время, некоторая часть болгар-христиан принадлежала к католической и протестантской церквям. Однако обучение в их школах также проходило на болгарском языке и по болгарским учебникам.

В Одринской Фракии болгары-экзархисты составляли 229216 человек, в то время как 58808 чел. состояли в подчинении Константинопольской патриархии. Католики были в незначимом меньшинстве.

В Македонии и Одринской Фракии к началу XX в. насчитывалось более 250 тыс. болгар, исповедовавших ислам.

Болгарская Экзархия была опорой и поддержкой болгар, оставшихся за пределами Болгарского Княжества. Созданная в результате борьбы за национальное признание в период Национального Возрождения, она продолжала существовать и после русско-турецкой войны 1877-1878 гг. В Македонии и Одринской Фракии она оставалась единственным официальным органом, который представлял и защищал права болгар перед властями Османского государства. Она организовывала и руководила защитой, сохранением и развитием болгарских церквей и школ, как оплотов национального самосознания болгар.

Формальные законы о правах официального представительства Болгарской Экзархии в Македонии и Одринской Фракии были изданы только в 1890 г. В следующем году, по приказу везира Камила, вышло предписание управляющим Солунским и Битольским вилайетами не препятствовать болгарам, которые хотят выйти из-под управления Константинопольской Патриархии и самостоятельно управлять своими церковными

школами через председателей своих общин. В результате этого распоряжения только за несколько месяцев 1891 г. более 150 сел и городов письменно заявили о своем переходе под управление Экзархии. В 1894 г. последовало такое же распоряжение для Велешской и Неврокопской епархий, а в 1897 г. под ведомство Экзархии перешли Битольская, Деберская и Струминская епархии. В Одринской епархии церковная община имела болгарского епископа без санкции султана.

Таким образом, к началу XX в. Болгарская Экзархия в Османском государстве имела семь признанных Высокой Портой митрополитов.

Главными направлениями деятельности Болгарской Экзархии, помимо религиозной опеки, были образование и культурное объединение болгар. Как инструмент был создан Школьный отдел, который ведал назначением учителей, обеспечением учебниками, разработкой учебных планов, контролировал бюджет и все расходы церковных общин на образование. Председателями школьных отделов на местах были духовные лица, назначенные Экзархом. С 1889 г. в помощь школьному отделу были созданы школьные комиссии, первая – в Салониках. Туда входили председатель церковной общины, директор мужской гимназии, один учитель и два представителя, избранные из состава общины. В обязанности школьных комиссий входила помощь в организации школ в бедных селах, сбор сведений о состоянии учебного дела, поиск и подготовка учителей и другая организационная работа.

В результате деятельности болгарских представителей в Македонии и Одринской Фракии болгарское просвещение к началу XX века достигло значительных масштабов. Общее количество школ увеличилось с 207 (1882-1889) до 942 (1899-1900), учителей соответственно с 351 до 1447 человек, а учащихся с 16063 до 32097 человек.

Лучше всего болгарское просвещение развивалось в Солунском вилайете, где было больше всего болгарских гимназий, училищ и школ, на втором месте был Битолькой вилайет.

В Одринской Фракии Экзархия не имела столь глубокого влияния на процесс образования, но и там школьное дело достигло значительных успехов. Болгарское просвещение в этом регионе включало деятельность читален, народных училищ, воскресных школ для детей и курсов для взрослых, беседы-лектории и театральные представления на болгарском языке и рассматривалось как инструмент воссоздания национальной идентификации. При очевидном преобладании болгарского населения в Македонии и Одринской Фракии, Османские власти стремились поддержать определенное равновесие сил между различными национальными и религиозными группами, в том числе между христианами разных конфессий. В области действовали, кроме опекаемых Экзархией, церковные и просветительские организации сербов, такие как общество «Св. Савва», «Общество сербов Старой Сербии и Македонии» и др., а также проявляли активность греческое и болгарское духовенство, подчинявшееся Константинопольской Патриархии. К концу XIX в. между Королевством Греция и Османским государством произошло новое охлаждение отношений, вызванное конфликтом из-за острова Крит, но с начала XX в. греческое влияние в Македонии и Одринской Фракии постепенно восстановилось. «Правящие круги Греции стремились расширить греческое влияние в вилайетах через церковь и школы, через распространение греческого языка и расширение контактов христиан Османской Империи с жителями королевства» [4, с. 410]. Греческий комитет в Афинах был преобразован в секцию министерства иностранных дел королевства и превратился в орган греческого правительства. Комитет обнародовал статистические данные, согласно которым большинство населения Македонии и Одринской Фракии считали себя греками, и именно греческая культура и традиция преобладала в духовной и гуманитарной жизни этих областей.

После 1885 г. усилилась сербская пропаганда в Македонии. Националистически настроенные круги в Сербии оценивали освободительную и просветительскую деятельность

в Македонии как серьезное препятствие для реализации сербских планов экспансии в этой области Европейской Турции. В начале XX века выросло значение македонского вопроса в сербской внешней политике. Еще в начале 90-х гг. XIX века система сербской пропаганды в Македонии была реорганизована и активизировалась. Основанием стало разрешение христианским общинам выбирать епископов в подвластных султану болгарских землях Македонии. В селах и городах северо-запада Македонии – Скопье, Кичево, Дебер, Куманово и др., были созданы сербские церковно-школьные комитеты, которые начали открывать сербские учебные заведения.

В этот же период правительство Сербии стремилось достигнуть соглашения с соседними державами о разделе Македонии на сферы влияния. С 1890 г. по 1893 г. Сербия обращалась с подобными предложениями к Греции, против Болгарии, а через несколько лет, в 1897 г., воспользовавшись стремлением Болгарии объединить силы против Турции, Сербия выступила с предложением к Болгарии о разделе Македонии. Однако болгарское правительство Стоилова отклонило это предложение. Тогда Сербия заняла по отношению к освободительному движению болгар в турецких вилайетах выжидательную позицию нейтралитета. Влияние Сербии на болгарское освободительное движение особенно ярко проявилось в период Горноджумайского болгарского национально-освободительного восстания 1902 г. В Сербии Горноджумайское восстание стало поводом для новых нападок против «подстрекательской роли Болгарии в беспорядках в Европейской Турции» [1, с. 46].

Горноджумайское восстание снова поставило перед Европой македонский вопрос и стало поводом для активизации балканской политики великих держав. Формальный характер действий султана по проведению реформ в Европейской Турции предопределил открытое вмешательство держав за улучшение участи христиан в европейских османских владениях. С этого вмешательства начался новый этап преобразований в Европейской Турции.

После окончания волнений в первое десятилетие XX века в Македонии преобладала идея «Автономная Македония для македонцев», как единственно верный путь решения македонского вопроса и «усилия по созданию южнославянского блока балканских народов против надвигающейся австрийской опасности» [1, с. 18] все еще оставались опорным пунктом в политической платформе демократических кругов и независимой интеллигенции. Об отношении болгар Одринской Фракии можно судить по материалам Союза болгарских конституционных клубов, из которых видно, что их максимальным требованием было «самоуправление в тех землях, которые населены болгарами» [3, с. 23]. Провозглашая в своей программе право всех народов сохранять и развивать свой язык и свое национальное самосознание, участники конгрессов Болгарских конституционных клубов в основу своей деятельности положили следующие принципы:

1. целостность империи;
2. культурную автономию населяющих ее народов;
3. гарантии прав национальных меньшинств, которые осуществлялись двумя путями:
 - территориальное выделение меньшинств в административные единицы по этническому признаку;
 - введение в этих сформированных административных единицах самоуправления.

Участники конгрессов неоднократно заявляли: «если кто-нибудь скажет, что мы, став отдельной административной автономной единицей, можем на следующий день потребовать присоединения к Болгарии, то это – абсурд. Счастье болгарского народа находится, и нам всегда следует помнить об этом, в величии нашего общего отечества – Оттоманкой державы» [3, с. 9-10].

Таким образом, если в Македонии господствовала идея независимого государства, населенного единым народом, то в Одринской Фракии преобладало стремление к национальной автономии в пределах Османской Империи. Но ни в одной из этих областей

не было мощного или сколько-нибудь значимого движения за присоединение ни к Болгарии, ни к Сербии.

Греки в княжестве Болгария

Юридическое положение лиц неболгарской национальности было закреплено в Берлинском договоре 1878 г., а также в конституции Болгарского княжества, принятой 16 апреля 1879 г. Учредительным собранием в г. велико Тырново. Так как национальный вопрос осложнялся проблемами вероисповедания, здесь они рассматриваются в комплексе.

В Тырновской Конституции при определении правового статуса населения в статье 60 отмечено, что «политическими правами пользуются только граждане Болгарского Княжества, а гражданскими правами – все, живущие в Княжестве» [2, с. 223]. Процедура принятия болгарского подданства, определяемая конституцией, не ставила никаких национальных, имущественных или конфессиональных ограничений. В ст. 55 говорится, что «иностранцы могут принять болгарское подданство, если это будет утверждено Народным Собранием» [2, с. 223].

Вопросы вероисповедания оговаривались еще в Берлинском трактате, где в статье 5 указано: «Различие в вероисповедании не может быть препятствием в пользовании граждан гражданскими и политическим правами, в занятии ими общественной службы и государственных должностей и получении наград, а также в занятиях производственной деятельностью в какой бы то ни было части княжества. Свобода вероисповедания и внешнего отправления культа обеспечена всем болгарским подданным, и не может быть никаких препятствий ни при иерархическом устройстве общин различного вероисповедания, ни в их отношениях с духовным начальством» [2, с. 223].

К 1901 г. среди членов Народного собрания Княжества Болгария было 16 греков, в числе окружных советников – 5, в разных местных управлениях – околиях – 181 человек в должностях кметей (помощники управляющего и общинные советники). Данные за этот же год о вхождении греков в министерства представляют следующую картину. Всего – 126 человек. Из них в Министерстве Внутренних дел – 40, в Министерстве финансов – 9, в Министерстве просвещения – 9, в Министерстве правосудия – 16, в Министерстве общественных зданий – 24, в Министерстве торговли и земледелия – 1, в Военном министерстве – 27.

В то же время, греческая газета «Балканские новости» в феврале 1904 г. сообщает, что «Преследования греков вообще в Болгарии дошли до того, что им не позволено свободно заниматься некоторыми профессиями. У нескольких греков из Македонии известные духовные и гражданские корпорации потребовали обещания, что их семьи в Македонии перейдут в ведомство Болгарской Экзархии» [5, с. 59], то есть поменяют церковно-административное подчинение.

Основное внимание в отношениях болгар и греков в княжестве Болгария уделялось церковному вопросу и проблемам образования. Подобно болгарам за пределами Княжества, греки стремились сохранить национальный язык и культуру с помощью церковных общин, находящихся в подчинении Константинопольской Патриархии, а также церковно-приходских и общеобразовательных школ и училищ, периодических изданий и других видов общественной, культурной и просветительской деятельности.

Греки в Болгарии были организованы в пять епархий, каждую из которых возглавлял митрополит, контролировавший деятельность выборных учреждений, управлявший церковными делами и делами по устройству образовательных учреждений, а также трудовой деятельностью своей паствы, за исключением имущественных отношений, проистекающих из этой деятельности.

По переписи 1900 г. греков в Болгарии насчитывалось 66635 человек и в их владении находилось 125 церквей и монастырей (одна церковь или монастырь на 533 жителя). Для сравнения – на 2188219 болгар Княжества приходилось 1883 церкви и монастыря (один на 1162 человека). С одной стороны, такая ситуация вызывала раздражение болгар, которые стали отнимать церковные здания у греков. С другой стороны – повлекло жалобы греков, которые обратились к Вселенскому Патриарху Иоакиму, а через него к Порте и великим державам, ища защиты от болгарского притеснения.

В меморандуме от 14 августа 1906 г. патриарх Иоаким пишет: «События, которые быстро развиваются в Болгарии и Восточной Румелии, преследования православных греков, их представителей из высшего духовенства, и вообще всех лиц, подведомственных Вселенской Патриархии, вынудили нас обратиться с новым протестом к Высокой Порте, чьего могучего и законного заступничества просим, чтобы добиться полного удовлетворения за вред, причиненный нашей церкви и греческим христианам» [5, с. 82].

Патриарх далее жалуется на систематические гонения, уничтожение греческих христианских общин в Болгарии, на насильственное изъятие общинного имущества – церквей, больниц, школ, упоминает «полное разрушение Анхиало – городка исключительно греческого, расположенного на черноморском побережье, где проживало более 6 тысяч человек» [5, с. 83].

Конфликт между болгарскими и греками приобрел серьезный характер. Однако его корни лежали еще во времена турецкого господства над Балканскими народами, когда болгары и греки начали борьбу за раздел церковного имущества и права владения церковными зданиями.

В условиях, когда Константинопольская Патриархия была единственной внутри страны защитницей интересов православных христиан Османской империи, это означало, что большинство церквей, митрополичьих домов и монастырей находилось в руках греков. В 1868 г. Порта обнародовала проект решения церковного вопроса, которое оставалось в силе до 1906 г. согласно этому документу:

Для территорий с преобладающим болгарским населением: «Церкви будут разделяться следующим образом: те, которые до настоящего времени использовали только болгары, будут принадлежать болгарам, а те, где болгары служили совместно с греками, останутся за греками, а болгары построят себе новые» (п.6).

Митрополичьи и епископские дома греческих митрополий и епископств останутся во владении греков, а церкви, где до настоящего времени служили только болгары, будут и впредь принадлежать болгарам, а церкви, которые до настоящего времени использовали греки и болгары вместе, останутся в руках греков, а болгары устроят себе новые» (п.8) [5, с. 58].

Деятельность греческих церковных общин не ограничивалась отстаиванием прав на владения церковными зданиями. Одной из важных сторон их активности была организация школ, училищ и гимназий. По данным Министерства народного просвещения за 1903/04 учебный год в Болгарии работало 53 основных училища для греков, из которых 11 мужских, 7 женских и 35 смешанных. В них работали 121 преподаватель и обучались 4846 учеников (3173 мальчика и 1673 девочки). В среднем, в Болгарии на 100 человек греков приходилось 6-8 школьников, на такое же число греков в королевстве Греция приходилось 3-7 ученика в разные годы 1903-1905. Обучение в школах для греков велось на греческом языке, по учебникам, отпечатанным в Афинах.

Однако греческие школы были поводом для беспокойства и недовольства болгар, т.к. по их мнению, полная свобода национальных меньшинств, гарантированная ст.78 Тырновской Конституции, была «истолкована греками во вред как себе, так и спокойствию болгарской державы» [5, с. 58]. Например, во всех греческих учебниках на географической карте Балканского полуострова не только земли Греции, Македония, Одринская Фракия,

Албания были покрыты розовой краской, следовательно, представлены как греческие, но и сама Южная Болгария до хребта Стара Планина...

В учебниках по гражданскому праву детям объясняется, что их Отечество – не только родная земля, но вся Эллада, в которую входит и их родина. Далее говорится, что Фракия, включающая и Южную Болгарию, Македония и Албания являются греческими землями, населенными греками. Далее сказано, что Фракия подвластна Турции и юные эллины призываются к общим действиям за освобождение отечества и присоединение его к Королевству Греции.

В уже названном учебнике географии говорится, что Греческая Фракия в 1878 г. была разделена на два турецких вилайета: Северную и Южную Фракию. Северная получила автономию. И это та самая автономная Фракия, тот самый турецкий вилайет, который автор учебника по гражданскому праву призывает школьников освободить и присоединить к Греции и который есть княжество Болгария [5, с. 59].

Естественно такие учебники не могли не раздражать болгар. Но с другой стороны, они сами использовали подобные приемы пропаганды среди болгар, живущих за пределами Княжества. Не случайно Патриарх Иоаким в одном из своих посланий выражает опасение, что «после первого шага, которым в 1885 г. Восточная Румелия была присоединена к Болгарии, все внимание Болгарии направлено к Македонии, как к новому предмету ее алчности»[5, с. 87].

Как показали последующие события, в этих опасениях была доля правды. Но и сама Греция была не прочь заполучить Македонию и вела в этом направлении активную подготовительную работу, как видно из приведенных выше документов. Таким образом в апелляции Патриарха, кроме пастырской заботы, просматриваются и политические цели, а именно, попытка добиться вмешательства Великих держав в дела Балканского полуострова в пользу Греции.

Итак, анализ некоторых проблем межнациональных отношений в Болгарии и за ее пределами на начальном этапе восстановления государственности, приводит к следующим заключениям.

Всякое государство стремится управлять внутренними коммуникациями, в том числе межнациональными, исходя из государственных интересов и политических целей на каждом определенном этапе своего развития. В период 1885-1908 гг. политическими целями для Болгарии было завоевание полной независимости и возвращение территорий, на которые рассчитывала Болгария после заключения прелиминарного договора в Сан-Стефано 19 февраля 1878 г. В связи с этим в национальных отношениях наметились две тенденции коммуникации с собственными национальными меньшинствами и опека болгар за пределами Княжества.

Отношения с греками приобрели в этот период особую напряженность. Отчасти, причина крылась в своеобразной историко-психологической реакции выросших «учеников». Первоначальная опека и покровительство над болгарскими христианами со стороны греков к моменту национального освобождения воспринималась как тягостное «фанариотское иго». События во взаимоотношениях с греками, последовавшие за освобождением болгар от турецкого господства, были вызваны стремлением полностью самоутвердиться, отстаивать свою идентичность, даже путем чрезмерного унижения недавних учителей и покровителей.

Второе направление в утверждении болгарской независимости заострилось на Македонии. В Македонском вопросе столкнулись интересы трех наций: болгар, сербов и греков, еще недавно совместно боровшихся с Османской империей. Теперь же вопрос расширения территорий самостоятельных государств вылился в соперничество национальных, национально-освободительных, национально-просветительских обществ и организаций на территории Македонии, где в этот период уже начиналось складывание особой народности. И здесь возникает вопрос: было ли, в конечном счете, исторически

оправданным культивирование национальных различий там, где на основе общности территории и политического статуса складывалась единая новая народность.

Библиографический список:

1. Божилова Р. Сербия и болгарское национально-освободительное движение в Македонии в начале 20 в. // Българият национален въпрос след Берлинския Конгрес (до социалистическата революция). БАН. София.1986.
2. Българска Държавност в актове и документи. // Конституция; сост. В. Гюделев. София,1881.
3. Дневници на учредителния и втория конгреси на Союзът на Българските конституционни клубове. Солунь, 1910.
4. История на България. София. 1991. Т.7.
5. Положение на гърците в България. София. 1906.
6. Шкундин Т.Д. К истории «македонского вопроса» [Электронный ресурс] / Болгария в XX веке. Очерки политической истории; отв. ред. Е.Л. Валева. URL: http://macedonia.kroraina.com/b20v/b20v_1.htm#c2 (дата обращения: 16.06.2017).

Strokovskaya T.E. The national question in Bulgaria between reunification and independence (1885-1908)

The article explores the relationship of the national majority with other ethnic groups on the territory of the restored Bulgarian statehood from 1885 to 1908. The article includes an analysis of the methods for realizing national interaction on the example of the Bulgarians of Odrinsky Thrace and Macedonia and the Greeks of the Bulgarian principality after 1885, when the reunification of the Principality was realized Bulgaria and the province of Eastern Rumelia, and most of the ethnic Bulgarians were in one state.

Keywords: ethnos, Bulgaria, national interaction, national issue.

Разговор о сущем

УДК 101.1

В. А. Канке

НОМО ETHICIS

Аннотация:

Статус этики рассматривается в контексте философии науки. Отмечается, что развитие позитивистского проекта привело к исключению этики из аксиологических наук. Таковы издержки недостаточного развития философии аксиологических наук. Приводятся аргументы, согласно которым этика является вершиной аксиологических наук, которые используют также достижения естественных и формальных наук. В этой связи выясняется, что определение человека в качестве homo ethicus является наилучшим выражением его подлинной, а именно, концептуальной природы.

Ключевые слова: homo ethicus, позитивизм, философия аксиологических наук

Об авторе: Канке Виктор Андреевич, доктор философских наук, профессор, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», профессор кафедры философии; моб. тел.: 8 (903) 816-94-69; эл. почта: kanke@obninsk

Вовлечение этики в контекст философии науки под эгидой позитивизма

Начиная статью, мы руководствуемся следующими четырьмя основополагающими отношениями. Во-первых, научное знание признается наиболее развитым в концептуальном отношении. Его принципы, законы и переменные проходят наиболее основательное научное обоснование из всех тех, которые нам известны. Во-вторых, полнота знания предполагает опору на достижения не избранных, а всех отраслей наук, каковых, как известно, насчитывается около двух десятков. В-третьих, аксиологические теории кульминируют в этике. Аксиологические теории в данном случае понимаются как концепции, оперирующие ценностями (предпочтениями) людей. Аксиологические теории отличаются от естественных и формальных теорий. В-четвертых, человек в качестве исключительно разностороннего существа должен быть нацелен на максимально эффективное сочетание этических достижений всех аксиологических наук. В противном случае он рискует упустить нечто исключительно важное для него и, следовательно, в конечном счете, оказаться состоятельным в этическом отношении не в полной мере. Разумеется, каждое из этих положений может быть поставлено под сомнение. Тем не менее, мы полагаем, что они могут быть приняты научно ориентированными читателями, настаивающие на критическом оценивании состояния современной науки, но не являющиеся адептами альтернативных науке воззрений. Автор придерживается как раз такой позиции [5; 6].

Естественные и аксиологические теории являются управлениями концептами сущих (объектами и субъектами), принципов, законов и переменных посредством методов дедукции, аддукции (метод соответствующим стадии эксперимента), индукции и абдукции.

В случае формальных теорий цикл познания имеет вырожденный характер. Преимущественное значение придается дедукции. Если она порождает противоречия, то пересматриваются, например, в логике и математике, исходные аксиомы. Такой пересмотр допустимо, на наш взгляд, интерпретировать в качестве формальной абдукции, которая не должна отождествляться с двумя другими формами абдукции, естественной и аксиологической. Абдукция всегда выступает как утверждение принципов новой теории.

Актуальная наука содержит только такие положения, которые не опровергнуты в ходе научного прогресса. С этой точки зрения начало науки уходит в самую далекую от нас древность. Следовательно, оно имело место не в избранные периоды Античности и не в Новое время, а значительно ранее. При констатации этого очевидного факта, тем не менее, приходится учитывать, что часто начало той или иной отрасли науки связывают с некими значимыми научными достижениями. Именно в этой связи начало, например, логики, математики, физики, экономики и информатики отсчитывают соответственно от Аристотеля (IV в. до н.э.), Евклида (III в. до н.э.), Ньютона (1687 г.), А. Смита (1776 г.) и А. Тьюринга (1936). Ньютон более всего прославился тем, что записал физические законы в форме дифференциальных уравнений. Нечто аналогичное, благодаря, прежде всего, усилиям У. Джевонса и Л. Вальраса, случилось в экономике лишь в 1871 г. Тем не менее, судьбу научной экономики обычно связывают с именем А. Смита. Возражать против этого не приходится, ибо Смит удалось развить стоимостные представления впечатляющим образом.

Необыкновенно актуальной вехой в развитии наук стало изобретение в первой половине XIX в. позитивизма. Он способствовал решающим образом становлению философии науки. Феномен науки был поставлен в фокус исключительно вездливой критического анализа, который в существенной степени определил будущее этики. Он не обошелся без размежевания этики с науками. В соответствии с установками позитивизма этике были предначертаны два пути развития. Она, должна была либо стать полновесной наукой, либо быть зачисленной в область знания, отмеченной отнюдь не почетной печатью метафизики.

В рамках первого позитивизма была сделана попытка реализовать проект по приданию этике отчетливого научного статуса. Он привел к развитию утилитаризма, классиками которого стали И. Бентам и Дж. С. Милль. Решающее по поводу статуса утилитаризма сказал И. Бентам. «Природа поставила человечество под управление двух суверенных начал, боли и удовольствия. Только они указывают на то, что мы должны делать, а также определяют, что мы будем делать. С одной стороны, задается стандарт правильного и неправильного, с другой стороны, цепь причин и следствий прикреплена к их трону... Принцип полезности признает это подчинение и принимает его за основу той системы, объектом которой является нормирование фабрики благоденствия в соответствии с указаниями разума и права» [9]. Это была попытка создать научный вариант нормативной этики, которая, впрочем, не привела к успеху. Утилитаристы, привязав этические концепты к феноменам боли и наслаждения, явно поспешили, дав повод обвинить их в психологизме. Создать последовательную научную теорию боли и наслаждения не удалось ни Дж. С. Миллю, ни Г. Сиджвику.

Утилитаризм встретил сильного соперника в лице американского прагматизма Ч.С. Пирса, У. Джеймса и Дж. Дьюи. Прагматисты, также используя концепт полезности, не связывали его с переживаниями боли и наслаждения, а придавали ему общенаучное значение. Пирс, формулируя прагматистскую максиму, разъяснял суть дела следующим образом: «следует рассмотреть все диктуемые некоторым понятием следствия, которые будут иметь предмет этого понятия. Причем те, что согласно этому же понятию, способны иметь практический смысл. Понятие об этих следствиях и будет составлять полное понятие о предмете» [7]. Достаточно обратиться к любой из современных аксиологических наук, чтобы убедиться, что прагматистам удалось выразить некоторые их существенные черты. Во

всех случаях рассматриваются различные варианты действия людей и максимизируется ожидаемая полезность. Прагматисты не поставили под сомнение научный статус этики, но они и не выявили ее отличие от аксиологических наук. Центральные установки прагматистов имели во многом предварительный характер, особенно в понимании концептуального устройства теорий. Далекое не случайно функциональная психология У. Джеймса пала под напором бихевиоризма Дж. Уотсона, К. Халла и Б.Ф. Скиннера, а прагматическая педагогика Дж. Дьюи была вынуждена уступить дорогу аналитической педагогике Р. Питерса и И. Шефлера. Перипетии, связанные с судьбой утилитаризма и прагматизма, показали, что статус этики не может быть определен вдали от достижений философии науки. В противном случае она становится разновидностью экзотики.

До сих пор рассматривался исходный позитивистский тренд развития нормативной этики как вполне добротной науки. Но для неопозитивизма с его лидерами Р. Карнапом и А. Айером он не характерен. Теперь нормативная этика решительно исключается из сферы науки. В плане оценивания статуса этики предшественником неопозитивистов был один из основателей аналитической философии Л. Витгенштейн. Он в его «Логико-философском трактате», беспощадно утверждая, что в мире нет ценностей, тут же делал весьма обязывающее заключение: «невозможны предложения этики» [2]. Разумеется, ранний Витгенштейн ошибался. Ценностей нет в природе, но мир человека буквально начинен ими.

Р. Карнап придерживался сходной с Витгенштейном позиции. «Утверждения нормативной этики, имеют ли они форму правил или форму ценностных деклараций, не имеют никакого теоретического смысла, не являются научными высказываниями (принимая, что слово «научный» означает некоторое асерторическое высказывание)» [2]. «В действительности ценностное утверждение есть не что иное, как распоряжение, представленное посредством вводящей в заблуждение грамматической формы. Оно может оказывать воздействие на действия людей, и эти эффекты могут соответствовать или не соответствовать нашими пожеланиями; но оно не является ни истинным, ни ложным. Оно не утверждает ничего и не может быть ни доказано, ни опровергнуто» [2, с. 24]. Знаменитый пример Р. Карнапа гласит, что из утверждения «Убийство – зло», нельзя сделать какие-либо значимые истинные выводы.

Согласно А. Айеру этические утверждения являются выражениями чувств. Выражения чувств не могут быть истинными или ложными, их невозможно подтвердить или опровергнуть фактами. Следовательно, «не может быть такой вещи, как этическая наука, если под ней понимать разработку «истинной» системы морали», «этические понятия суть псевдопонятия и потому не анализируемы» [1]. Этические принципы обладают не научным, а чисто эмоциональным значением, они возбуждают нравственные эмоции.

Аргументация Л. Витгенштейна и неопозитивистов ошибочна. Во всех аксиологических науках на стадии эксперимента присутствуют факты. Если буханка хлеба стоит в данном магазине 30 руб., то это факт столь же непреложный, как, например, скорость автомобиля. Экономические принципы и законы, а они являются ценностями, позволяют предсказать наступление некоторых событий, например, повышение или снижение темпов инфляции. Решающая ошибка неопозитивистов состояла в том, что они рассматривали аксиологические теории по образу естественных концепций, прежде всего, физики. Как бы то ни было их позиция, которая вплоть до 1960-х гг. доминировала в философии науки, привела к судьбоносным для этики последствиям.

Во-первых, научный статус этики был поставлен под сомнение. Она не отрицалась, но зачислялась в область метафизики. Во-вторых, совершенствование большинства аксиологических наук проводилось под знаменами неопозитивизма, ценностная проблематика либо замалчивалась, либо подвергалась критике. В-третьих, этика в силу ее якобы метафизического характера, изгонялась из всех аксиологических наук.

Три крайности в оценке соотносительности этики и аксиологических теорий

К настоящему времени в науке сложилась весьма специфическая ситуация. Во всех аксиологических науках, т.е. в технокологии, агрологии, медицине, психологии, педагогике, экономике, социологии, политологии, юриспруденции, истории и искусствоведении этики как таковой либо вообще нет, либо она присутствует на постоянно оспариваемых правах. Этические оазисы встречаются в аксиологических науках крайне редко. Если же они случаются, то при ближайшем рассмотрении они часто рассеиваются подобно миражам в пустыне. Чтобы не быть голословными обратимся к этике техники и биомедицинской этике.

Технокология в качестве отрасли науки в отличие от общественных наук тесно примыкает к естествознанию, особенно к физике. В ней чаще, чем в общественных науках, возникает искушение редукции аксиологических концептов к физическим. Тем не менее, в ней такое специфическое аксиологическое мероприятие как этика ответственности выражено значительно ярче, чем в любой общественной науке. Этика ответственности в технике приветствуется и аналитически, и герменевтически, и феноменологически настроенными философами [14]. Такое единодушие, видимо, заслуживает высокой оценки. К сожалению, при ближайшем рассмотрении выясняется, что нет такой книги, в которой бы этика ответственности излагалась в строгом соответствии с канонами научной теории, когда из принципов выводятся законы и предсказываются значения параметров. Приводятся многочисленные аргументы, призванные обосновать необходимость технокологической этики ответственности, но нет последовательной научной теории [3].

В отличие от приверженцев технокологической этики ответственности сторонники биомедицинской этики стремятся в максимально последовательной форме представить основания излюбленной ими теории, потенциал которых должен быть развернут в соответствии с идеалами научной методологии [8]. Три главных постулата биомедицинской этики суть следующие: принципы автономии личности, благодеяния и справедливости. Бросается в глаза, что эти три принципа недостаточно отчетливо выражают специфику как биологии, так и медицины. К тому же вызывает недоумение попытка прописать этическую теорию разом по ведомству как биологии, так и медицины. На наш взгляд, Д. Ирвинг достаточно убедительно показала, что в ее нынешнем состоянии биоэтика или медицинская этика является дискурсом, который не достиг стадия научной теории [13]. Впрочем, требования, предъявляемые к научной теории, она не представляет в сколько-нибудь строгой форме.

Ситуация с развитием технокологической этики ответственности и биомедицинской этики во многом показательна. Суть ее нам видится следующей: философски ориентированными авторами делается попытка развить специальную этику. Реализация этого благого намерения не приводит к образованию полновесной научной теории, это, во-первых. Во-вторых, она недостаточно нагружена спецификой той науки, во имя которой создается. В технокологической этике ответственности мало технического, в биомедицинской этике биологического и медицинского. В-третьих, по нашим наблюдениям, в силу указанной недостаточной специфичности, обсуждаемые этические теории воспринимаются соответственно технокологами и медиками без желаемого энтузиазма. Они руководствуются определенными теориями, в высшей степени специфическими. Когда же им предлагаются теории, связь которых с их излюбленными концепциями не просматривается достаточно отчетливо, то они не испытывают к ним значительного интереса.

Выше уже отмечалось, что во всех аксиологических науках этические оазисы встречаются крайне редко. Это особенно относится ко всем общественным наукам, т.е. к экономике, социологии, политологии, юриспруденции и истории. Применительно к ним нечасто этическая проблематика обсуждается первыми лицами, т.е. выдающимися представителями общественных наук, от которых резонно ожидать необычных, новаторских

идей, нечасто. Из этого правила есть по крайней мере одно существенное исключение, рассмотрение которого позволит перейти непосредственно к изложению главной идеи статьи. Речь идет об острой полемике двух выдающихся юристов современности англичанина Х. Харта и американца Р. Дворкина [4].

Харт руководствовался тезисом сепарабельности, согласно которому следует четко отличать этические представления от юридических. Этические представления должны быть исключены из юридических теорий. Результатом этой установки оказалось лишение юридической теории принципов. Юридические законы есть, а принципов нет. Подметив указанную слабость воззрений Харта, Дворкин уделил первостепенное внимание именно принципам юридической теории. Согласно его позиции, юридические принципы обладают моральной природой, т.е. они совпадают с этическими принципами. В течение своей творческой жизни он многократно менял номенклатуру используемых им принципов, остановившись, в конечном счете, на принципах эквивалентности достоинств людей и личной ответственности каждого человека [10].

На наш взгляд, ни Харту, ни Дворкину не удалось показать подлинную соотносительность этики и юриспруденции. Харт их разводил слишком далеко друг от друга, причем настолько, что связь между ними терялась из вида. Дворкин сближал этику и юриспруденцию до такой степени, что они, по сути, сливались друг с другом. Полемика Харт-Дворкин выявила сложность вопроса о соотношении этики и аксиологической теории. Именно он является центральным в современном понимании статуса этики. В этой связи наблюдаются три крайности.

Одна из них состоит в том, что философы создают этические концепции, которые малоинтересны представителям нефилософских наук. Они не выражают специфику аксиологических наук и, строго говоря, не обладают тем концептуальным и методологическим содержанием, которое характерно для научных теорий. Выводы этических теорий невозможно удостоверить. Чтобы не быть голословными, обратимся к дискурсивной этике ответственности Ю. Хабермаса [12]. Дискурсанты должны соблюдать правила логики, быть искренними и честными, давать слово каждому участнику обсуждения. Допустим, а что далее? А далее вступает в силу модель объяснения: к описанию фактов применяется правило, которое обеспечивает получение результата, заключения. Несколько упрощая положение дел, можно представить аргументацию трехзвенной цепочкой: факт – правило – результат. На наш взгляд, такое представление об устройстве научной теории является крайне бедным. Едва ли оно обеспечит достижения высот этических истин. Добавим к сказанному, что часто этические теории предлагаются различным сообществам в форме моральных кодексов. Возьмем на себя смелость утверждать, что они никогда не строятся согласно концептам и методам научных теорий, в частности, отсутствует линия дедукции: принципы – законы – переменные. Обычно в некоторой последовательности приводятся ценности первого, второго и третьего уровня, которые называются принципами. Но подлинной дедукции, а вслед за нею аддукции, индукции и абдукции, нет.

Вторая крайность в понимании статуса этики состоит в том, что представители аксиологических наук без тени сомнения игнорируют этику. Делают они это не из злого умысла, а будучи уверенными, что излюбленная ими теория позволит разрешить все коллизии наилучшим образом. А для этого совсем не обязательно обращаться к этике. Именно эту позицию отстаивал знаменитый экономист М. Фридмен, заявивший, что социальная ответственность бизнеса состоит исключительно в увеличении его прибыли [11]. Если люди бизнеса руководствуются экономическим принципом максимизации нормы прибыли на авансированный капитал, то им в их деятельности не нужны, мол, какие-либо этические подпорки.

Третья крайность, как свидетельствует казус Дворкина, состоит в том, что аксиологическая теория погружается в этику. Как и при второй крайности этика не отличает

от той или иной аксиологической науки. Но на этот раз указанное отсутствие различия проводится посредством восхваления этики.

Рассмотренные три крайности свидетельствуют о значительных трудностях, с которыми встречаются исследователи при попытке непротиворечиво выразить соотношение этики и аксиологических наук. Самый радикальный путь разрешения рассматриваемой дилеммы состоит в отказе от этики. Но в таком случае в каждой из аксиологических наук наблюдается отсутствие обостренной экзистенциальной интенции, направленной на обеспечение успешной жизнедеятельности не только отдельных избранных личностей, но и всех других людей. Именно эта интенция отличает этику от всех других теорий на протяжении всей ее многовековой истории развития. Те исследователи, которые обращаются к этике, например, экономист А. Сен, политолог Дж. Роулз, юрист Р. Дворкин, делают это не случайно. Им как раз недостает в аксиологических науках упомянутой экзистенциальной интенциональности. В этой связи возникает резонный вопрос о возможности ее достижения. Как и когда именно она достигается?

Этика как вершина философии аксиологических наук

Опыт нашей оценки исследовательской работы представителей разнообразных аксиологических наук привел нас к четырем выводам. Во-первых, стремление обогатить аксиологические науки образцами философской этики, разработанными вдали от этих наук, никогда не приводит к существенному научному прогрессу. Во-вторых, в аксиологической науке как таковой, которой посвящены, в частности, стандартные университетские учебники, дело до этики не доходит. Многочисленные учебники по техникологии, агрологии, медицине, психологии, педагогике, экономике, социологии, политологии, юриспруденции и истории не содержат никакой отчетливо выраженной этической позиции. В-третьих, часто она не достигается и в трудах, посвященных философии той или иной аксиологической науки. Так, в абсолютном большинстве книг, посвященных философии экономики, следы от этики не обнаруживаются. В-четвертых, горизонты этики все-таки достигаются, но лишь тогда, когда в рамках философии отдельных аксиологических наук проводится всесторонняя специфическая проблематизация, направленная на обеспечение благоденствия, т.е. максимально успешной жизни для всех людей. Любая этически ориентированная теория реализует проект благоденствия. Именно в этом состоит ее решающая особенность. Таким образом, та или иная специфическая этика всегда выступает вершиной не базовой аксиологической науки, а ее философии. Мы полагаем, что в указанном контексте вполне правомерно вести разговор именно о вершине, ибо у всех аксиологических наук нет более актуального назначения, чем обеспечение благоденствия людей.

Определив этику в качестве вершины (синонимы: апогея, зенита) философии аксиологических наук, нам представляется уместным несколько пояснить ее содержание. Философы давно заметили, что принципы естественных и аксиологических теорий в качестве наиболее богатых в смысловом отношении концептов теории всегда являются экстремальными. Природа следует принципу наименьшего действия. Живые организмы реализуют целый ворох экстремальных принципов, в частности, принцип максимизации своих репродуктивных способностей. Во всех аксиологических теориях позитивные ценности максимизируются, а негативные минимизируются. Как правило, представители этих наук оперируют по преимуществу позитивными ценностями, которые максимизируются. В этой связи определяются некоторые оптимумы. Так, экономисты максимизируют прибыль, а технологи увеличивают коэффициенты полезного действия технических устройств. Ценностей много, поэтому приходится их величины оптимизировать. В этой связи определяются некоторые оптимумы. Экономисты сочетают максимизацию прибыли с максимизацией уровня занятости работающих. Технологи совмещают повышение эффективности технических устройств с увеличением их безопасности.

Существенно, что этика в силу своей специфики всегда была связана с отчетливым акцентом не столько на законах, сколько на принципах. Добродетели Аристотеля определялись им как некоторая середина, т.е. своеобразный оптимум между страстью по избытку и недостатку. Содержание категорического императива Кант разъяснял посредством обращения к некоторым максимам. Утилитаристы провозгласили лозунг максимального счастья для максимального числа людей. Прагматисты настаивают на максимальном жизненном успехе. Решающая специфика этики состоит не только в оптимизации некоторых ценностей, но и в обеспечении благоденствия всех людей, затронутых той или иной жизненной ситуацией. Она не терпит исключения из ее ведомства каких-либо социальных групп или отдельных людей. В научном отношении это означает, что этика не может состояться без учета единства всех существующих аксиологических наук. А поскольку их природные условия определяются естественными науками, то и последние попадают под эгиду этики. Аксиологические науки используют достижения естественных и формальных концепций. Непосредственно в этих концепциях нет ничего этического, но будучи вовлеченными в интердисциплинарные отношения с аксиологическими науками в качестве их своеобразных доноров они приобретают этическую относительность. Что касается эстетики как философии искусствоведческих наук, то и она обладает этической относительностью. Она, в частности, отчетливо просматривается в творчестве, например, писателей Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, композиторов Д.Д. Шостаковича и Г.В. Свиридова.

В соответствии с изложенной выше аргументацией мы склонны считать именно этику венцом человечности, того что в наиболее развитой концептуальной форме характеризует специфику человека. Разумеется, не счастье разнообразных форм жизнедеятельности людей. В попытке понять их содержание придется обращаться ко всей совокупности наук. В этой связи крайне существенно, что все они стягиваются к одной и той же вершине, называемой этикой. Именно она придает единство всему существованию людей. Если упомянутая интегративная роль этики игнорируется, то связь наук, являющихся самыми главным достижениями человечества, распадается. К тому же следует учитывать, что развитое знание есть ключ к пониманию менее развитого. Назначение всех наук становится очевидным не иначе, как в свете этики. К этому выводу мы пришли, не исходя из каких-либо метафизических постулатов, а посредством анализа истории развития наук. Пытаясь выразить специфику человека его называли по-разному, и *homo sapiens*, и *homo faber*, и *homo ludens*. Но во всех этих случаях из виду терялась магистральная научно-теоретическая интенция человека, а именно, этика. Человек есть, прежде всего, *homo ethicus*. Все остальные его характеристики приобретают свой подлинный смысл не иначе, как в его горизонтах.

Заключение

Содержание этики в качестве составной части философии неоднократно пересматривалось в связи с очередными достижениями научного познания. Но само это познание также нуждается в осмыслении, что происходит посредством философии науки, актуальной вехой которой в середине XIX в. стал позитивизм. В результате этика была вовлечена в сферу действия философии науки. В этой связи возникла проблемная ситуация, которая, как нам представляется, ждет своего разрешения по настоящий день. С одной стороны, значительная часть философов создавала и создает этические концепции, слабо связанные с философией науки. Влияние этих концепций, например, дискурсивной этики ответственности, на развитие развитых аксиологических теорий незначительно. С другой стороны, представители аксиологических наук, заботясь о их концептуальной чистоте, вполне правомерно избегают включения в их состав неведь откуда взятых этических принципов. В итоге этическая проблематика отодвинута в аксиологических науках на задний

план. Такое положение дел является следствием недостаточной развитости философии аксиологических наук. В указанном отношении позитивисты преуспели мало. К сожалению, и их оппонентам, в том числе критическим рационалистам, герменевтам и феноменологам, также не удалось добиться решающего успеха. Неопозитивисты способствовали исключению этики из аксиологических теорий. Критические рационалисты, в частности, их лидеры К. Поппер и И. Лакатос, не способствовали ее возвращению туда. Подобно позитивистам они были значительно более успешными в области философии естествознания, чем философии аксиологических наук. Другой недостаток характерен для феноменологов и герменевтов. Они, подобно, например, феноменологу М. Шелеру и герменевту Ю. Хабермасу, охотно рассуждают об актуальности этики, но не в контексте философии науки. Но в наши дни без философии науки невозможно обеспечить этическую составляющую аксиологических наук.

Превращение этики в золушку философии науки пагубным образом сказывается на судьбе многочисленных проектов изучения современного состояния человеческого общества и отдельных людей, их настоящего и будущего. Эти проекты в отсутствие этических горизонтов оказываются разобщенными друг от друга, не составляющими единое целое. Аксиологические науки, равно как и единство естественных, формальных и аксиологических теорий, достойны быть вознагражденными этическим содержанием, которое в полной мере определяется достижениями философии науки. Ее вершиной является никто иной, как homo ethicus.

Библиографический список:

1. Айер А.Д. Язык, истина и логика // Аналитическая философия: избранные тексты. М.: Изд-во МГУ. 1993. С. 59.
2. Витгенштейн Л. Работы разных лет. М.: Гнозис, 1994. С. 70.
3. Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. М.: Айрис-пресс, 2004. 480 с.
4. Канке В.А. История, философия и методология социальных наук. М.: Юрайт, 2014. С. 375-387.
5. Канке В.А. Современная этика. М.: Омега-Л, 2016. 222 с.
6. Канке В.А. Философские проблемы науки и техники. М.: Юрайт, 2015. 288 с.
7. Пирс Ч.С. Начала прагматизма. СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. С. 138.
8. Beauchamp T., Childress J. Principles of biomedical ethics. 5th edn. New York: Oxford university press, 2001. 454 p.
9. Bentham J. An introduction to the principles of morals and legislation. Oxford: Clarendon Press, 1907. P. 4.
10. Dworkin R. Is democracy possible here? Principles for a new political debate. Princeton: Princeton university press, 2006. 192 p.
11. Friedman M. The social responsibility of business is to increase its profits // The New York Times Magazine. 1970.
12. Habermas J. Moralbewusstsein und kommunikatives Handeln. Frankfurt am Main, 1983. P. 97-107.
13. Irving D.N. What is 'Bioethics'? (Quid est 'Bioethics'?) // Koterski J.W. (ed.). Life and learning X: Proceedings of the tenth university faculty for life conference. Washington, D.C.: University faculty for life, 2002. P. 1-84.
14. Lenk H., Ropohl G. (Hg.). Technik und Ethik. 2 Aufl. Stuttgart: Philipp Reclam jun., 1993. 373 p.

Kanke V.A. **HOMO ETHICIS**

Status of ethics is considered in the context of the philosophy of science. It is noted that the development of the positivist project has led to the exclusion of ethics from axiological sciences. These are the costs of underdevelopment of philosophy of axiological sciences. Arguments are advanced, according to which ethics is the highpoint of the axiological sciences, which also use achievements of natural and formal sciences. In this regard, it appears that the human determination as homo ethicus is the best expression of its genuine, namely, conceptual nature.

Keywords: homo ethicus, positivism, the philosophy of axiological sciences

Памяти мастера

УДК 330.101

Х. Х. Валиуллин

Экономическая бездна глазами астрофизика (памяти А. Чечельницкого)

Аннотация:

Известный ученый из Дубны А.М. Чечельницкий (1935-2011) оставил после себя не только работы по профильной для него астрофизике (в т.ч. концепцию Мега-Квантовой Вселенной), но и работы из области других наук - истории, экономике, медицине и т.д. В настоящей статье содержится ряд комментариев дискурсивного характера к отдельным главам книги «Разум, Деньги, Власть (Несвоевременный системный анализ)», в которой собраны работы Чечельницкого по актуальным для экономики России вопросам в период с 1990-го по 2006-й годы.

Ключевые слова: человек, свобода, переходная экономика, системный анализ, рынок

Об авторе: Валиуллин Хасан Хафизович, доктор экономических наук, государственный университет «Дубна», профессор кафедры экономики; моб. тел. +7 (903) 150-63-65; эл. почт: hasan_val@mail.ru.

По-видимому, всё ещё (вместо предисловия)

*По-видимому, всё ещё не пришло время зрелости общества
и не наступила пора серьёзных аналитических исследований
А.М. Чечельницкий, «Коллапс социума...», (1991)*

Похоже на то, что спустя четверть века предположение автора приведенного эпитафия по-прежнему остается в силе. Не появились достаточно глубокие аналитические работы, объективно и полно раскрывающие то, что в действительности произошло с отечественной экономикой за те три четверти века, которые предшествовали 1991 году, - году «коллапса», казавшегося неизбежным социалистического строя, представлявшегося вечным советскому социуму, году «геополитической катастрофы»¹⁰. Как не появились еще обладающие достаточной добротностью работы, раскрывающие природу произошедшего за последующие 25 лет, за постсоветскую четверть века (которую, может быть, следует без рефлексий когнитивного плана признать затянувшейся комой некогда мощного

¹⁰ Можно, в частности выделить работы Е.Т. Гайдара «Гибель Империи» [2] и проф. В.Н. Лившица «Системный анализ...» [5].

экономического организма страны Советов, попытки выйти из которой сейчас и предпринимаются определёнными научными кругами?).

Нет оснований оспаривать или вообще отрицать и другое предположение, что для проведения всестороннего ретроспективного анализа вековых интервалов социально-экономического развития стран требуются первоклассные умы калибра К. Маркса, С. Хантингтона, Э. Тоффлера и т.п. В истории экономической мысли в России были свои корифеи мирового масштаба – М. Ломоносов, Д. Менделеев, Н. Кондратьев. Даже отечественная элита мировой литературы, – С. Пушкин, Л. Толстой и Ф. Достоевский, – оставила потомкам интересные изложения сути хозяйственных реалий своего времени.

Но всё это осталось в истории, в прошлом. Что же теперь? Кто сможет стать летописцем столь турбулентной постсоветской экономики, стать её неангажированным, беспристрастным и, вдобавок, грамотным толкователем? Или исчезли-таки и (или) эмигрировали нужные таланты, потеряв надежду быть услышанными и понятыми у себя дома? Или, может быть, всё обстоит в действительности намного проще и печальнее – всякая производственно-хозяйственная и финансово-коммерческая деятельность, осуществляемая на российской территории, перестала быть объектом строгого экономического анализа, трансформировавшись (в силу якобы «особенной стати» данной территории и заселившего его народа) в непознаваемый объект, движимый и постигаемый только верой?

Или, может быть, для поствизантийского пространства, совпадающего на карте с большей частью современной территории России, достаточно действия в нём только естественных законов физики, а действие других законов – подождёт и (при необходимости) приложится позднее? Или, может быть, в пространстве этом в качестве *causa prima* активности людей выступает не экономический, материальный (физический), земной (заземлённый) интерес, а совсем иной – идейный, астрально-ментальный, вселенский? Не аристотелевский мир вещей с неотрывными от них идеями, а платоновский, допускающий подобный отрыв¹¹. Ведь ввели же Аристотель на пару с Птолемеем человечество в заблуждение на полтора тысячелетия своею геоцентрической моделью мироздания в противовес более сложной для восприятия и уверования в неё гелиоцентрической гипотезе Аристарха Самосского. А вась просуществует ещё Россия многие-многие лета вне поля строгого действия законов какой бы то ни было экономики, даже если и столь восхваленной, как рыночная? А равно и без авторитетных специалистов в экономической области?

Действительно ли «не наступила пора серьёзных аналитических исследований» в области экономики или просто сама экономика не достигла ещё своего что ни на есть настоящего (всамделишного) и окончательного (абсолютного) дна, «днее» которого не бывает? Или дно это просто не просматривается в бездне кризисных экономических реалий? Бездне, заполненной мириадами экономических субъектов и объектов, отклоняющихся от прямолинейной своей траектории вблизи (или обреченно вращающихся вокруг) огромных денежных масс, сверхконцентрация которых способна превратить их в финансовые «чёрные дыры», поглощающие на своём пути всё и вся, что осмеливается приблизиться к ним на непростительно опасное расстояние? Бездне, в которую как в бездонную метафизическую или феноменологическую пропасть устремляют свой взгляд те, кто возжелал быть посвященным в тайные замыслы и скрытые механизмы развития хозяйственной сферы человеческого бытия.

В числе устремивших в сию бездну взор свой был и замечательный астрофизик Альберт Михайлович Чечельницкий (1935-2011), оставивший нам свои труды с результатами собственного осмысления многого из увиденного им в этой бездне. Космолог,

¹¹ Можно также полагать, что окружающий мир может быть назван платоновским и в честь А. Платонова, автора романа «Чевенгур», одного из героев которого успокаивает мысль, что «пространство тоже возможно нагреть и отпустить длиннее, как полосовое железо», в силу чего мир можно растянуть до состояния, «когда все дороги до тупика дойдут» [8, с. 33].

действительный член Международного комитета по космическим исследованиям (Committee on Space Research, COSPAR), автор оригинальной, но не разделяемой многими учёными концепции (Mega) Волновой Вселенной (Wave Universe Concept, WUC).

Методологическая прелюдия

Судить о правильности научных гипотез Чечельницкого как в области астрофизики (вплоть до смелого утверждения о существовании сверхсветовых скоростей), так и в области других точных наук – такая миссия выходит за рамки компетенции автора настоящих строк. Всё в этом мире склонно к переменам, всё меняется вне зависимости от того, можем ли мы это каким-либо образом фиксировать или нет. В силу этого обстоятельства все те, кто не соглашается с доминирующим на данный момент представлением об окружающем нас мире и законах мироздания, с представлением, канонизируемым («академизируемым») в комфортном русле очередного научного мейнстрима, в действительности имеют больше шансов оказаться в итоге правыми. Правыми, но не сейчас, а в будущем, горизонт которого может быть достаточно отдалён от настоящего времени (особенно для тех, кто мечтает, как Ницше, заблестать лет эдак через триста). Вдобавок к этому они, конечно, осознают (или, по крайней мере, должны осознавать), что рискуют нести определённые социальные и материальные издержки за своё несогласие с «генеральной линией» академии, издержки, которые не имеют традиции быть компенсированными в течение их земной жизни.¹²

Также в силу наличия ряда объективных причин представляется задачей нелёгкой давать оценку и экономическим взглядам А. Чечельницкого.

Во-первых, эти взгляды опираются на персональные профессиональные знания и опыт, понимание поведения сложных материальных систем различного масштаба, умение это поведение описывать в форме математической модели, умение работать с огромным объёмом информации (иногда весьма противоречивой и слабо верифицируемой) из различных областей знаний, в целевом порядке фильтруя её и систематизируя.

Во-вторых, со времени письменного изложения им большинства его экономических взглядов прошла добрая четверть века, за которую принципиально изменились не только (а возможно и не столько) экономические, сколько политические и институциональные устои страны.

В-третьих, *a posteriori* представляется, что богатый аналитический инструментарий и сам «парадигматический» физики и, в частности, астрофизики (а равно и других близких к ним наук) могут быть полезными для изучения как наблюдаемых воочию, так и скрытых для невооруженного глаза экономических процессов и объектов, а тем более – субъектов. Действительно, активное присутствие последних в роли пресловутых *homo oeconomicus*, - не всегда рациональных и последовательных в своём суждении и поведении, по необходимости или по случаю играющих, по надобности или же праздности своей рефлексивных, - делает банальное и некритичное заимствование дескриптивных и иных технологий «точных» наук

¹² Однозначно сказать, насколько теоретический задел, отшлифованный и аккумулированный в рамках физических наук как одних из старейших и нагляднейших, может быть успешно применён для решения задач таких более молодых, но не менее популярных в наши дни наук, как экономическая теория, макроэкономика или далеко не однозначный в своей аксиоматической подоплёке Economics. Тот уровень повального интереса, который этот «экономикс» (в том числе в классической трактовке Пола Самуэльсона) получил в начальной стадии перехода нашей экономики с директивно-плановых на свободно-рыночные рельсы в последние годы существования СССР, доказывает, что люди осознавали, что благополучие их материального существования в качестве как индивидуального, так и коллективного (*body corporate*) субъекта не в меньшей степени, чем от универсальных законов физики, зависело от действия законов новой экономики.

малоэффективным или даже противопоказанным для всех остальных наук, благосклонно ли, или снисходительно идентифицируемых как «гуманитарные».

В силу всего вышеизложенного постараемся далее в рамках этой статьи придерживаться формата свободного дискурса.

Среди специалистов лучше всех дать заслуживающий доверия диагноз состоянию реальной экономики посылно, вероятно, не учёным (в т.ч. профильным из них, т.е. экономистам), а реальным производителям и конечным потребителям имеющей практическую ценность продукции (товаров, работ, услуг). После них близкое по объективности и по сути толковое и доходчивое слово здесь могут сказать аудиторы и фискалы, а, в крайнем случае, полезно услышать вердикт следователей по делам, связанным с преступлениями в сфере экономики. Но самое ужасное – это дать слово психологам или (ради экономии времени) сразу обратиться к медиумам, якобы видящим всё то, что невидимо всеми другими, не обладающими экстрасенсорными способностями людьми. Ведь недаром Адам Смит заговорил в своё время о «невидимой руке», манипулирующей эгоистическими действиями отдельных работников во благо всего общества: *«Он [работник] преследует собственную выгоду, причём в этом случае, как и во многих других, он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем не входила в его намерения»* [9, т. I, с. 32].¹³

Своевременная несвоевременность

Основные экономические работы Чечельницкого за относительно длительный период (1990-2006гг.) собраны в большой сборник под объединяющим их названием «Разум, Деньги, Власть (Несвоевременный системный анализ)» [12]. Это позволяет нам отследить как ход экономического развития нашей страны, так и эволюцию взглядов самого автора на природу исследуемых и комментируемых им событий. Как он сам отмечает: *«это сборник исследований, содержащих анализ, системные выводы, конструктивные рекомендации — последовательность работ, расположенных в естественном хронологическом порядке (так сказать, «в порядке поступления»)»* [12, с. 5], которые включены *«...без изменений и последующей коррекции и, следует надеяться, сохраняют живое дыхание эпохи»* [12, с. 162].

Чтобы лучше понять ту макроэкономическую ситуацию, в которой находилась страна на момент написания Чечельницким большинства его экономических работ, следует вернуться в 1992-й год, в год либерализации («отпуска») цен и «шоковой терапии». Тогда биржевая цена нефти марки Brent составляла \$15 за один баррель, валовой внутренний продукт (ВВП) страны оценивался в \$1трлн (по ППС, паритету покупательной способности), объём её золотовалютных резервов (ЗВР) был ничтожным как никогда (\$60млн), ставка рефинансирования ЦБ РФ - трёхзначной (100%), а инфляция – четырёхзначной (около 2500% годовых). Спустя 25 лет (2017г.) цена барреля нефти находится на уровне \$50-55, ВВП по паритету приближается к \$4трлн, ЗВР – к \$400млрд, ключевая ставка ЦБ РФ и инфляция – ниже двухзначных чисел. Доллар США в начале 1992 года стоил 55 копеек против нынешних 55-ти рублей, а цена золота на Лондонской бирже металлов составляла около \$350 за одну тройскую унцию против нынешних \$1300. Численность населения РФ уменьшилась с 147,7 млн. до 144,1 млн. человек (без крымчан и крымчанок).¹⁴

¹³ В оригинале на английском: *"...he intends only his own gain, and he is in this, as in many other cases, led by an invisible hand to promote an end which was no part of his intention."* (Book IV, Chapter II, paragraph IX).

¹⁴ Интересно, что сегодня, как в 1990 году, мы вновь наблюдаем то, что *«... наша жизнь разворачивается на фоне рекордного за последние годы урожая...»* [12, с. 48], - действительно, в 2016 году урожай зерновых достиг рекордных за постсоветский период 119 млн.т.

Что спасёт Социум?

*Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне - дна....*
М.В. Ломоносов, 1743 г.

...если звёзды зажигают - значит - это кому-нибудь нужно
В.В. Маяковский, 1914 г.

В эссе «Коллапс социума или стратегия разума» (1991), с которого начинается сборник Чечельницкого, автор не без иронии отмечает, что *«Экономика становится доминирующей темой специалистов разговорного жанра. Безжалостно потеснены проблемы духовности, рок-музыки, футбола. Экономисты становятся телезвездами»* [12, с. 8]. Действительно, на российских экранах и в публичных дискуссиях среди реформаторов начала 90-х звучат имена таких признанных в мире научных авторитетов и апологетов рыночной экономики как М. Фридман, Дж. Сорос, Дж. Сакс и др., а в когорте отечественных идеологов реформ 90-х можно выделить от академиков Л. Абалкина и А. Аганбегяна до младореформаторов Е. Гайдара, В. Найшуля¹⁵, А. Чубайса и др. Сегодня на небосводе зажглось новое поколение звёзд: из зарубежных это, соответственно, П. Кругман, Н. Талейб, Н. Рубини и др., а из российских - от академиков С. Глазьева и А. Некипелова до телеаналитиков М. Леонтьева, М. Хазина, С. Демуря и др. Эти звёзды никто не зажигает, они сами «зажигают» в эфирное время.

Возлагая надежды на спасительный потенциал рыночной экономики, противопоставляемой её директивной (плановой) модели, Чечельницкий отмечает, в частности, такие сильные её свойства, как адаптивность, свободное ценообразование и наличие конкуренции.

Адаптивная экономика. Говоря о свойстве адаптивности применительно к экономической системе он отмечает необходимость установления для всех её участников общих «правил игры» и принятия однозначно толкуемых норм законодательства. В качестве одной из важнейших свойств системы рассматривается её способность подстраиваться к меняющейся среде: *«В русле спокойного ко-вариантного (политическим страстям) анализа термин — рынок — представляется эвфемизмом, чрезвычайно расширительно и далеко не адекватно заменяющим на самом деле очень сложный механизм функционирования экономики и работу ценового механизма, многообразия сопутствующих экономических и социальных процессов. В конечном итоге, он расширительно обозначает то, что в системном смысле следует отнести к понятию (свободно самонастраивающейся) адаптивной экономики»* [12, с. 17].

Возможна ли адаптивность экономических систем в плановой экономике или она имманентна только рыночной экономике (в особенности, либерального толка)? И что собой должна представлять адаптивная система? Должна ли она для этого быть системой сложной, самонастраивающейся (саморегулирующейся) [4]¹⁶, многоуровневой и иерархической (*hierarchical multilevel*) [6], целеустремленной (*purposeful*) [1]? В плановой советской экономике при всей её директивности долгосрочные управленческие программы типа пятилетних планов также обладали свойством адаптивности, подверженности

¹⁵ Идеальный вдохновитель программы введения в России приватизационных чеков (ваучеров). Об истинной цели программы приватизации полезно ознакомиться с откровенным интервью А. Чубайса (см., например, [5, с. 8-9]).

¹⁶ *«Нет сомнений, что социум, особенно современный, обладает многими атрибутами самонастраивающегося эволюционирующего организма»* [4, с. 122].

напрашивающимся корректировкам, но это было скорее эпизодическим явлением, а не систематическим.

Определяя рынок как место для осуществления добровольных сделок экономически свободных людей, Чечельницкий отмечает, что он *«может рассматриваться и как некий коммутатор — переключатель потоков ресурсов капитала, труда»*. При этом он замечает, что рынок *«может рассматриваться лишь как компонент (очень важный!) самоорганизующейся адаптивной экономики»*, он ограничен в своей экономической миссии и его роль *«... не сводится только к переключению потоков ресурсов»* аналогично тому, как программа телефонизации не сводится только к установке коммутатора [12, с. 17].

«Быть или не быть адаптивной (свободной, самонастраивающейся) экономике?». И таким образом, она может звучать по-гамлетовски категорично: *«Быть или не быть (свободному обществу свободных и, возможно, счастливых людей)? Вновь возвращаясь к институту свободы...»* [12, с. 19]. Здесь слово «возможно» есть более чем просто вводное слово, - оно несёт в себе определённый заряд авторского сомнения относительно того, что свобода человека эквивалентна счастью его, что наличие первого гарантирует ему желательный приход второго.

Не слишком ли категоричен Чечельницкий, утверждая, что только рынок позволяет дать объективную оценку экономической эффективности: *«Здесь (и, пожалуй, только здесь) происходит экспериментальная оценка эффективности экономической деятельности?»* Позволяет ли нерыночная модель экономики (например, план) оценивать эффективность происходящих в них процессов? Ответы на эти вопросы принципиально зависят от того, что взять в качестве критерия эффективности и какие именно интересы должны удовлетворяться в наибольшей степени. Да и сами эти интересы можно различать по их масштабности и субъектности (индивидуальные, групповые, клановые, коалиционные, корпоративные, общественные, глобальные...), по природе своей (социальные, экономические, геополитические), своей непротиворечивости (совпадающие, нейтральные, антагонистические) и продолжительности (краткосрочные, долгосрочные) и т.д.

В конечном счете, Чечельницкий приходит к единственному для него приемлемому ответу на свой «гамлетовский» вопрос - *«Быть или нет адаптивной экономике?»*. Он приходит к ответу, согласующемуся *«... хотя бы с элементарным инстинктом самосохранения»*. И ответ этот - *«Быть!»*. «Быть», поскольку любая другая *«альтернатива ведёт к катастрофе, экономическому и политическому коллапсу общества»* и любая *«задержка со временем изменяет лишь глубину пропасти, в которую может свалиться общество»* [12, с. 19].

Ценовой механизм. Наличие надёжной системы ценообразования (*ценовой механизм*) рассматривается Чечельницким как необходимое условие для оценки *«эффективности экономической деятельности (деньги)»*, где скобки для денег служат, по всей видимости, как бы открытой подсказкой, что данная система должна выступать ключевой подсистемой для эффективного функционирования всей *«финансово — кредитной системы»*.

Ценовой механизм встраивается в *«механизмы диверсификации ресурсов (капитала, труда)»*, в *«биржи капитала, труда, земли (ресурсов)»* [12, с. 15]. Таким образом, биржи, публично обеспечивающие паритетный принцип ценообразования, базирующийся на регулярном встречном сопоставлении суммарных, консолидированных объёмов спроса и предложения идентичных между собой (по определённым признакам) рыночных активов (ресурсов), физически или символически присутствующих на биржевых площадках с целью установления равновесной цены. Однако говорить здесь о справедливости получаемых таким образом цен представляется откровенно субъективным, поскольку это вопрос персонального умозаключения.

Для достижения условий, благоприятных для функционирования ценового механизма рынка, необходимо, по мнению Чечельницкого, одновременное присутствие на нём

«большого количества независимых субъектов — предприятий, объединений, ассоциаций, индивидуалов» [12, с. 15], что в экономической теории означает приближение рынка к состоянию т.н. совершенной конкуренции (*perfect competition*). Совершенная конкуренция - это по сути своей гипотетическое состояние рынка, предполагающее, что малейшее изменение уровня спроса и (или) предложения на нём неизменно влечёт за собой смещение точки равновесия между спросом и предложением, а затем и ценовую коррекцию этого динамического равновесия.

В вопросе относительно того, какая сила способна спасти социум (мир), Чечельницкий как бы заочно полемизирует с Достоевским, утверждавшим, что такой силой выступает красота. Что же касается разума, то русский классик оставляет ему незавидную участь, утверждая в своих «Дневниках писателя 1873 года» следующее: «Разум, наука и реализм могут создать лишь муравейник, а не социальную гармонию, в которой бы можно было ужиться человеку» [3, т. 12, с. 11].¹⁷

Свобода. Отдельное внимание Чечельницкий уделяет традиционным для либеральной рыночной экономики атрибутам, в числе которых такие, как «свобода (независимость) экономической деятельности, свобода экономических контактов, добровольность и взаимная выгода контактов», а также «свободный доступ к ресурсам» [12, с. 15]. Несколько ранее он уже отмечал, что «слишком поздно люди обнаруживают, что свобода имеет также свою (и очень высокую!) экономическую цену» [12, с. 10].

Насколько значим институт свободы для экономики, насколько важны либеральные ценности для экономических субъектов - это зависит, безусловно, от того, что понимается под свободой. В самом общем контексте под ней можно понимать википедиевскую трактовку: «возможность проявления субъектом своей воли на основе осознания законов развития природы и общества». Что же касается непосредственно экономической свободы, то всемирно известный сторонник либеральной экономики и свободного рынка Ф. фон Хайек даёт ей следующее определение: «Экономическая свобода — это свобода любой деятельности, включающая право выбора и сопряжённые с этим риск и ответственность» [11, с. 113].

Как мы видим, австрийский экономист обременяет свободную деятельность определёнными рисками, ассоциирующимися на практике потенциальными издержками как денег, так и времени. Денег и времени стоит не только обретение свободы экономической, но и свободы социально-общественной. Уже упомянутый нами Достоевский описывает (не первый из классиков) связь между свободой и деньгами, но с другой и не менее важной стороны: «Деньги, - пишет он в «Записках из мёртвого дома», - это чеканенная свобода», отмечая также наличие неэкономического эффекта (психологическое ощущение свободы) от наличия у заключённых собственных «карманных» денег [3, т. 3, с. 119].¹⁸

Одна из цитаделей классического западного либертарианства - Институт Катона (Cato Institute), типичный американский «мозговой бункер» (*think tank*) - среди атрибутов экономической свободы рассматривает ограниченное вмешательство государства в экономику, рыночные основы экономики, свободную торговлю и расширение свободы личности. Другой не менее известный мозговой центр США – Гуверовский институт (*Hoover Institution for War, Revolution and Peace*), миссия которого включает в себя движение к миру,

¹⁷ Следует признать, что подобное заочное противопоставление разума красоте носит несколько условный характер - разве разумная мысль не является (не имеет шанса быть) красивой? Разве истинная красота как творение природы отрицает наличие у последней элементов разума? Или умной мысли «нельзя быть красивой такой», чтобы иметь шанс быть реализованной, а не оставаться несбыточной мечтой, *idea fix*? Как бы то ни было, но представляется логичным оставить этот вопрос для обсуждения философам (а ещё лучше - блогерам в социальных сетях).

¹⁸ «Деньги есть чеканенная свобода, а потому для человека, лишённого совершенно свободы, они дороже десятикрато. Если они только брякают у него в кармане, он уже вполтину утешен, хотя бы и не мог их тратить» [ibid].

к индивидуальной, личной свободе (*personal freedom*), более акцентировано пропагандирует персонализированный вариант свободы. Видимо недаром именно в этот институт, расположенный на территории Стэнфордского университета в Калифорнии, перебрался из Чикагской школы бизнеса патриарх монетаризма Милтон Фридман (столь часто упоминавшийся Чечельницким)¹⁹.

Америка, а точнее – та часть, которая именуется Соединенными Штатами Америки, своей историей претендует на то, чтобы быть наиболее веским и масштабным доказательством утверждения, что именно свобода субъекта есть залог его успеха, его процветания. Многие верят этому, верят в пресловутую, но «великую» американскую мечту, *American Dream*. Многим удаётся поймать эту мечту за хвост и даже осуществить domestikацию этой птицы счастья. Однако при этом надо, объективности ради, знать реальную, а не рафинированную историю США, знать, как проходила аннексия обширных территорий североамериканского континента этой импортированной из Западной Европы «мечтой», знать ресурсы, методы, издержки и последствия этой аннексии.

Действительно, объективность требует более критического осмысления столь сладкой категории свобода. Обратную сторону свободы превосходно раскрывает Э. Фромм, указывая на двойственную природу свободы, проявляющуюся в неотъемлемости права субъекта на выбор от его обязанности нести ответственность за все последствия сделанного им выбора [10]. Говоря о фундаментальной природе связи между человеком и свободой он находит чрезвычайно показательным библейский миф об изгнании первых представителей рода людского из рая: *«Нарушив установленный богом порядок, он освободился от принуждения, возвысился от бессознательного предчеловеческого существования до человеческого..... Только что обретенная свобода оборачивается проклятием: человек свободен от сладостных уз рая, но не свободен сам собой руководить, не может реализовать свою личность»* [10].

Информация. Немаловажным Чечельницкий считает *«доступность экономической информации, повышение скорости передачи информации (увеличение потоков информации)»* и, соответственно, компьютеризацию. Совокупность таких *«фундаментальных системных свойств»* национальной экономики, как макроэкономическая открытость (включая инвестиционную), сильная мотивация всех её субъектов и их восприимчивость к инновациям обеспечивают, по его мнению, *«высокий поисковый потенциал»*, увеличивают *«интенсивность экономического естественного отбора»* и стимулируют *«протекание процессов эволюции и адаптации»* [12, с. 15].

Однако при этом следует также согласиться, что даже в столь благоприятных для экономического прогресса условиях, но условиях информационного «голода» *«было бы непозволительно глубоким заблуждением полагать, что люди всегда действуют рационально, повинаясь законам формальной логики. ... А как собственно они должны действовать сейчас — в условиях ... дефицита информации?»* [12, с. 15]. Действительно, хроническая нехватка информации, выражающаяся в неполноте, избирательности и недостоверности последней есть существенное (а иногда и решающее) препятствие для принятия если не оптимальных, то рациональных (адекватных) экономических и управленческих решений. Именно поэтому современные экономическая теория и теория принятия решений уделяют огромное внимание проблеме учёта факторов неполноты информации, её асимметричности и низкой транспарентности, проблеме инсайдерства, фиктивной отчетности и т.д.

¹⁹ Тем не менее именно Институт Катона учредил и с 2002 года ежегодно вручает «Премия Милтона Фридмана за развитие свободы» (*Milton Friedman Prize for Advancing Liberty*) самым достойным её номинантам. Да и девиз самого Стэнфордского университета также связан с категорией свободы - «Веет ветер свободы» (*«Die Luft der Freiheit weht»*, нем.).

Первые программы рыночных реформ

В начале 1990-х страна ещё пребывала в затаившемся с перестроечных времён ожидании великих экономических потрясений, а точнее - реформ, которые могли бы быстро и без особых издержек для общества перевести её экономику на рыночные рельсы, а население страны - обеспечить материально осязаемыми благами, присущими продвинутым в рыночном отношении странам. Отчасти это ожидание оправдалось – на широкую арену для открытого обсуждения были вынесены две не совсем альтернативные программы – «Правительственная» программа (известная как программа Рыжкова-Абалкина) и программа «500 Дней» (программа Шаталина-Явлинского) [7]²⁰. Чечельницкий анализирует сравнительные преимущества этих программ, предварительно признаваясь, что для него наиболее сильным побудительным мотивом проведения этого компаративного анализа явилось *«бурное время, которое переживает всё ещё великая страна...»* и во время которого *«трудно каждому оставаться безучастным, когда намечаются крутые повороты и принимаются решения, потенциально определяющие судьбы миллионов людей»*.

Программа «500 дней», по мнению Чечельницкого, пользуется очевидной популярностью в силу того, что она представляет собой *«нечто вроде манифеста мировой либеральной экономической мысли»*, ...*«обладающий несомненной новизной ... на фоне унылых и беспросветных экономических деклараций прошлого»*), что она подкупает своим радикализмом и к ней неслучайно *«благожелательно относится и Президент»* (однако, объективности ради отметим здесь, что осторожный М. Горбачёв в итоге пойдёт на компромисс - на слияние программ) [12, с. 21]. В заключительной части своего анализа программы «500 дней» Чечельницкий делает вывод, что *«одно из самых главных достоинств программы: на фоне отечества — потрясающая новизна, на фоне мира — добротный, многократно испытанный традиционализм»* [12, с. 22]²¹.

Физик в России больше, чем физик (вместо заключения)

В завершающей части своего эссе «Коллапс Социума или Стратегия Разума?» А. Чечельницкий отмечает, что для *«богатейшей по дарам земли, природы»* страны мира в условиях, когда имеется *«избыток ресурса всё возрастающей со временем ценности — труда людей, нередко очень образованных и талантливых»*, труда, который *«по мировым стандартам остаётся очень дешевым»*, необходимо предпринять меры по превращению её, экономики, в цивилизованную. Для этого он предлагает: *«разумно включить все наиболее интенсивные факторы ускорения экономики (в том числе эффекты мотивации, адаптации уже известных достижений, поиск нового знания), а также воспользоваться доселе неизвестным нам метафизическим ресурсом — свободой»*, и тогда шансы на успех не покажутся *«совсем уже нулевыми»* [12, с. 43].

Насколько обсуждавшаяся нами ранее категория «свобода» является ресурсом для общества и какова ценность этого ресурса, а также исчерпаем (возобновляем) ли он? – подобные вопросы есть предмет бесконечного обсуждения. Другая ситуация имеет место быть с актуализирующимся в наши дни вопросом *«Что способно спасти Социум?»* - здесь времени на дискуссии отведено непростительно меньше. Видимо, если это действительно

²⁰ В конечном счёте, данные программы, М. Горбачёв пытался объединить в рамках «Основных направлений стабилизации народного хозяйства и перехода к рыночной экономике».

²¹ Чечельницкий отмечает перелом в системе подготовки общественно значимых программ, заключающийся в подключении к этому процессу других, не относящихся к правящим кругам персоналий и институтов: *«Силой обстоятельств, возможно, игры амбиций политиков, на самом высоком уровне вдруг рухнула монополия лишь высоких правительственных структур прокладывать «путь в счастливое будущее». Ведь до сих пор все многочисленные глобальные программы типа «наше поколение будет жить...» предлагались с абсолютной непогрешимой уверенностью и потому в единственном варианте»* [12, с. 22].

Социум (т.е. приводим с прописной буквы), то он сам и обязан, и в сила это сделать. Действительно, спасение утопающих - дело рук самих утопающих. Добавим - и не только рук (в том числе невидимых), но и ног и других частей тела, среди которых на высоте должна оставаться голова.

Социум у автора эссе является «глубоко встроенным, невычленимым компонентом природы», в которой «человек рождается и заканчивает свой путь» [12, с. 12]. Проблема «встроенности» или укоренённости (*embeddedness*) таких природных компонент, как человек, этнос, общество, есть проблема не только натурфилософская и социологическая, но космологическая и эсхатологическая. А если в поисках спасения оставаться пессимистом, то можно вообще уповать на силы inferнальной природы. Однако в послесловии к своему сборнику А. Чечельницкий явно придерживается оптимизма: «Следует надеяться, что Новый век наконец-то принесёт России, стремящейся извлекать уроки из Истории, долгожданное благополучие и процветание как истинно свободного и демократического общества» [12, с. 163]. Читателям уместно присоединиться к этой позитивной позиции (несмотря на то, что на миллениумном своём изломе История разменяла горбачевский романтизм на путинский прагматизм).

Чечельницкий оставил нашему университету бóльшую часть своей уникальной библиотеки, демонстрирующей широту кругозора её собирателя и стиль его работы с публикациями. Но куда ценнее оставленные им собственные труды, в которых прослеживается его жизнь как глубокого и разностороннего исследователя, неравнодушного к событиям столь исторически важных для страны лет.

Не только поэт в России больше, чем поэт.

Библиографический список:

1. Акофф Р., Эмери Ф. О целеустремленных системах. М.: Сов. радио, 1984. 272 с.
2. Гайдар Е.Т. Гибель Империи. Уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2006. 448 с.
3. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 15 томах. Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1988-1996.
4. Касти Дж. Большие системы. Связность, сложность и катастрофы. М.: Мир. 1982. 216 с.
5. Лившиц В.Н. Системный анализ рыночного реформирования нестационарной экономики России: 1992-2013. М.: ЛЕЛАНД, 2013. 640 с.
6. Месарович М., Мако Д., Такахара И. Теория иерархических многоуровневых систем. М.: Издательство Мир, 1973. 344 с.
7. Переход к рынку. М.: ЭПИцентр, 1990. 430 с.
8. Платонов А.П. Чевенгур. Роман и повести. М.: Сов. писатель, 1990. 656 с.
9. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов: в 2-х т. М.-Л.: Гос.Соц.-Экон.Изд-во, 1935.
10. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: АСТ, 2011. 288 с.
11. Хайек Ф. А. фон. Дорога к рабству. М.: Новое издательство, 2005. 264 с.
12. Чечельницкий А.М. Разум. Деньги. Власть. (Несвоевременный системный анализ). М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2006. 163 с.

Valiullin H.H. The Economic Abyss through the Eyes of an Astrophysicist

Albert M. Chechel'nitsky (1935-2011), a well-known scientist from Dubna town, has left for us not only papers on astrophysics (including his Mega-Wave Universe concept) but on other sciences such as history, economy, medicine, and so on. This article contains some discursive comments on chapters of the book "Mind. Money. Power (Untimely Systems Analysis)" gathered some Chechel'nitsky's publications on actual problems of the Russian economy during the period of 1990-2006 years.

Keywords: man, liberty, transition economy, systems analysis, market

Горизонты прикладной психологии

УДК 159.9

С. В. Маланов

Влияние последовательности слов и предложений на эффективность воспроизведения семантического содержания текста

Аннотация:

В статье представлены результаты двух экспериментальных исследований, направленных на выявление эффективности актуализации и воспроизведения фрагментов семантического содержания текста в зависимости: а) от варьирования последовательности слов в составе высказываний; б) от варьирования предложений в составе текста. Полученные результаты показывают широкую вариативность зависимости умственных действий от способов синтаксической организации высказываний и текстов.

Ключевые слова: семантическое содержание высказываний, синтаксическая организация высказываний, умственные действия.

Об авторе: Маланов Сергей Владимирович, доктор психологических наук, Московский институт психоанализа, профессор кафедры психологии развития, эл. почта: MalanovSV@mail.ru

В современной отечественной психологии можно выделить две группы теоретических подходов к анализу способов использования языковых средств в составе речевых действий. Первый подход опирается на гипотезы о том, что в антропогенезе формируются особые отделы мозга, которые выступают врожденной причиной речевого развития. При этом анализ и объяснение речевых способностей скрыто или явно опирается на гипотезу, что «мозг с помощью мозговых механизмов переработки информации» порождает и организует семантическое содержание и грамматические формы речевых высказываний [17; 3]. При этом явно или неявно полагается, что при реализации когнитивных процессов оперирование языком также реализуется «мозгом и внутри мозга». С этим трудно согласиться [8; 6].

Второй подход, известен как «психологическая теория речевой деятельности», опирается на идеи Л.С. Выготского, и развернут в работах А.А. Леонтьева, а также ряда отечественных психологов и психолингвистов. В основу этого подхода заложена гипотеза о том, что речевое развитие определяется совершенствованием способов организации совместных действий с помощью знаково-символических и языковых средств. При этом видотипичные анатомо-физиологические возможности организма (и мозга) как в антропогенезе, так и в онтогенезе функционально подстраиваются под организуемые с помощью языковых средств совместные способы ориентировки в окружающем мире и строящиеся на их основе практические, а затем и умственные действия [7; 8]. Умственные действия рассматриваются как организуемые с опорой на языковые и знаково-символические средства целенаправленные способы ориентировки субъекта в определенной

предметной области. При этом умственные действия и операции в соответствии с речевыми указаниями могут актуализироваться и при отсутствии соответствующих объектов. Такие способы ориентировки, организуемые на основе использования языковых и знаково-символических средств, и образуют то, что рассматривается в качестве определенного предметно-семантического содержания в составе мышления человека [5;6].

Вместе с тем, в отечественной психологии и психолингвистике недостаточно экспериментальных исследований, направленных на выявление зависимостей между способами использования языковых средств в составе высказываний и эффективностью организуемых в соответствие с ними умственных действий [11; 14]. Намного больше подобных эмпирических исследований реализовано на теоретических основаниях когнитивной психологии [19; 3].

Таким образом, овладение способами использования языка выступает необходимым условием для развития человеческой психики – высших психических функций. Онтогенетические закономерности включения языковых средств (или их заместителей в форме жестов в речи глухих, или даже тактильных знаков-прикосновений в общении слепоглухих) в организацию совместных, а затем самостоятельно иницилируемых предметно-практических действий, и на их основе действий умственных, выявлялись в исследованиях Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.В. Запорожца, П.Я. Гальперина, Н.Ф. Гальзиной, Л.Ф. Обуховой и множества других отечественных психологов [4; 8; 9; 10; 16]. Эти закономерности были обобщены в теоретических основаниях культурно-деятельностной психологии. Вместе с тем, недостаточно данных о том, как зависит актуализация семантического содержания, а также организация умственных действий от разных способов лексико-синтаксической и логико-синтаксической организации языковых средств в составе речевых высказываний.

Такие данные могут быть получены на основе экспериментов, где в качестве независимых переменных используются различающиеся по лексико-синтаксическому составу предложения и тексты, с помощью которых организуются речевые воздействия на испытуемых, а в качестве зависимых переменных – различия в эффективности воспроизведения испытуемыми фрагментов семантического содержания высказываний и текстов. Подобные эксперименты позволяют также анализировать эффективность выполнения умственных действий в зависимости от варьирования способов логико-синтаксической организации текстов, в которых задаются условия задач [11; 13].

Организация ряда экспериментов позволила выявить некоторые зависимости, которые проявляются: при изменении последовательности членов предложения в составе высказываний; по отношению к тому, каким членом предложения (какой частью речи) выступает лексема, с помощью которой фиксируется и актуализируется фрагменты семантического содержания высказываний; при изменении порядка следования предложений в составе текстов, фиксирующих межпредметные отношения; по отношению к наличию или отсутствию отрицательных частиц в суждениях и т.д. [15; 17].

Организация исследования 1

В основу исследования была положена общая гипотеза: эффективность актуализации и последующего воспроизведения их семантического содержания зависит от позиций членов предложения (частей речи) в синтаксической организации высказываний.

Для проведения исследования был использован специально составленный описательный текст из шести простых распространенных предложений с таким логико-семантическим содержанием, которое позволяет широкий диапазон комбинирования лексико-синтаксической организации. *«Жесткий кустарник упрямо охраняет застывшую тишину. Темный лес медленно расступается в мутном сумраке. Ветхая избушка уныло*

смотрит на осенний пейзаж. Лесная поляна густо зарастает высокими травами. Утренний туман плотно укрывает одинокого путника. Старая дорога настойчиво уводит в глухую чащу».

На этой исходной основе были построены 6 текстов, в структуре которых систематически комбинировались позиции подлежащих (П), сказуемых (С) и дополнений (Д) в составе предложений. В каждом из текстов использовались комбинации из шести разных синтаксических структур: подлежащее + сказуемое + дополнение (ПСД), подлежащее + дополнение + сказуемое (ПДС), дополнение + сказуемое + подлежащее (ДСП), дополнение + подлежащее + сказуемое (ДПС), сказуемое + подлежащее + дополнение (СПД), сказуемое + дополнение + подлежащее (СДП). Таким образом, одно и то же высказывание в разных текстах имело одну из шести возможных синтаксических структур. При этом последовательность высказываний не изменялась. Например:

Текст № 1.

ПСД Жесткий кустарник упрямо охраняет застывшую тишину.

ПДС Темный лес в мутном сумраке медленно расступается.

ДСП На осенний пейзаж уныло смотрит ветхая избушка.

ДПС Высокими травами лесная поляна густо зарастает.

СПД Плотно укрывает утренний туман одинокого путника.

СДП Настойчиво уводит в глухую чащу старая дорога.

Текст № 2.

ПДС Жесткий кустарник застывшую тишину упрямо охраняет.

ДСП В мутном сумраке медленно расступается темный лес.

ДПС На осенний пейзаж ветхая избушка уныло смотрит.

СПД Густо зарастает лесная поляна высокими травами.

СДП Плотно укрывает одинокого путника утренний туман.

ПСД Старая дорога настойчиво уводит в глухую чащу.

(Аналогичным образом комбинировались последовательности членов предложений в составе других четырех текстов)

В 6-ти разных группах испытуемых предъявлялся один из текстов. После прочтения текста испытуемые отвлекались от его содержания на время около 10 секунд. Вслед за этим давалась установка на письменное воспроизведение (изложение) содержания текста и всех его фрагментов. Подсчитывалось общее количество воспроизведенных семантических «единиц», соответствующих подлежащим, сказуемым и дополнениям в зависимости от синтаксической организации предложений, а также в зависимости от их позиции в составе высказываний. Результаты, полученные в разных группах, суммировались.

Выборка испытуемых. Исследование проводилось в средней общеобразовательной школе г. Йошкар-Олы среди учащихся 6 и 7 классов: 126 испытуемых в возрасте 12-13 лет, распределенные в 6 экспериментальных групп [18].

Анализ результатов

Суммарное количество высказываний предъявленных всем испытуемым составило 756 (126 x 6); суммарное количество семантических единиц, соответствующих подлежащим, сказуемым и дополнениям 2268 (756 x 3). При этом семантическое содержание определений и обстоятельств не учитывалось. Всеми учащимися было воспроизведено 1298 (57,2%) «семантических единиц», количественное распределение которых представлено в таблице 1.

Таблица 1.

Эффективность актуализации и воспроизведения фрагментов семантического содержания, соответствующего разным членам предложения в зависимости от их позиций в составе высказываний

	Позиция 1	Позиция 2	Позиция 3	Σ
Подлежащее	221	104	119	444
Сказуемое	210	134	97	441
Дополнение	213	102	98	413
Σ	644	340	314	1298

Полученные результаты позволили проверить гипотезу о том, что эффективность воспроизведения семантического содержания, которое актуализируется с помощью подлежащих, сказуемых, дополнений зависит от их позиций в составе высказываний (рисунок 1).

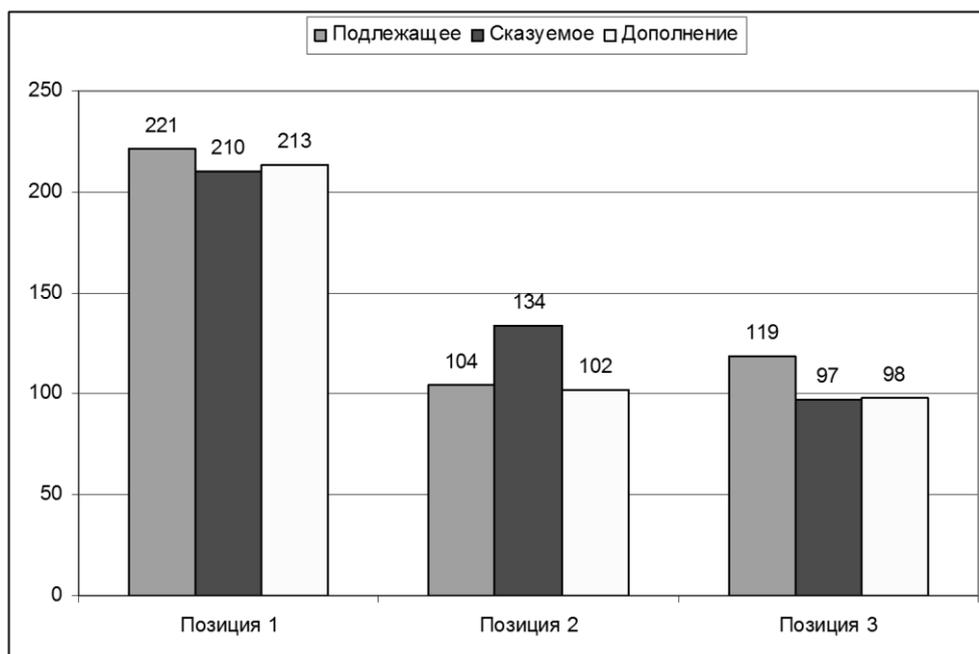

Рис. 1. Эффективность воспроизведения семантического содержания, актуализируемого с помощью подлежащих, сказуемых, дополнений в зависимости от их позиций в составе предложений (высказываний)

Семантическое содержание и подлежащих, и сказуемых, и дополнений, расположенных на первой позиции, воспроизводится намного более эффективно, чем в том случае, когда они расположены соответственно на второй или третьей позиции. При этом в зависимости от занимаемых в составе высказываний позиций одни и те же фрагменты семантического содержания статистически значимо воспроизводятся с разной степенью эффективности: подлежащие ($\chi^2 = 54,77$; $p \leq 0,01$), сказуемые ($\chi^2 = 45,16$; $p \leq 0,01$) и дополнений ($\chi^2 = 61,9$; $p \leq 0,01$). Вместе с тем, различия в эффективности воспроизведения семантического содержания, актуализируемого с помощью разных членов предложения (подлежащих, сказуемых и дополнений), занимающих одну и ту же позицию (первую, вторую или третью) в составе высказываний оказались статистически не значимы (см.: рисунок 3).

Полученные результаты также позволили выявить зависимость эффективности актуализации умственных действий и последующего воспроизведения их семантического содержания от порядка следования подлежащего, сказуемого и дополнения в синтаксическом составе соответствующих высказываний (рис. 2 и рис. 3).

Количество высказываний, у которых было полностью воспроизведено семантическое содержание подлежащего, сказуемого и дополнения, составило 185 из 756 предъявленных (24,5%). Распределение полученных результатов в зависимости от разных типов синтаксической организации высказываний представлено в таблице 1 и на рисунке 1.

Таблица 2.
Эффективность актуализации и воспроизведения общего семантического содержания высказываний (подлежащего, сказуемого и дополнения) в зависимости от их синтаксической организации

	ПСД	ДПС	СДП	ДСП	ПДС	СПД
Воспроизведение общего семантического содержания высказываний (подлежащего, сказуемого и дополнения)	40	33	32	28	28	24
Воспроизведение фрагментов семантического содержания высказываний	240	222	219	216	206	195

Семантическое содержание подлежащего, сказуемого и дополнения в составе соответствующих предложений (высказываний) наиболее эффективно актуализировалось и воспроизводилось при использовании структуры ПСД. Наименее эффективно воспроизводилось семантическое содержание конструкции СПД. Вместе с тем, распределение различий воспроизведения содержания высказываний с разными позициями членов предложения в их составе статистически не значимы ($\chi^2 = 4,96$; $p \geq 0,05$). Статистически значимых различий не выявлено и при парном подсчете различий.

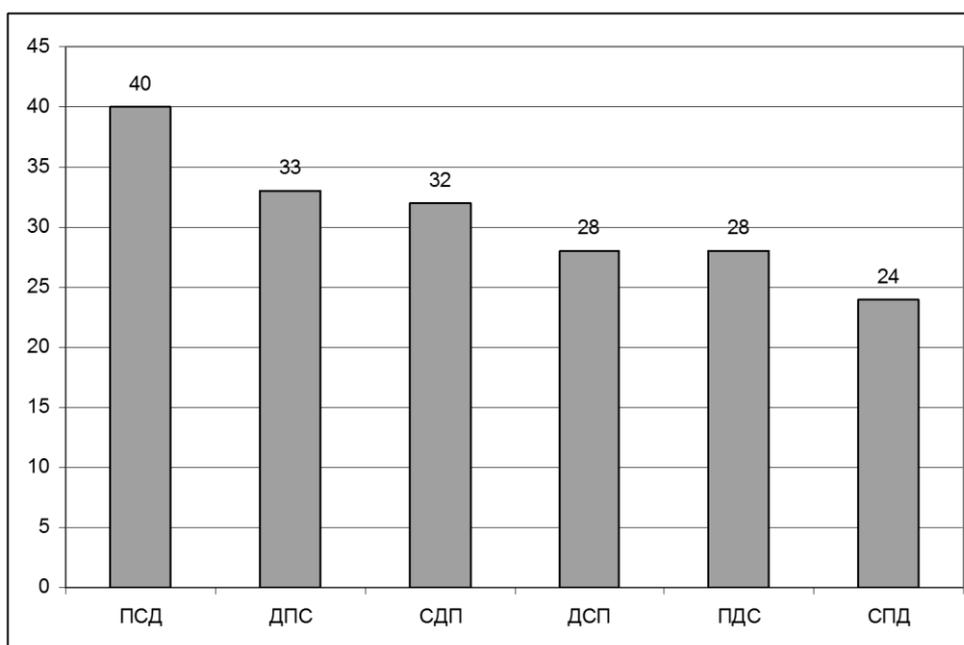

Рис. 2. Эффективность актуализации и воспроизведения общего семантического содержания высказываний (подлежащего, сказуемого и дополнения) в зависимости от их синтаксической организации

Также подсчитывалось общее количество воспроизведенных фрагментов семантического содержания, соответствующее подлежащим, сказуемым и дополнениям в составе разных типов высказываний (рис. 3).

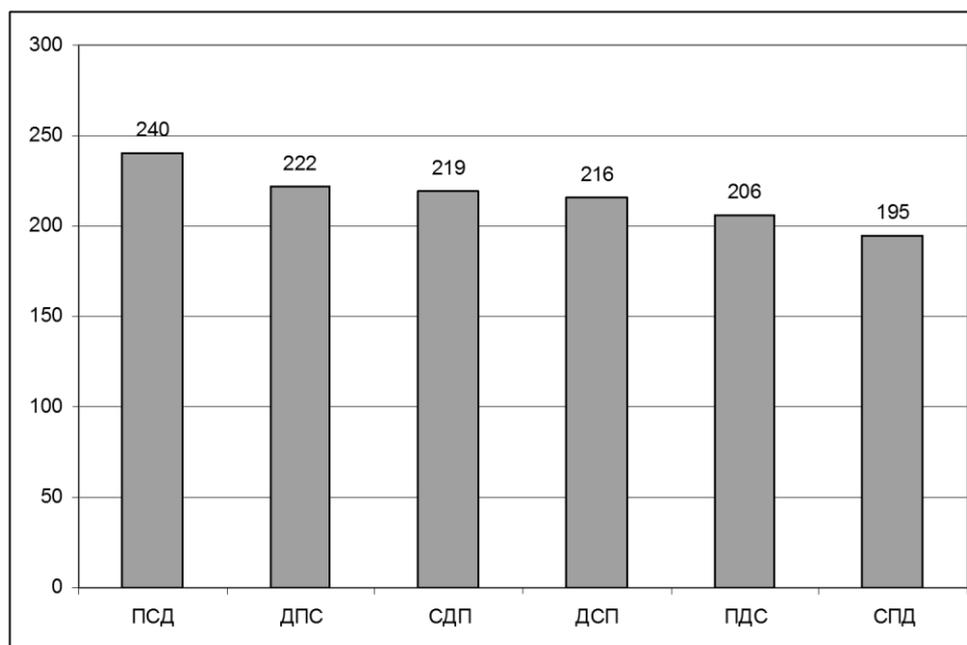

Рис. 3. Эффективность актуализации и воспроизведения фрагментов семантического содержания подлежащих, сказуемых и дополнений в зависимости от синтаксической организации высказываний

Наибольшее количество семантических фрагментов было воспроизведено при использовании синтаксической организации ПСД (240 единиц), а наименьшее при использовании конструкции СПД (195 единиц). Распределение различий воспроизведения семантических фрагментов высказываний в зависимости от позиций членов предложения в их составе статистически не значимы ($\chi^2 = 5,37$; $p \geq 0,05$). При парном сравнении результатов статистически значимы только различия между синтаксическими конструкциями ПСД и СПД ($\chi^2 = 4,45$; $p \leq 0,05$).

Полученные результаты дают основание сделать вывод, что наиболее полноценно актуализируется и воспроизводится семантическое содержание высказываний, имеющих наиболее часто используемую в русскоязычной речи синтаксическую структуру ПСД (что и ожидалось). А наиболее низкой оказывается эффективность актуализации семантического содержания при использовании синтаксических структур СПД.

Организация исследования 2

Если в составе описательного текста возможна перестановка образующих его предложений, то наиболее эффективно должно актуализироваться и воспроизводиться семантическое содержание первого и последнего предложений (высказываний), что будет соответствовать известному «эффекту края» [2]. Используемый для сбора эмпирических данных текст (см. выше) послужил основанием для проверки еще одной гипотезы: существует зависимость эффективности воспроизведения семантического содержания высказываний от их позиции в составе текста.

Для проверки гипотезы на основе исходного текста (см. выше) были составлены шесть производных текстов путем изменения последовательности предложений в их составе таким образом, чтобы каждое предложение занимало одну из шести возможных позиций. В текстах систематически комбинировался порядок предъявления одних и тех же предложений (высказываний) с разным содержанием. Например:

Текст № 1.

1. Жесткий кустарник упрямо охраняет застывшую тишину.
2. Темный лес медленно расступается в мутном сумраке.
3. Ветхая избушка уныло смотрит на осенний пейзаж.
4. Лесная поляна густо зарастает высокими травами.
5. Утренний туман плотно укрывает одинокого путника.
6. Старая дорога настойчиво уводит в глухую чащу.

Текст № 2.

1. Темный лес медленно расступается в мутном сумраке.
2. Ветхая избушка уныло смотрит на осенний пейзаж.
3. Лесная поляна густо зарастает высокими травами.
4. Утренний туман плотно укрывает одинокого путника.
5. Старая дорога настойчиво уводит в глухую чащу.
6. Жесткий кустарник упрямо охраняет застывшую тишину

(Аналогичным образом комбинировались последовательности предложений в составе других четырех текстов.)

Каждый из текстов устно зачитывался в одной из шести экспериментальных групп. Вслед за этим участников исследования просили по возможности точно письменно воспроизвести содержание прочитанного текста, предложений и фрагментов их содержания.

Выборка испытуемых. Исследование проводилось на базе средней общеобразовательной школы г. Йошкар-Олы [1]. В нем приняли участие школьники 8 классов. Общий объем выборки составил 57 человек (по 9-10 испытуемых в каждой группе).

Анализ результатов

При обработке результатов подсчитывалось каждое верно воспроизведенное слово, фиксирующее фрагменты лексико-семантического содержания предъявляемых высказываний (предложений). Обобщенные результаты исследования представлены в таблице 3 и на рисунке 4.

Таблица 3.

Эффективность актуализации и воспроизведения фрагментов семантического содержания предложений (высказываний) в зависимости от их позиций в составе текста

Позиция предложения в тексте	Количество воспроизведенных членов предложения						
	Определение при подлежащем	Подлежащее	Обстоятельство при сказуемом	Сказуемое	Определение при дополнении	Дополнение	Сумма Σ
1	30	43	10	9	5	9	106
2	9	25	3	10	1	5	53
3	6	15	0	5	0	9	35
4	16	25	0	4	1	7	53
5	3	20	1	9	3	11	47
6	22	38	2	22	7	22	113

Σ	86	166	16	59	17	63	407
----------	----	-----	----	----	----	----	-----

На основе суммирования всех воспроизведенных испытуемыми в экспериментальных группах фрагментов семантического содержания высказываний (предложений) в зависимости от их позиций в составе текста, можно сделать вывод о том, что семантическое содержание первого и последнего предложений в составе описательного текста воспроизводится наиболее эффективно ($\chi^2=61.9$; $p \leq 0,01$). Полученный результат не является неожиданностью и выступает подтверждением известного «эффекта края» (рис. 4).

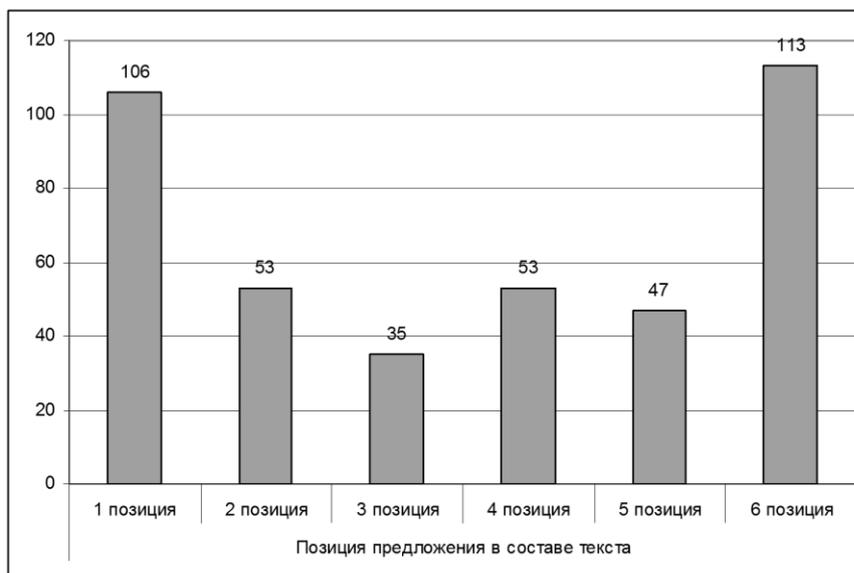

Рис. 4. Эффективность воспроизведения семантического содержания, высказываний (предложений) в зависимости от их позиций в составе текста

Полученные данные также позволяют в составе использованной синтаксической структуры простого распространенного предложения сравнить эффективность воспроизведения фрагментов семантического содержания, которые соответствуют разным членам предложения (рис. 5). Наиболее эффективно актуализируется и воспроизводится семантическое содержание, соответствующее подлежащему, а также определению при подлежащем, менее эффективно – семантическое содержание, соответствующее дополнению и сказуемому, и наименее эффективно – семантическое содержание соответствующее обстоятельству и определению при дополнении ($\chi^2=226,1$ $p \leq 0,01$).

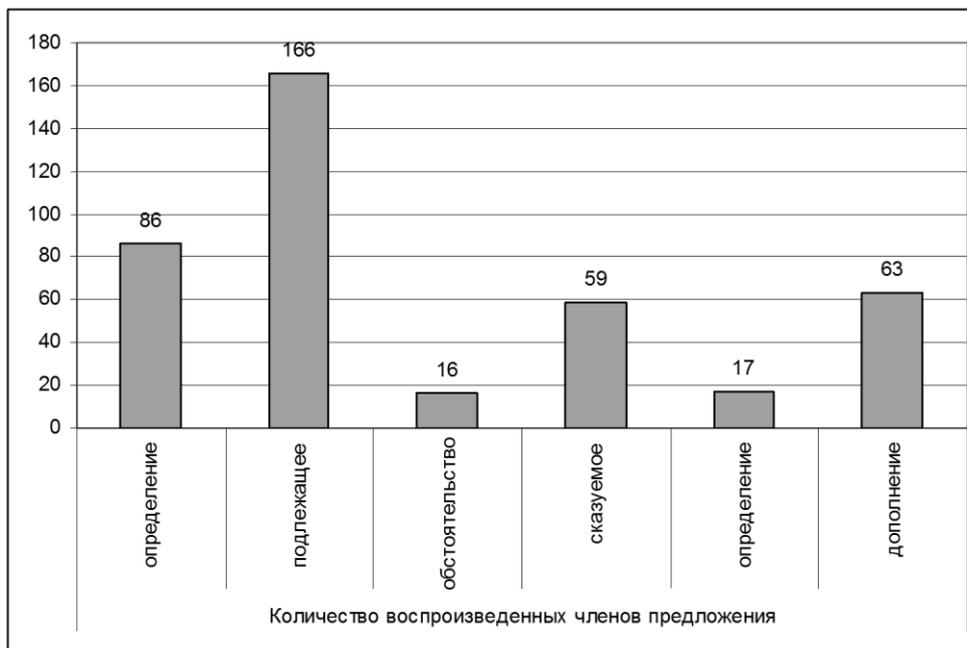

Рис. 5. Эффективность воспроизведения фрагментов семантического содержания высказываний соответствующего разным членам предложения

Заметим, что подобные «профили эффективности актуализации умственных действий и воспроизведения их семантического содержания» могут быть построены для широкого диапазона синтаксических конструкций. Такие профили в перспективе могут получить широкое прикладное применение.

Общее обсуждение

Полученные результаты позволяют подтвердить общую гипотезу. Эффективность запоминания и последующего воспроизведения семантического содержания слов, соответствующих разным членам предложения, зависит от их позиций в составе высказывания (предложения). Наиболее эффективно (часто) актуализируется и воспроизводится семантическое содержание слов, стоящих на первой позиции. При этом выявленные различия в воспроизведении семантического содержания подлежащих, сказуемых и дополнений, занимающих первую позицию в составе высказываний, оказались статистически не значимы.

Эффективность актуализации и последующего воспроизведения семантического содержания высказываний зависит от порядка следования подлежащего, сказуемого и дополнения в синтаксическом составе соответствующих предложений. Семантическое содержание высказываний наиболее эффективно актуализируется и воспроизводится при использовании синтаксической структуры «подлежащее + сказуемое + дополнение». Наименее эффективно семантическое содержание высказываний воспроизводилось при использовании синтаксической конструкции «сказуемое + подлежащее + дополнение». Вместе с тем, эти результаты требуют уточнения на основе сбора дополнительных эмпирических данных.

В составе небольших по объему описательных текстов семантическое содержание первого и последнего предложений (при прочих равных условиях) воспроизводится наиболее эффективно.

В простом распространенном предложении с наиболее распространенным в русском языке порядком расположения членов предложения (подлежащее-сказуемое-дополнение)

наиболее эффективно актуализируется и воспроизводится семантическое содержание, соответствующее подлежащему, менее эффективно определению при подлежащем, еще менее эффективно – семантическое содержание, соответствующее дополнению и сказуемому, и наименее эффективно – семантическое содержание соответствующее обстоятельству и определению при дополнении.

Представленные результаты требуют уточнения и дополнительной эмпирической верификации, поскольку возможно влияние неучтенных побочных переменных: частотность использования слов, семантика высказываний, возраст испытуемых, условия (написание школьниками изложения) при которых проводились эксперименты и т.д. Вместе с тем, в отечественной психологии недостаточно надежных эмпирических данных о характере влияния языковых средств (как лексических, так и синтаксических) на эффективность организации умственных действий человека. Полученные результаты позволяют сделать вывод, что при грамматически разных способах использовании языковых средств существует множество факторов, которые оказывают влияние на эффективность актуализации и организации умственных действий человека.

В заключение хотелось бы отметить, что масштабная реализация подобных экспериментальных исследований и последовательное накопление данных могут послужить основой: а) для построения содержательных моделей функциональной организации умственных действий и анализа их развития в онтогенезе; б) развития нового направления исследований в психосемантике, позволяющего решать широкий спектр прикладных задач, например, в сфере массовых коммуникаций, а также в организации учебной деятельности.

Библиографический список:

1. Аухатшин К.Р. Эффективность воспроизведения содержания высказываний в зависимости от их позиции в составе текста: выпускная квалификационная работа по направлению подготовки 030300.62 Психология. Кафедра общей и прикладной психологии ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет», 2016.
2. Баддли А., Айзенк М., Андерсон М. Память. СПб.: Питер, 2011. 560 с.
3. Величковский Б.В. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 2006.
4. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. М: Педагогика, 1983. Т.3. 368 с.
5. Гальперин П.Я. Лекции по психологии. М.: Книжный дом «Университет»: Высшая школа, 2002. 400 с.
6. Гальперин П.Я. Психология как объективная наука. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 1998. 480с.
7. Леонтьев А.А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии. М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001.
8. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М.: Едиториал УРСС, 2003. 312 с.
9. Лурия А.Р. Основные проблемы нейролингвистики. М.: Издательство Московского университета, 1975. 253 с.
10. Лурия А.Р. Язык и сознание. М.: Издательство Московского университета, 1979. 320 с.
11. Маланов С.В. Влияние синтаксической организации языковых средств на эффективность актуализации умственных действий // Мир психологии. 2009. № 2. С. 140-147.
12. Маланов С.В. Зависимость умственных действий от синтаксической организации языковых средств в составе высказываний // Психология третьего тысячелетия: IV Международная научно-практическая конференция памяти профессора Л.Ф. Обуховой: сборник материалов / Под общ. ред. Б.Г. Мещерякова, О.А. Гончарова. – Дубна: Гос ун-т «Дубна», 2017. С 74-80.
13. Маланов С.В., Хабибрахманова Л.Х. Эффективность актуализации умственных действий и воспроизведения их семантического содержания в зависимости от позиций членов

предложения в синтаксической организации высказываний // Вестник Марийского государственного университета. 2016. № 4 (24). С. 64-72.

14. Маланов С.В. Влияние отрицательных частиц в синтаксической структуре условных высказываний на эффективность актуализации семантического содержания // Экспериментальная психология. 2014. № 1. С. 71–81.

15. Маланов С.В. Функциональная организация мышления и генезис установления пространственно-временных и предметно-семантических отношений // Мир психологии. 2014. № 1. С. 53-67.

16. Обухова Л.Ф. Возрастная психология. М.: Педагогическое общество России, 2001. 442 с.

17. Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления. М.: Едиториал УРСС, 2002. 480 с.

18. Ушакова Е.В. Влияние синтаксической организации высказываний на эффективность актуализации умственных действий и воспроизведение их семантического содержания: выпускная квалификационная работа по направлению подготовки 030300.62 Психология. Кафедра общей и прикладной психологии ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет», 2015.

19. Халперн Д. Психология критического мышления. СПб.: Питер, 2000. 512 с.

Malanov S.V. The influence of a sequence of words in the composition of sentences and the sequence of sentences in the text on the effectiveness of actualization and reproduction of semantic content

The article presents the results of experimental studies aimed at revealing the effectiveness of actualization and reproduction of fragments of the semantic content of the text, depending on: a) the variation of the sequence of words in the composition of utterances; B) from the variation of sentences in the text. The results obtained show a wide variation in the dependence of mental actions on the methods of syntactic organization of utterances and texts.

Keywords: semantic content of utterances, syntactic organization of utterances, mental actions

УДК 159.9

В. О. Шабанова

Эргономичность веб-сайта: подходы и исследования

Аннотация:

Статья посвящена описанию предметной области, посвященной оценке удобства работы на веб-сайтах. Рассматривается проблема терминологии и предлагается использовать термин «эргономичность» для обозначения степени удобства использования того или иного сайта. Описаны критерии оценки эргономичности веб-сайтов и исследования работы на сайтах с регистрацией движений глаз и других психофизиологических параметров. Формулируются выводы относительно основных факторов эргономичности, необходимых для проведения собственного исследования.

Ключевые слова: эргономичность, веб-сайт, дизайн, человеко-ориентированный подход, кожно-гальваническая реакция, окулограмма.

Об авторе: Шабанова Валерия Олеговна, бакалавр психологии, выпускник государственного университета «Дубна», моб. тел. 8 (985) 203-78-76, эл. почта: valerie.midgence@yandex.ru

Введение

Посещение веб-сайтов и их использование является практически неотъемлемой частью современной жизни — это общеизвестный факт. Все известные компании имеют свои представительства в сети, известные люди ведут свои блоги, и очень многие, особенно молодежь, проводят значительную часть времени в социальных сетях.

Интернет стал пространством, в которое мы вовлекаемся все чаще. Оттого возникает потребность сделать это пространство удобным и приносящим важную информацию и положительные эмоции.

Когда веб-сайты были еще достаточно простыми, отдельный сайт мог создавать один человек — веб-мастер [5]. Сейчас над веб-страницами работают специалисты самого разного профиля: дизайнер, верстальщик, программист, контент-менеджер и другие. В настоящее время все более ощущается потребность в привлечении к разработке сайтов и такого специалиста, который позволил бы не просто создать красивый и слаженно функционирующий сайт, но и наиболее удобный для пользователей. Таких специалистов сейчас немного, однако они становятся все более востребованными [15].

Удобство использования веб-сайта: терминология

Специальность человека, который обладал бы умениями создания удобных веб-сайтов, четко не очерчена, и в то же время очевидно, что он должен знать психологию пользователей, уметь понимать логику их действий и на основе этого создавать такие сайты, с которых было бы удобно считывать информацию.

Среди вакансий, предъявляющих подобные требования к соискателям, популярно название «UX-дизайнер». Понятие **UX** (аббр. от англ. «user experience» — пользовательский опыт, или опыт взаимодействия) ввел двадцать лет назад Д. А. Норман (D. A. Norman),

ученый в области дизайна и пользовательской инженерии, имеющий образование по электротехнике и психологии и являющийся соучредителем компании Nielsen Norman Group [42]. Д. А. Норман вносил в понятие UX следующее значение: пользовательский опыт включает в себя все аспекты взаимодействия пользователя с компанией, ее услугами и продуктами [31]. Понятие обрело популярность, в то же время его значение сильно размылось и исказилось. Чаще всего под UX понимается направление, которое в центр внимания ставит опыт работы пользователя с различными интерфейсами, в том числе и с веб-интерфейсами (веб-сайтами). Первоначальное же понимание UX как опыта взаимодействия с компанией и ее продуктами приобрело название CX (аббр. от англ. «customer experience» — клиентский опыт) [39]. Таким образом, UX-дизайнер, согласно новому пониманию термина «user experience», занимается проектировкой интерфейсов (в том числе веб-сайтов) с учетом знаний о том, что уже умеет делать пользователь и как научить его совершать новые действия. Благодаря такому подходу к проектированию получается удобный для использования продукт. Однако термин «UX» весьма скоро стал иметь еще более размытое значение, полностью отличающееся от первоначального замысла Д. А. Нормана [4]. Дело в том, что образовалось такое направление в разработке как UX/UI-дизайн. Дизайнер в сфере UI (аббр. от англ. «user interface» — пользовательский интерфейс) занимается оформлением и придает стиль, в данном случае, сайту, работает над визуальной структурой и внешним видом элементов. Ввиду того, что процесс проектировки и оформления сайтов упростился благодаря новейшему программному обеспечению, у UI-дизайнеров появилась возможность заниматься и UX. Отсюда — путаница, породившая мнение о том, что UX и есть визуальный дизайн. Сейчас можно увидеть многочисленные вакансии, содержащие в названии аббревиатуры «UX/UI» и подразумевающие в одних случаях соискание проектировщиков, в других — дизайнеров²². Конечно, при оформлении внешнего вида сайта необходимо помнить о том, какой опыт взаимодействия пользователь имеет с тем или иным элементом и их совокупностью, поэтому совмещение UX- и UI-дизайна вполне оправдано. В настоящее время синонимом «UX/UI» может являться «продуктовый дизайн», но дизайн продукта означает не просто учет пользовательского опыта и визуальный дизайн, а полный цикл разработки внешнего вида и поведения сайта или приложения [38]. В этот цикл входит также проектирование взаимодействия — IxD (аббр. от англ. «interaction design»).

На наш взгляд, яркой фигурой в области IxD является дизайнер и программист А. Купер (А. Cooper). Он предложил метод персонажей, который облегчает понимание пользователя и процесс разработки интерфейса в целом, и этот метод все чаще используется в создании сайтов. Идея А. Купера состоит в том, что в проектировании целесообразно ориентироваться не на всех пользователей, а на конкретных людей, имеющих определенные общие цели [25]. Среди разработчиков сайтов множество таких людей называют целевой аудиторией. Однако дизайнер конкретизирует это понимание потенциальных пользователей и предлагает описывать их настолько точно и детально, чтобы создать так называемых персонажей (personas). Персонажи в концепции А. Купера представляются как «гипотетические архетипы» (hypothetical archetypes) реальных пользователей. Конкретизация особенностей персонажа нужна для того чтобы разработка продукта имела четкие и ясные цели: как невозможно спроектировать автомобиль, который удовлетворил бы каждого, так и невозможно спроектировать сайт, который мог бы удовлетворить потребности всех людей.

Какими другими методами и парадигмами могут пользоваться проектировщики и дизайнеры, чтобы создать удобный для использования сайт? В настоящее время популярным

²² Сравн., напр., вакансию «UX/UI-дизайнер» (<https://hh.ru/vacancy/19780661>) и «UX/UI-проектировщик» (<https://hh.ru/vacancy/19645278>).

является исследование **usability** (англ. букв. используемость) сайтов. В Национальном стандарте ГОСТ Р ИСО 9241-210-2012 [1] термин usability переводится как «пригодность использования» и определяется следующим образом: это «свойство системы, продукции или услуги, при наличии которого установленный пользователь может применить продукцию в определенных условиях использования для достижения установленных целей с необходимой результативностью, эффективностью и удовлетворенностью» [1, с. 2]. Несмотря на данное определение, существует чрезвычайно большая путаница в понимании usability, а по поводу необходимости введения этого иностранного термина в отечественные исследования удобства интерфейсов и сайтов ведутся споры. Автор статей по проектированию Я. Табаков [14] пишет о том, что с приходом этого теперь модного термина вокруг usability зародились мистические представления, не означающие ничего конкретного, а значит, не предлагающие точных и действенных методик разработки удобных сайтов и приложений. Я. Табаков отмечает, что вместо «usability» было бы целесообразнее использовать понятие «эксплуатационные свойства», которое давно существует в русском языке. В отличие от usability, эксплуатационные свойства могут рассматриваться как количественно, так и качественно [14]. А. Купер сравнивает usability-методы с наждачной бумагой: если мастер делает стул, наждачная бумага может сделать его более гладким. Стол она также может сделать более гладким. Однако шлифовка не позволяет превратить стол в стул. Тем не менее, как отмечает А. Купер, он видит, как тысячи людей шлифуют столы, надеясь получить стулья [25]. Руководитель компании interUX, проектировщик интерфейсов И. В. Бурмистров формулирует неутешительные выводы относительно usability-инженерии. Направления исследований в области usability подменялись субъективными мнениями вроде «что красиво, то и удобно» [4]. В итоге и понятие UX-дизайна, и usability, по-видимому, все чаще сводятся к UI-дизайну.

Мы считаем, что, несмотря на разнообразие терминов и их понимание, все вышеперечисленное можно объединить одной большой областью знаний на стыке информационных технологий и психологии — эргономикой пользовательского интерфейса, или, если говорить о сайтах, **веб-эргономикой** [10]. Данная дисциплина является одним из направлений в области микро-эргономики, в рамках которой исследуется система «человек — компьютер» и проектируются взаимодействия в ней [13]. Эта система входит в более крупную систему «человек — машина», которая рассматривается **эргономикой**. Термин «эргономика» возник благодаря соединению двух греческих слов *ergon* — «работа» и *nomos* — «закон» [9, с. 26]. В отечественной психологии прошлого столетия проходили активные дискуссии о предмете эргономики и ее задачах. В 70-е годы XX века существовало уже свыше сотни вариантов определения данного термина. Эргономисты Запада не стремились дать окончательное и строгое определение и очерчивали границы эргономики лишь в общем виде: «эргономика — это научные исследования взаимодействия человека и рабочей среды» [9, с. 30]. Однако поиски определения эргономики отнюдь не препятствовали ее активному развитию в практических разработках. Более того, ассамблеей Международной эргономической ассоциации было принято решение не давать точного и унифицированного определения эргономики, потому как это могло бы оказать сдерживающее влияние на формирование молодой научной дисциплины: унификация предмета повлекла бы за собой унификацию теоретико-методологических оснований, что помешало бы практике.

Частным случаем системы «человек — машина» является система «человек — компьютер». Ее эргономические аспекты рассматриваются в контексте парадигмы **HCI** (аббр. от англ. «human-computer interaction» — взаимодействие человека и компьютера). Исследователи HCI анализируют и проектируют специфические технологии пользовательского интерфейса, изучают и улучшают процесс разработки, оценивают новые компьютерные приложения (например, текстовые редакторы, электронные библиотеки) [24]. Профессора психологии К.-Ф. Л. Ву (K.-Ph. L. Vu) и Р. В. Проктор (R. W. Proctor) говорят о

том, что в парадигму HCI включают три «use» (англ. — использовать), т. е. машины, которые проектируются, должны быть: **useful** («полезными», «пригодными») — пользователи получают то, что им необходимо — функциональность (functionality); **usable** («удобными») — пользователи могут выполнять функции легко и эффективно; **used** («используемыми») — люди начинают пользоваться продуктом и продолжают это делать [36, p. 36]. С этой точки зрения, рассматриваемый нами продукт — веб-сайт — как элемент системы должен выполнять свои функции и вызывать у пользователей желание обращаться к нему вновь и вновь.

Центр парадигмы HCI — это пользователь [36, p. 43]. Весь процесс проектирования фокусируется на человеке, который в конечном итоге будет использовать продукт — отсюда концепция **HCD** (аббр. от англ. «human-centered design» — ориентированный на человека дизайн) [39]. Ранее такое центрирование на пользователе связывалось с понятием **человеческого фактора** (human factors) в инженерной психологии. Основатели отечественной эргономики В. М. Мунипов и В. П. Зинченко говорят о том, что эти факторы представляют собой показатели связи человека, машины (в нашем случае — сайта), среды и предмета деятельности (здесь — поиск информации), которые появляются при функционировании системы и взаимодействии с ней человека [9]. Человеческие факторы в технике изначально не даны и могут быть найдены лишь на основе анализа задач системы «человек — машина», функций человека в данной системе и особенностей его деятельности.

В конечном итоге эргономичность системы «человек — машина», согласно В. М. Мунипову и В. П. Зинченко, взаимосвязана с критериями надежности, производительности, экологичности, экономичности, и эстетичности. Удобство, в свою очередь, предполагает наличие совокупности эргономических свойств — управляемости, освоенности, обслуживаемости, и обитаемости [9]. Таким образом, целью эргономики можно считать выявление и учет человеческих факторов в технике для оптимизации дизайна технических устройств (в нашем случае — веб-сайтов), а также отбор и обучение людей для как можно более успешного взаимодействия с ограниченными возможностями машин [36].

Согласно описанным парадигмам, в дальнейшем мы будем рассматривать удобство использования того или иного сайта как степень его **эргономичности**.

Критерии эргономичности веб-сайтов

С помощью каких методов становится возможным определить эргономичность сайта? Для оценки эргономичности сайтов были разработаны и продолжают разрабатываться различные критерии. Так, существуют определенные стандарты по разработке веб-ресурсов, однако они зачастую основываются на разных наборах критериев, и объединить их в единый документ с конкретными рекомендациями бывает затруднительно, хотя такие попытки предпринимаются [21]. Рассмотрим отдельные критерии эргономичности, предлагаемые разными авторами.

Д. А. Шевченко и Ю. В. Локтюшина [17] определяют удобство работы с сайтом как сумму оценочных баллов по нескольким независимыми параметрами: дизайн сайта (его оформление), наполнение (content), навигация, интерактивность, видимость (доступность сайта в интернете). Для измерения перечисленных параметров используется пятибалльная шкала, и тот веб-ресурс, что набирает максимальное количество баллов, считается наиболее удобным. Г. А. Никулова [11] в своей работе рассматривала следующие критерии оценки: «Архитектура и навигация», «Планировка и дизайн», плотность полезной информации в коде главной страницы сайта и время загрузки сайта. И. А. Дегтяренко, И. В. Бурмистров и А. Б. Леонова [7] собирали утверждения относительно удобства сайтов и, проанализировав их, вывели основные 4 фактора, по которым можно определить степень удобства сайта. Этими факторами явились шкалы «эффективность» (включает в себя субшкалы

«надежность» и «функциональность»), «простота использования», «полезность» и «эмоциональная привлекательность». Методика показала свою дифференцирующую чувствительность на примере рассмотрения сайтов электронной почты, социальных сетей и интернет-дневников. О. В. Кулева [8] оценивала сайты библиотек и предложила использовать критерии качества веб-ресурса (содержательное наполнение, эргономичность и дизайн, технические характеристики) и критерии эффективности (usability-тестирование, библиометрические характеристики, экономические затраты). Интересен пример сравнения эргономичности двух сайтов ВУЗа студенток А. В. Дегтяревой и А. А. Шугиной [6]. Они использовали следующие критерии оценки: основные (простота, понятность, полезность и т. п.), диапазон применения (cross-платформенность и здесь же — удовлетворение целевой аудитории), структура и навигация, содержание (content), внешний вид.

Несмотря на столь обширную работу по определению критериев оценки эргономичности веб-сайтов по описанным выше методикам, на наш взгляд, они весьма субъективны. Вообще, проблема критериев является одной из центральных в эргономике. Конкретизируется она обычно как проблема соотношения критериев и показателей, которые используются в экспериментальных исследованиях, и критериев, в соответствии с которыми проектируются и оцениваются системы на практике [9].

Поскольку существует стремление получить «объективную» количественную оценку сайта, некоторыми авторами предлагаются методы автоматической проверки HTML-кода веб-страниц на эргономичность без прямого участия человека в процессе проверки [19]. Даже тестирование, как пишет И. В. Бурмистров [4], все чаще превращается в экспертную оценку без участия пользователей. Автор приводит в пример популярное в наши дни А/В-тестирование [35], где А — контрольный вариант сайта, В — вариация сайта. Пользователю в сети (без предупреждения о разнице в вариантах) предъявляется или вариант А, или вариант В. В результате тот вариант, который принес больше продаж (это подсчитывается автоматически), побеждает.

Таким образом, из системы «человек — машина» практически исключается ее необходимое звено, без которого она не может существовать — человек! Поэтому мы предлагаем рассмотреть исследования эргономичности веб-сайтов с участием реальных пользователей, где можно увидеть взаимодействие внутри системы и понять, что будет действительно удобным в работе с сайтом.

Исследования удобства работы на веб-сайтах

Эмпирических исследований, посвященных анализу удобства веб-сайтов, проводится довольно много, особенно на Западе, и с каждым годом их становится все больше, в том числе и в России. Интерес к оценке эргономичности растет, к тому же, современное оборудование позволяет получать самые различные данные и анализировать их множеством способов.

К сожалению, исследуются или уже готовые и функционирующие сайты, которые фактически невозможно исправить (если только сами разработчики не решат, что им необходимо сделать новый сайт), или частные функции, которые проверяются на нескольких сайтах, а далее идет обобщение на всю интернет-среду. Хотелось бы обратить внимание на одни из самых ярких примеров исследований, результаты которых были практически проигнорированы разработчиками, — исследования так называемого «плоского» стиля дизайна [43]. Он начал набирать популярность в 2012 г., и в настоящие дни такой дизайн можно увидеть в интерфейсах таких популярных операционных систем, как iOS 7, Windows 8 и 10, а также на многих современных веб-сайтах [3]. В отличие от «традиционного» дизайна, где все элементы выполнены с приданием реалистичности и трехмерности, «плоский» направлен на отображении объектов в двумерном пространстве.

Эргономичность «плоского» дизайна была исследована рядом авторов. Так, И. В. Бурмистровым, и его коллегами [22] были проведены эмпирические исследования, показавшие неэргономичность ряда черт «плоского» дизайна. Исследовался поиск слов среди абзацев, набранных шрифтами в «традиционном» и «плоском» начертании; поиск иконки по ее названию среди псевдообъемных и плоских; поиск объектов, на которые можно кликнуть (англ. clickable), в среде «традиционного» и «плоского» дизайна [там же]. Для каждого задания анализировались средние показатели движения глаз участников исследования, включая фиксации и параметры саккад. Данные параметры рассматриваются в литературе [33; 26] как индикаторы когнитивной нагрузки, при возрастании которой растет продолжительность фиксации взгляда, уменьшаются амплитуды и максимальная скорость саккад [22, p. 110]. В результате по всем параметрам «плоский» дизайн оказался менее эргономичным для пользователей, чем «традиционный»: когнитивная нагрузка была выше при работе с такими сайтами, на которых были необъемные кнопки и иконки, а также принятые в модной стилистике шрифты светлых и сверхсветлых начертаний. Кроме того, на «плоских» сайтах совершалось больше ошибок (например, нажатие на кнопку, которая не имеет функции нажатия), чем на сайтах с псевдообъемными элементами.

Несмотря на такие результаты исследования, мы вовсе не склонны считать, что «плоский» дизайн — это «опасная тенденция в области оформления интерфейсов» («...harmful tendency in area of user interfaces» [22, p. 113]). Во время проведения исследования «плоский» дизайн еще не был привычен для пользователей, опыт работы с таким веб-интерфейсом (UX) был небольшим (хотя и не первым, согласно данным об участниках), и потому работа в такой среде требовала дополнительной когнитивной нагрузки, что предсказуемо.

Сами пользователи при появлении нового дизайна по-разному отзывались о «плоских» элементах [43]: Д. Судилковский, специалист в дизайне взаимодействия, считает, что на плоский стиль переходят ради новизны; О. Гричина, UI-designer, считает, что «плоский» дизайн позволяет удобнее работать с оформленной в данном стиле информацией. Вообще, популярный ранее дизайн с псевдообъемными и детально проработанными элементами, похожими на реальные, помогал пользователям понять функции сайта, смартфона и прочих устройств. Теперь, как нам представляется, с повсеместным использованием интернета большинство пользователей хорошо ориентируются в работе сайтов и приложений, и потому у дизайнеров появилась возможность экспериментирования со стилями, «освежать» интерфейс. Более того, «плоский» дизайн позволяет достигать адаптивности и преемственности между различными устройствами (мониторами, смартфонами, планшетными ПК), что как раз обеспечивает пользователю удобство. В настоящее время практически все популярные сайты и приложения созданы в стиле «плоского» дизайна с небольшим добавлением элементов реального мира (таких, например, как тени под объектами и легкие текстуры) — особенно ярким примером, как нам кажется, является Material Design от Google [40].

Что касается популярных во время появления «плоского» дизайна светлых начертаний шрифтов, то набранные этим шрифтом тексты, вне зависимости от стиля, могут быть неудобны для чтения. И. В. Бурмистров с соавторами [23] провел исследование, в котором рассматривал удобство чтения шрифтов, свойственных «плоскому» дизайну, и шрифтов, которые использовались традиционно. Было решено провести окулографическое исследование удобства чтения шрифтов светлого и сверхсветлого начертания в условиях низкого и высокого контраста. Кроме того, рассматривалось чтение темных текстов на светлом фоне и светлых — на темном. Светлые шрифты сравнивались с традиционно использовавшимися в веб-интерфейсах нормальными и полужирными начертаниями. По результатам исследования авторы сделали следующие выводы: удобство чтения светлых и сверхсветлых шрифтов на любом фоне значимо ниже, чем у нормальных и жирных шрифтов.

Окулографические данные показатели, по мнению авторов, свидетельствуют о том, что светлые и сверхсветлые шрифты вызывают более высокую когнитивную нагрузку. Время фиксации взгляда при чтении сверхсветлых шрифтов было значимо больше, чем при чтении шрифтов нормального и полужирного начертания.

Вообще, и сами дизайнеры рекомендуют использовать светлые начертания шрифтов в коротких заголовках, чтобы выделить их среди остального текста, и не использовать в длинных заглавиях и в основном тексте, особенно если он набран мелким шрифтом, — это усложняет чтение [41]. Тем не менее, в небольших количествах светлые шрифты, а также другие нестандартные начертания, выглядят свежо, привлекают внимание и считаются практически без труда.

Регистрация глазодвигательной активности

И. В. Бурмистров с соавторами в описанных выше исследованиях регистрировали параметры глазодвигательной активности с помощью электроокулограммы (ЭОГ). Этот метод позволяет регистрировать скорость скачков глаз, их амплитуду, а также фиксации взгляда. Данные параметры рассматривались и в других исследованиях, посвященных определению эргономичности веб-сайтов.

В работе С. С. Григоровича и А. Маршовой [2] производилась запись траектории движения глаз во время рассматривания веб-страниц. Участники выполняли следующие задания: поиск и сортировку писем в почтовой программе, поиск и сортировку файлов на рабочем столе, поиск и исправление ошибок в текстовом документе. Кроме того, предъявлялось фоновое задание — чтение инструкций. Главным показателем являлось расстояние между направлением взгляда и положением курсора. Оценивалась также согласованность вертикальной и горизонтальной составляющих движений глаз и курсора. Было показано, что движения глаз при выполнении указанных выше заданий опережают движения курсора, достигая оптимума согласованности в интервале от 0,19 до 0,33 секунд. Кроме того, наименьшая задержка координации «глаз — курсор» достигается в наиболее знакомом для пользователя пространстве веб-сайта, которое хорошо структурировано [2].

Я. Нильсен и К. Перниче изучали характер движений глаз при выполнении участниками определенных заданий [12]. В исследованиях использовалось два типа заданий — количественные и качественные. Количественные задания были следующими: поиск в сети (напр., «Поисковый механизм Yahoo. Какова максимальная скорость, с которой может плыть акула мако?»), чтение (напр., «Журнал New York Magazine. Найдите ресторан, в который бы вам хотелось пойти больше всего») и другие. Качественные задания могли быть, напр.: «Какая из двух пород собак вам больше подходит: каменный терьер или фараонова гончая?»; «Ныряет ли дикая утка за пищей? И если ныряет, то как долго она обычно остается под водой?» [12, с. 43–46].

Для записи движений глаз во время просмотра сайтов применялся метод захвата центра зрачка — PCCR (Pupil Center Corneal Reflection) [12, с. 59]. Помимо записи траектории движения глаз участникам предлагали оценить по семибалльной шкале свою работу на том или ином сайте: трудность работы, удовлетворенность ею и уверенность при выполнении задания.

По результатам исследований авторы составили карты с траекториями движения глаз на сайтах и тепловые карты распределения²³, в которых было показано, насколько часто пользователь смотрит на тот или иной участок веб-страницы. Оказалось, что не существует единого паттерна поведения пользователей для всех сайтов. В то же время все участники

²³ Примеры таких карт доступны по адресу <https://www.nngroup.com/articles/f-shaped-pattern-reading-web-content/> (дата обращения: 25.03.17).

эксперимента вели себя схожим образом на тематических сайтах, таких как информационные страницы, интернет-магазины и т. п. Для достижения различных целей пользователи посещают разные сайты и показывают разные стили поведения и, соответственно, фиксируются разные маршруты перемещения взгляда [12].

Современное оборудование позволяет не только записывать траекторию движения, но другие показатели активности глаза. Так, чилийские авторы разработали необычный подход к исследованию поведения пользователя на сайтах и прогнозированию его намерений при использовании веб-страниц. Этот подход предполагает рассмотрение данных о расширении зрачков, которые исследователи получали благодаря устройству отслеживания взгляда SR Research Eye Link 1000. В работе Дж. Джади и др. [29] выяснялся вопрос, может ли зрачковая реакция быть полезной для различения состояний выбора участником клика по какому-либо элементу на веб-странице. Для этого Дж. Джади и др. регистрировали положение взгляда и ширину зрачка, когда пользователи осуществляли выбор между несколькими элементами на имитированном веб-сайте. Сайт включал в себя три основные части: домашнюю страницу (home page), страницу с возможностью выбора (choice process) и конечную страницу (ending page). Результаты исследования показали, что существует статистически значимая разница между размерами зрачка, когда пользователи что-либо выбирают, и размерами зрачка, когда участники не производили выбор: зрачки сильнее расширялись, когда участники осуществляли выбор. Кроме того, авторы создали модель, основанную на искусственных нейронных сетях, которая позволяла прогнозировать клики пользователей. Модель показала точность прогнозирования в 82%. Эти результаты, по мнению авторов, позволяют предположить, что размер зрачка может использоваться для прогнозирования поведения пользователя в интернете. На основе полученных данных, как полагают исследователи, можно составлять рекомендации по улучшению структуры и содержимого веб-сайта.

Психофизиологические параметры: проблема интерпретации

Измерение показателей глазодвигательной при работе на сайте — несомненно, наиболее популярный метод в исследованиях эргономичности веб-сайтов. Однако, на наш взгляд, исследование исключительно движений глаз без обращения к другим психофизиологическим показателям пользователя показывает лишь одну, хоть и примечательную, сторону деятельности, производимой пользователем в интернете. О необходимости включения измерения других психофизиологических показателей для оценки эргономичности веб-сайтов говорит Д. Берлин, специалист в области UX [20]. Такого рода работа была проведена в нашей стране А. Б. Леоновой и И. А. Дегтяренко [30]. Они рассматривали, наряду с глазодвигательной активностью, другие психофизиологические данные для определения степени эмоционально-вегетативного напряжения пользователя при выполнении различных заданий на сайте.

В одном эксперименте с регистрацией КГР [27] участникам предъявляли прототип сайта правительства, на котором присутствовало либо не присутствовало анимированное лицо, помогающее пользователям осуществлять навигацию по сайту. В результате выяснилось, что при выполнении заданий на сайте с анимированным лицом участники посещали меньше веб-страниц, чем на сайте без анимированного лица [27, р. 1817]. Это может означать, что пользователи лучше ориентируются на сайте, посещают меньше бесполезных для них страниц и быстрее находят целевую страницу при наличии электронного помощника (в данном случае — анимированного лица). Присутствие анимированного лица вызывало усиление реакции КГР. Данный факт может говорить о том, что анимированное лицо вызывает у пользователей сильные эмоциональные реакции и даже стресс. Тем не менее, авторы рекомендуют относиться к результатам, полученным с помощью регистрации КГР, с осторожностью: сигналы КГР весьма индивидуальны для

каждого участника, и их следует тщательно анализировать для заключения ясных и значимых выводов [27, p. 1814].

К использованию метода измерения КГР при оценке эргономичности веб-сайтов следует относиться с особым вниманием и потому, что эмоциональные реакции может вызывать не только фактор неудобства работы на сайте, но и другие факторы. В частности, исследование Н. Трактинского и Д. Змири, в котором применялись различные пользовательские интерфейсы, показало, что на эмоции участника, вызываемые использованием того или иного приложения, влияет не только оценка функциональности приложения, но и оценка его эстетической привлекательности [34]. Так как эстетические вкусы у всех пользователей различны и, соответственно, вызывают разные эмоциональные реакции, отражающиеся на сигналах КГР, весьма затруднительно определить, вызваны ли эти сигналы эмоциональным откликом на оформление (дизайн) сайта или же в данном конкретном случае они зависят от трудности работы на сайте и отсылают к выводу об эргономических проблемах²⁴.

Подобные трудности могут возникать и при использовании других методов измерения психофизиологических показателей. Так, великобританские исследователи Р. Д. Уорд и др. [37] измеряли проводимость кожи, давление крови и частоту пульса участников, когда те выполняли задания на хорошо спроектированном интерфейсе и на плохо спроектированном интерфейсе. На «плохом» интерфейсе было чрезмерно много списков, закрывающих основную информацию и нарушающие ориентирование в структуре; неудобная навигация (меню), для использования которой необходимо было совершать дополнительную прокрутку и дополнительные операции с помощью мыши; большое количество бессмысленной анимации, всплывающих окон и прочих отвлекающих элементов. Оба интерфейса содержали идентичную информацию. В результате авторы обнаружили, что «плохой» интерфейс вызывал у участников более высокую кожную проводимость, увеличивал частоту пульса и понижал кровяное давление [20].

И. В. Блинникова, М. С. Капица и А. Б. Леонова [2] пишут о том, что запись ЭКГ при предъявлении участникам исследования заданий на веб-сайтах позволяет увидеть динамику различных вегетативных индексов. Так, показатель частоты сердечных сокращений (ЧСС) снижается после выполнения поисковой задачи в том случае, когда пользователь считает действие завершенным, и остается на прежнем уровне или повышался при сохранении высокого уровня операционального напряжения. В последнем случае участник может давать завышенные оценки общего времени выполнения задания. При выполнении поисковых задач в условиях с непривычной и неудобной организацией сайта анализ спектральных характеристик электрокардиограммы (ЭКГ) показывает нарастание степени симпатической мобилизации за счет доминирования центральных процессов и снижения парасимпатического влияния, что указывает на увеличение нервно-эмоционального напряжения. При работе же в традиционных условиях и более удобно спроектированном интерфейсе наблюдается снижение уровня симпатической мобилизации участника и небольшое повышение уровня парасимпатического дисбаланса [2, с. 253].

В качестве других психофизиологических показателей, отражающих состояние участника во время работы с сайтами, возможно использование регистрации электрической активности мозга с помощью электроэнцефалограммы (ЭЭГ). Р. Охме и др. [32] записывали ЭЭГ совместно с отслеживанием движений глаз для того, чтобы узнать, какие эмоциональные реакции вызывает просмотр рекламных баннеров. ЭЭГ, а также сердечный ритм и кожная проводимость измерялись в экспериментах шведского исследователя в области UX М. Форна в рамках дипломного проекта [28]. В результате анализа литературы и проведенных экспериментов он делает вывод о том, что хотя невозможно «читать» мысли

²⁴ Здесь мы также наблюдаем трудности разделения пользовательского опыта визуального оформления интерфейса (UX/UI), о чем говорилось выше.

и эмоции пользователя, измерение психофизиологических показателей может помочь выявить значимые эпизоды при взаимодействии человека с компьютером. Тем не менее, как отмечает М. Форн, не существует единственного способа объяснения наблюдаемой психофизиологической реакции, и потому получаемые данные следует всегда интерпретировать в зависимости от контекста, в котором они были собраны, а также от индивидуального опыта участника исследования.

Контекст получения психофизиологической информации, на наш взгляд, имеет большое значение, так как она может регистрироваться с разных участков тела, и расположение датчиков снятия данных может повлиять на результаты эксперимента. Так, например, в работе В. Арка и др. [18] КГР, пульс и температура участника исследования, работавшего за компьютером, снималась с помощью датчиков, установленных непосредственно на мыши — так называемой «emotional mouse» («эмоциональная мышь»). Участник, держа мышь в руке, прикасался к датчикам, и тем самым осуществлялась регистрация психофизиологических показателей. Основная идея авторов заключалась в том, что вместо использования громоздкого оборудования можно использовать одно небольшое устройство, привычное для пользователя. Собранные с помощью такого устройства данные исследователи анализировали с точки зрения отражения в них эмоциональных реакций участника, таких как злость, отвращение, страх, радость, печаль и удивление. Предполагалось, что эти эмоции будут соотноситься с заданием, выполняемым в данный момент пользователем. Однако действительно ли при таком способе регистрации можно получить корректные данные и верно их проанализировать? Пользователь не только прикасается к датчикам мыши, но и осуществляет движения той же рукой во время работы и напрягает мышцы ладони для удержания мыши. Известно, что для получения относительно «чистого» сигнала КГР от участника последний не должен совершать активных движений рукой, головой, корпусом, и т. д. Иначе без регистрации параметров сопутствующих движений их эффекты невозможно будет отделить от других источников КГР.

Неоднозначность большинства психофизиологических показателей представляет серьезную проблему для веб-эргономических исследований, которая требует от экспериментатора применять специальные ограничения в отношении поведения участника. К сожалению, эти ограничения существенно отдалают экспериментальную ситуацию от реальной. Не удивительно поэтому, что в большинстве своем результаты, получаемые разными авторами, далеки от того, чтобы считать их надежными и экологически безупречными.

Заключение

Итак, мы рассмотрели различные подходы к исследованию удобства использования веб-сайтов и пришли к выводу о том, что эргономичность веб-сайта зависит от нескольких общих факторов. Во-первых, от совместимости логической структуры сайта с логикой и психологией действий пользователя при работе на данном сайте. Во-вторых, от технического оформления сайта, учитывающего психологические и психофизические свойства восприятия пользователем предъявляемой информации. В-третьих, от степени «интуитивной понятности» сайта, от которой зависит возможность работы на нем не продвинутому пользователю, владеющему элементарными навыками взаимодействия с компьютером. Под «интуитивной понятностью» мы понимаем уже существующий пользовательский опыт, позволяющий ориентироваться в новых условиях, и предоставление сайтом возможности быстрого научения пользователя новым действиям.

Перечисленные факторы весьма широки, и мы считаем, что правы авторы, говорящие о невозможности создать некий абсолютный стандарт веб-сайта, который был бы применим к любому контенту и подходил бы для любого пользователя.

Эргономическая адаптация веб-сайта к конкретному содержимому и пользователю или типовым категориям того и другого требует участия эргономиста на всех этапах

проектирования, разработки и эксплуатации сайта. К этому, в общем давно известному из классической эргономики выводу, в конце концов приходит большинство специалистов, занимающихся разработкой сайтов.

Все вышеперечисленные соображения были необходимы нам для проведения собственного исследования эргономичности веб-сайтов, в котором мы применяли оценочный комплекс, включающий в себя различные параметры: успешность выполнения заданий, длительность выполнения, траектории движений курсора, глазодвигательную активность, психофизиологические параметры, и, наконец, субъективные оценки удобства работы на сайтах [16]. В конце концов, именно пользователь выносит окончательный вердикт в отношении эргономичности сайта. Поэтому отбор наиболее информативных и надежных показателей эргономичности сайта необходимо должен сопрягаться с поиском соответствующих поведенческих индикаторов этой эргономичности.

Библиографический список:

Официальные документы

1. ГОСТ Р ИСО 9241-210-2012. Национальный стандарт РФ «Эргономика взаимодействия «человек — система». Часть 210. «Человеко-ориентированное проектирование интерактивных систем» [Электронный ресурс] / Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии. Стандартиформ, 2013. 36 с. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/1645588/> (дата обращения: 16.04.17).

Литературные источники

2. Блинникова И.В., Капица М.С., Леонова А.Б. Психологические исследования информационного поиска в Интернет-среде // Мир психологии. 2016. №4. С. 223–231.

3. Бурмистров И.В., Протченко М.А. Плоский дизайн: юзабилити-экспертиза // Труды Международной конференции «Психология труда, инженерная психология и эргономика 2014» (Россия, Санкт-Петербург, 3–5 июля 2014 г.). СПб.: изд-во ФГАОУ ДПО «Петербургский Энергетический Институт Повышения Квалификации», 2014. С. 8

4. Бурмистров И.В. Кризис в юзабилити-инженерии и отсутствие предпосылок к его преодолению // Эрго 2016: Человеческий фактор в сложных технических системах и средах (Санкт-Петербург, 6–9 июля 2016 г.). СПб.: Межрегиональная эргономическая ассоциация, 2016. С. 321–328.

5. Воройский Ф.С. Информатика. Энциклопедический систематизированный словарь-справочник: введение в современные информационные и телекоммуникационные технологии в терминах и фактах. М.: Физматлит, 2006. 945 с.

6. Дегтярева А.В., Шугина А.А. Оценка эргономичности и особенности пользовательского интерфейса сайта РЭУ имени Г. В. Плеханова в сравнении с сайтом РАНХиГС [Электронный ресурс] // Nauka-rastudent.ru. 2016. № 6 (30). URL: <http://nauka-rastudent.ru/30/3501/> (дата обращения: 12.11.16).

7. Дегтяренко И.А., Бурмистров И.В., Леонова А.Б. Методика оценки удовлетворенности пользователей интерфейсом интернет-сайта // Вестник Московского ун-та. Сер. 14. Психология. 2010. № 1. С. 94–109.

8. Кулева О.В. Разработка системы оценки качества сайтов библиотек // Библиосфера. 2009. № 2. С. 58–63.

9. Мунипов В.М., Зинченко В.П. Эргономика: человекоориентированное проектирование техники, программных средств и среды. Учебник. М.: Логос, 2001. 356 с.

10. Мусина И.А. Введение в веб-эргономику [Электронный ресурс] // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2008. № 1. 11 с. URL: <http://psyanima.ru/wp-content/uploads/issues/2008n1a6.pdf> (дата обращения: 28.06.17).

11. Никулова Г.А. Пользователи о сайтах ВУЗов. Анализ веб-ресурсов лидеров образования // Вестник ПГГПУ. Информационные компьютерные технологии в образовании. 2013. Вып. 9. С. 53–58.

12. Нильсен Я., Перниче К. Веб-дизайн: анализ удобства использования веб-сайтов по движению глаз / Пер. с англ. М.: ООО «И. Д. Вильямс», 2010. 480 с.

13. Сергеев С.Ф. Инженерная психология и эргономика: Учебное пособие. М.: НИИ школьных технологий, 2008. 176 с.
14. Табаков Я. Юзабилити как опиум для народа [Электронный ресурс] // Хабрахабр. 2011. URL: <https://habrahabr.ru/post/133049/> (дата обращения: 14.02.17).
15. Шабанова В.О. Определение пользовательских сценариев как метод оценки эргономичности сайта университета «Дубна» // Психология третьего тысячелетия: IV Международная научно-практическая конференция памяти профессора Л. Ф. Обуховой: сборник материалов / Под общ. Ред. Б.Г. Мещерякова, О.А. Гончарова. Дубна: Гос. ун-т «Дубна», 2017. С. 154–158.
16. Шабанова В.О., Назаров А.И. Определение эргономичности электронного личного кабинета студента на сайте университета «Дубна»: деятельностный подход // 24-я научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых специалистов, 20–31 марта 2017 г.: сб. материалов. Дубна: Гос. ун-т «Дубна», 2017. С. 278–279.
17. Шевченко Д.А., Локтюшина Ю.В. Эффективность веб-сайтов высших учебных заведений. Методика оценки конкурентоспособности сайта вуза в Интернет. М.: ННОУ «МИПК», 2014. 141 с.
18. Ark W. et al. The Emotion Mouse [Electronic resource] // Human-Computer Interaction: Ergonomics and User Interfaces. Proceedings of HCI International '99 (the 8th International Conference on Human-Computer Interaction), Munich, Germany, August 22–26. Munich, 1999. Vol. 1. P. 5. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/91d8/2d479b4469cfc8b2c52005a3f8bbf7d28aae.pdf> (accessed date: 11.04.17).
19. Beirekdar A.A Methodology for Automating Guideline Review of Web Sites: дис. ... канд. психол. наук [Electronic resource] / A. Beirekdar; Université de Namur, Institut Informatique. Namur, 2004. 160 p. URL: <http://hdl.handle.net/2078.2/4223> (accessed date: 18.04.17).
20. Berlin D. Beyond Eye Tracking: Bringing Biometrics to Usability Research [Электронный ресурс] URL: <https://www.slideshare.net/Banderlin/beyond-eye-tracking-bringing-biometrics-to-usability-research> (accessed date: 27.03.17).
21. Bevan N. Guidelines and Standards for Web Usability [Electronic resource] // Proceedings of HCI International 2005. Lawrence Erlbaum, 2005. P. 10. URL: <http://www.nigelbevan.com/papers/web%20usability%20standards.pdf> (accessed date: 16.04.17).
22. Burmistrov I., Zlokazova T., Izmailova A., Leonova A. Flat Design vs Traditional Design: Comparative Experimental Study // Human-Computer Interaction. INTERACT 2015, 15th IFIP TC 13 International Conference. September 14–18. Proceedings, Part II / J. Abascal, S. Barbosa, M. Fetter, T. Gross, P. Palanque, M. Winckler (eds.). Bamberg: Springer, 2015. 662 p.
23. Burmistrov I., Zlokazova T., Ishmuratova I., Semenova M. Legibility of Light and Ultra-Light Fonts: Eyetracking Study [Electronic resource] // Proceedings of the 9th Nordic Conference on Human-Computer Interaction. N.Y., 2016. URL: <http://dl.acm.org/citation.cfm?id=2996745> (accessed date: 27.03.17).
24. Carroll J.M. Human-Computer Interaction: Psychology as a Science of Design // Annual Review of Psychology. 1997. № 486. P. 61–83.
25. Cooper A. The Inmates are Running the Asylum. 1st ed. Indianapolis: Sams, 2004. 288 p.
26. Di Stasi et al. Saccadic Velocity as an Arousal Index in Naturalistic Tasks // Neuroscience and Biobehavioral Reviews. 2013. Vol. 37. P. 968–975.
27. Foglia P. et al. Relating GSR Signals to traditional Usability Metrics: Case Study with an anthropomorphic Web Assistant [Electronic resource] // IEEE International Instrumentation and Measurement Technology Conference Victoria. May 12–15. Vancouver Island, 2008. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/611d/2cccab6f9f96648b2efd2762bf9a36fcb21b.pdf> (accessed date: 27.03.17).
28. Forne M. Physiology as a Tool for UX and Usability Testing. A comparative study of pupil size and other physiological measures: Master's Thesis in Human-Computer Interaction [Electronic resource]. Royal Institute of Technology. Stockholm, 2012. URL: https://www.nada.kth.se/utbildning/grukth/exjobb/rapportlistor/2012/rapporter12/forne_malin_12082.pdf (accessed date: 27.03.17).
29. Jadue J. et al. Web User Click Intention Prediction by Using Pupil Dilation Analysis [Electronic resource] // ACM International Conference on Web Intelligence and Intelligent Agent

Technology. Santiago, 2015. URL: <http://wic.uchile.cl/wp-content/uploads/2015/08/Web-user-click-intention-prediction-by-using-pupil.pdf> (accessed date: 24.03.17).

30. Leonova A., Degtyarenko I. Complex Approach to Websites Usability Evaluation: Experimental Verification (Oral Session: Technology, Work-Design and Human-Machine Systems) // Technology, Work-Design and Human-Machine-Systems. The 17th European Congress of Work and Organizational Psychology. Oslo, Norway 20–23 May 2015.

31. Norman D., Nielsen J. The Definition of User Experience (UX) [Electronic resource]. URL: <https://www.nngroup.com/articles/definition-user-experience/> (accessed date: 26.06.17).

32. Ohme R. et al. Biometric Measures for Interactive Advertising Research [Electronic resource] // Journal of Interactive Advertising. 2011. Vol. 11. № 2. P. 60–72. URL: <http://neurohm.pl/wp-content/uploads/2015/08/Journal-Of-Interactive-Advertising-2011-Biometric-measures-for-interactive-advertising-research.pdf> (accessed date: 27.03.17).

33. Pomplun M. et al. Investigating the Visual Span in Comparative Search: the Effects of Task Difficulty and Divided Attention // Cognition. 2001. Vol. 81. P. B57–B67.

34. Tractinsky N., Zmiri D., Fishwick P. Exploring Attributes of Skins as Potential Antecedents of Emotion in HCI [Electronic resource] // Aesthetic Computing. MIT Press, 2005. URL: <http://www.ise.bgu.ac.il/faculty/noam/papers/tractinsky%20and%20zmiri%20skins%202005.pdf> (accessed date: 27.03.17).

35. Treder M. The User Experience Guide Book for Product Managers [Electronic resource]. UXPin. URL: http://uxpin.e24files.com/product_managers_and_ux.pdf (accessed date: 10.12.16).

36. Vu K.-Ph.L., Proctor R.W. Handbook of Human Factors in Web Design. 2nd ed. N.Y.: CRC Press, Taylor & Francis Group, 2011.

37. Ward R.D. et al. Physiological Responses to Well-Designed and Poorly Designed Interfaces [Electronic resource] // Proceedings of CHI 2002 Workshop on Physiological Computing. Minneapolis, 2002. URL: http://physiologicalcomputing.net/chi2002/chi_papers/ward_physiological_responses_to_well_designed_and_poorly_designed_interfaces.pdf (accessed date: 27.03.17).

Интернетные ресурсы

38. Что такое продуктовый дизайн [Электронный ресурс]. 2015. URL: <https://medium.com/product-design/что-такое-продуктовый-дизайн-af9f98390cd2> (дата обращения: 26.06.17).

39. Making Sense of CX, UX, and HCD [Electronic resource]. URL: <http://glenburnett.blogspot.ru/2012/12/every-industry-has-itsacronyms-and.html> (accessed date: 26.06.17).

40. Material Design [Electronic resource] // Google. URL: <https://material.io/guidelines/> (accessed date: 22.01.2017).

41. Do's and Don'ts of Using Light Typefaces [Electronic resource] // UX Movement. 2014. URL: <http://uxmovement.com/content/dos-and-donts-of-using-light-typefaces/> (accessed date: 22.03.17).

42. Don Norman [Электронный ресурс]. Nielsen Norman Group. URL: <https://www.nngroup.com/people/don-norman/> (accessed date: 25.03.17).

43. Flat design: почему дизайн стал плоским? [Электронный ресурс] // Geektimes. 2013. URL: <https://geektimes.ru/post/182978/> (дата обращения: 10.02.17).

Shabanova V.O. Ergonomics of the website: approaches and researches

The article is devoted to description of the subject area, which is about assessments of the working convenience on web sites. We considered terminology problems and proposed to use the term “ergonomics” to indicate the degree of particular site’s convenience. Also we described the criteria for assessing ergonomics of websites and research work on sites with registration of eye movements and psychophysiological parameters. In the conclusion we show the main factors of ergonomics, which are necessary for conducting our own research.

Keywords: ergonomics of the website, design, human-centered approach, skin-galvanic reaction, oculogram.